

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Баранов Дмитрий Александрович

**СОВРЕМЕННЫЕ КРИЗИСЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕЖИМОВ ГОСУДАРСТВ БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ:
ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА И ЭВОЛЮЦИИ**

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель

Брега Александр Васильевич,
доктор политических наук, профессор

Москва – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1 УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ОБОСТРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО– ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ В АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВАХ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.....	21
1.1 Социально-политический кризис как явление и понятие.....	21
1.2 Условия и факторы обострения социально–экономических и политических кризисов в государствах Ближнего Востока и Северной Африки.....	34
ГЛАВА 2 ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА И ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ В АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВАХ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД.....	58
2.1 Основные субъекты и движущие силы социально-политических трансформаций в странах Ближнего Востока и Северной Африки.....	58
2.2 Механизмы и технологии дестабилизации социально-политической обстановки в странах Ближнего Востока и Северной Африки.....	73
ГЛАВА 3 ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В ГОСУДАРСТВАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ В ХОДЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	100
3.1 Основные последствия социально-политических кризисов в государствах Ближнего Востока и Северной Африки и перспективы трансформаций политических режимов в регионе.....	100
3.2 Социально-политические кризисы в арабских государствах в контексте национальной безопасности Российской Федерации	129
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	147
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	159

ВВЕДЕНИЕ

К настоящему моменту многие государства в регионе Ближнего Востока и Северной Африки до сих пор сталкиваются с последствиями событий, начавшихся еще в начале 2011 года. Одним из ключевых последствий «Арабской весны» в Северной Африке стал трансфер ее влияния в другие государства Ближнего Востока, дестабилизация ситуации в Мали, Йемене и в особенности в Сирийской Арабской Республике. Ряд вооруженных конфликтов в регионе вызвал расширение потоков контрабанды, в том числе и военного назначения, увеличение числа террористических атак в государствах региона. Эскалация насилия в отдельных точках Ближнего Востока и в Северной Африке привела к формированию новых устойчивых миграционных потоков из стран региона, что самым серьезным образом отразилось на государствах Европейского Союза. При этом, ход конфликтов в Ливии и Сирии по мнению многих специалистов, привёл к устойчивому повышению общего уровня экстремистских настроений и сформировал постоянную угрозу распространения идей радикального исламизма как в Северной Африке и странах Ближнего Востока, так и в Европе, где сформировались большие диаспоры лиц, исповедующих ислам.

Таким образом, становится очевидна необходимость внимательного изучения причин, непосредственного хода произошедших процессов и возникших последствий дестабилизирующих событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке, в отношении как самих исследуемых стран, так и социально-политической обстановки на региональном и глобальном уровнях.

Актуальность темы исследования. Необходимость исследования генезиса и эволюции социально-политических кризисов на Ближнем Востоке и в Северной Африке определяется следующими обстоятельствами:

Во-первых, данный регион всегда являлся из наиболее важных экономических, политических, культурных и религиозных центров, где исторически переплетались интересы и возникали противоречия европейской и арабской цивилизаций.

Во-вторых, современные экономические и политические процессы, происходящие в Арабском Востоке, напрямую затрагивают многие страны мира, поскольку данный регион имеет важнейшее инфраструктурное, сырьевое и военно-политическое значение для глобальной стабильности. Российская Федерация, будучи активным участником мировой политики, особенно в сфере энергетики и обеспечения безопасности непосредственно заинтересована в «присутствии» в странах региона. Более того, события, происходящие в Арабском Востоке, оказывают влияние на внутрироссийские процессы, частности антитеррористическую политику, наполняемость бюджета, военно-техническое сотрудничество.

В-третьих, обстановка на Арабском Востоке на рубеже 2010–2011 гг. резко обострилась и остается достаточно нестабильной и в настоящее время. Несмотря на то, что для данного региона традиционна высокая степень напряженности, волна кризисов в 2011 г. оказалась для мирового сообщества в определенной степени неожиданной. Осмысление феномена «Арабской весны» и сегодня является востребованным в научном сообществе, поскольку данные события оказались трудно прогнозируемыми. Казалось бы, незыблемые политические режимы стремительно теряли легитимность и терпели крах несмотря на мощный силовой аппарат и относительно низкий уровень первоначального протеста.

В-четвертых, в политической науке, несмотря на многочисленные исследования, существует настоятельная потребность исследования причин демонтажа политических режимов и технологий его организации. При этом важно выявить в каждом из государств исследуемого региона факторы, обуславливающие специфику социально-экономических, политических и социокультурных процессов, а также характерные черты исторического развития, приведшие к революционной ситуации и системному кризису.

Таким образом, имеется потребность в продолжении научных изысканий в отношении социально-политических кризисов, произошедших на Арабском Востоке, а также необходимость провести системный анализ

событий и их последствий и определить степень и характер их влияния на состояние национальной безопасности Российской Федерации.

Степень разработанности темы исследования. По причине особой востребованности темы «Арабской весны» в научном сообществе, имеется достаточно обширный круг исследований. Однако анализ материалов по теме исследования свидетельствует, что в отечественной литературе изучению социально-политических кризисов на Ближнем Востоке и в Северной Африке, посвящены в основном научные и публицистические статьи, а имеющиеся системные исследования, больше внимания уделяют технологиям дестабилизации политических режимов, чем выявлению причин кризиса политических режимов и тенденций, связанных с посткризисным устройством политических систем, что обуславливает дальнейшее рассмотрение феномена «Арабской Весны».

Первые оценки кризисных процессов в арабских странах содержались в статьях таких авторов как О.Г. Пересыпкин, Б.В. Долгов, а также В. Каладжие. Кроме того, из аналитических публикаций необходимо упомянуть монографию А.М. Васильева и Н.И. Петрова «Рецепты «арабской весны»: русская версия», которая была посвящена протестным движениям, имевшим место на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Большую значимость представляют исследования А.А. Харламова [1], А.О. Коновалова [2] и А.М. Элдиоба [3], написавших диссертации по близкой тематике.

В исследование данной проблематики значительный вклад внесли такие авторы, как В.В. Наумкин, А.О. Филоник, Е.М. Примаков, В.А. Кузнецов, Г.И. Мирский, И.Д. Звягельская, Б.В. Долгов, Ю.Н. Зинин, В.М. Ахмедов рассмотрел в событиях «Арабской весны» роль армии как политического субъекта. Работы А.Г. Бакланова и О.В. Павлова анализируют региональные процессы в контексте мировой политики и международных отношений: причины альянса Запада и радикального ислама, а также проблемы ближневосточной системы безопасности. Деятельность

зарубежных игроков по отношению к событиям на Ближнем Востоке и в Северной Африке исследуют П.В. Топычканов, Ю.В. Устинова, работы которых посвящены политике США в регионе, П. Джоел [4] и Д.А. Данилов, занимающиеся изучением ближневосточной политики ЕС, Н.В. Татарчук, изучающий политику Франции на Ближнем Востоке, Т.А. Карасова, предметом исследований которой стала внешнюю политику Израиля, Л.М. Кулагина и В.М. Ахмедов, исследовавшие роль Ирана на Ближнем Востоке в своих работах, а также И.И. Иванова, с исследованиями, посвященными политике Турции в регионе. Н.А. Комлева исследовала геополитический аспект упомянутых проблем. Наиболее изучена социально-политическая ситуация в Тунисе и Египте в трудах А.А. Кашиной. Исследования демографической ситуации в Северной Африке представлено трудами Н.В. Зайцевой. В изучение исламских политических партий и движений Большой вклад внес А.А. Осман [5]. Л.Е. Гринин рассматривает «Арабскую весну» с глобалистских позиций, В. Кузарь в свою очередь пишет об этом явлении с позиций цивилизационного подхода.

Среди зарубежных авторов можно выделить следующих: М. Ассбург, К. Ньетхаммер, В. Лашер, Ю. Фрейтаг, А. Аль-Дефрауи, А. Банк, И. Глосмайер, С. Ролл, К. Вестфаль, Д. Тхимм.

Информационные технологии, а также их влияние исследуются Б.Г. Мухамеджановым, Н.В. Цветковой и З.Т. Азизовой [6]. Также этим вопросом занимались зарубежные авторы М. Эль-Нававуи, К. Анди [7], Д. Фарис [8], С. Хамис [9], Ф. Ховард [10], И. Адель [11], И. Гонзалес [12].

Особого рассмотрения заслуживают работы арабских авторов, которые непосредственно наблюдали изучаемые события в различных странах региона Ближнего Востока и Северной Африки. То, как они видят проблемы, связанные с предметом исследования, представляет особый научный интерес, поскольку они зачастую выражают оценки, заметно отличающиеся от мнения российских, европейских и американских ученых. Среди них необходимо упомянуть таких исследователей, как А. Аль-Саадави (А. El-Saadawi) [13],

А. Бишара (A. Bishara) [14], С. Шараф (S. Sharaf) [15], М.И. Мади (M.I. Mahdi) [16], М.С. Бассиуни (M.S. Bassiouni) [17], А.Р. Зараа (A.R. Zahraa) [18].

Событиям на Ближнем Востоке уделяют особое внимание эксперты-международники из ведущих зарубежных ВУЗов, такие как К. Джонс (Школа политических и международных исследований, Лидский университет, Великобритания), А. Маккей (Университеты Манчестера и Аберистуита), Ш. Джоши (Гарвард и Королевский институт RUSI, Лондон), Т. Джонс (Университет Раджерса), М.О. Коннел (Институт исследования мира, Университет Нотр-Дам), Д. Марини (Университет Квинсленда, Австралия), Р. Такур (Университет Ватерлоо, Канада), А. Шахи (Школа государственных и международных отношений, Даремский университет), Х. Брешес (Лондонский восточный университет). В изучение революционных событий особый вклад внесли французские исследователи С. Аита, Ф. Бюрга, М. Борах, Д. Боша. Среди арабских исследователей можно выделить Е. Аббаса, Б. Аль-Джасера, Т. Рамадана [19]. Важное значение для исследований безопасности имеют работы Е. Инбара [20]. Аспект международного права затрагивают К. Панара и Г. Вильсон [21].

Исследования Н. Лажми, научного сотрудника Института прессы и наук об информации (Тунис), посвящались роли СМИ и протестной журналистики в событиях «Арабской весны», что в первую очередь касалось деятельности катарского спутникового канала «Аль-Джазира». Влияние религии и распространение исламизма в регионе анализируют Б. Джон [22], Т. Рамадан, А. Самир [23]. Р. Фридман анализирует в своих работах политику России на Ближнем Востоке, позиции России на международной арене, влияние экономического положения России на ее внешнюю политику, в том числе и в эпоху СССР, а также делает акцент на возобновлении активной позиции России во внешней политике в период президентства В.В. Путина [24].

Кроме того, можно отметить ряд исследований, посвященных вопросам теоретического осмысления процессов, происходящих в регионе Ближнего Востока. Такие ученые и исследователи, как М. Слакман (M. Slackman) [25],

Х. Таммам (H. Tammam) [26], И. Джонсон (I. Johnson) [27], Ж. Кепель (G. Kepel) [28], Н. Браун (N.J. Brown) [29], Г. Хамдан (G. Hamdan) [30], Р. Болтон (R. Bolton) [31], Л.М. Исаев, М.А. Сапронова в своих исследованиях выявляют причины, а также оценивают последствия «Арабской весны» на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Отдельно можно выделить исследования, посвященные специфическим внутриполитическим аспектам, приведшим к событиям в Египте в 2011 году, а также инструментам их практической реализации, которые используются для «воплощения в жизнь» революционных замыслов. В частности, использование социальных сетей и средств массовой информации. Среди авторов этой группы исследований важное место в изучении проблематики занимают А. Фарук, Г. Амин [32], М. Хиляль, М. Бассиуни, С. Азим, А.Р. Шишкина и Л.М. Исаев [33].

Относительно небольшое количество системных исследований в отечественной науке обусловлено тем, что проблема возникла сравнительно недавно, а последствия и отдельные аспекты изучаемых событий продолжают разворачиваться до сих пор. Кроме того, сказываются объективные трудности с анализом источников, изданных на арабском языке. Вместе с тем нельзя не отметить постоянно растущее число таких работ и изобилие публицистических материалов, поскольку актуальность данной проблематики в последнее время остаётся довольно высокой.

Протестные движения на Ближнем Востоке и в Северной Африке в 2011-2012 гг., таким образом подвергались к настоящему моменту анализу в различных аспектах в научной литературе, в том числе, в работах отечественных авторов. Наиболее исследованными оказались социально-политические предпосылки социально-политических кризисов в Египте, Тунисе и, отчасти, в Ливии, но в то же время внешнеполитическим аспектам указанных событий уделялось несколько меньшее внимание со стороны исследований, и таким образом данное явление как целостное (причины, роль внешних акторов, значение и итоги) пока исследовано недостаточно. Недостаточно рассмотренным, на наш взгляд, также оказалось

изменение экономической ситуации в Сирии после начала гражданской войны в этой стране, при том, что потери экономики Египта, Туниса и Ливии освещены достаточно хорошо. Отмечается также недостаток глубоких исследований, касающихся характера деятельности в контексте «Арабской весны» террористических организаций в рассматриваемом регионе. Особенно актуальным и требующим дальнейшего изучения выглядит вопрос влияния событий на Ближнем Востоке и в Северной Африке на состояние национальной безопасности Российской Федерации.

Вполне очевидно, что исследование социально-политических кризисов государств Ближнего Востока и Северной Африки данными проблемами не ограничивается. Анализ существующих публикаций приводит к выводу, что существует множество точек зрения по самым различным аспектам феномена социально-политических кризисов государств Ближнего Востока и Северной Африки, и какого-то единства не наблюдается. Главное то, что не существует сколько-нибудь единого взгляда на последствия происходящих процессов в исследуемом регионе, особенно в контексте национальной безопасности России. Такое положение дел и ставит вопрос о необходимости дальнейших исследований данной проблемы.

Область исследования. Диссертация соответствует п. 3 «Политический режим. Типология политических режимов. Основные черты и разновидности авторитарного режима. Предпосылки и сущностные характеристики тоталитарного строя. Основные черты и критерии демократии. Виды демократии. Влияние политических режимов на политический процесс. Переходные режимы: современные дискуссии. Эволюция политического режима в современной России, направления, принципы и механизмы конституционного процесса», п. 8 «Место политического процесса в системе общественных процессов. Социокультурные основания политического процесса. Типология политических процессов. Субъекты и объекты политического процесса. Институированные и неинституированные политические процессы. Власть и

оппозиция в политическом процессе. Теневые субъекты в политике. Структурные элементы политического процесса, способы и механизмы их взаимосвязи и взаимодействия. Уровни политического процесса. Понятие «мировой политической процесс, его основные характеристики в условиях глобализации. Специфика и основные черты политического процесса в постсоветской России», п. 9 «Статика и динамика в политической жизни: традиционные и модернизационные типы общества. Цивилизационные и национальные стили развития политических процессов. Принципы и механизмы взаимодействия общеисторических императивов и требований отечественной традиции в политическом развитии общества. Политическая модернизация, ее взаимосвязь с модернизационными прорывами в других сферах общественной жизни. Инновационные группы в модернизационных процессах. Модернизация в условиях глобализации. Противоречия и перспективы модернизационных процессов в современной России» Паспорта научной специальности 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Предметом исследования выступают причины кризисов политических режимов в странах Ближнего Востока и Северной Африки, их особенности, результаты и последствия для региональной и глобальной безопасности.

Объектом исследования является кризис политических режимов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, наступивший в 2010-2012 гг.

Цель и задачи исследования. **Целью** исследования является установление причин и характеристика эволюции кризисов политических режимов в изучаемом регионе, их влияние на региональную и международную безопасность.

Для достижения поставленной цели в исследовании решаются следующие **задачи**:

1. Охарактеризовать особенности протекания политических кризисов на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

2. Выявить и проанализировать ключевые факторы, способствовавшие генезису и эволюции кризисов политических режимов государств Ближнего Востока и Северной Африки.

3. Исследовать генезис и эволюцию кризисов политических режимов в арабских государствах Ближнего Востока и Северной Африки в современный период в ходе «Арабской весны».

4. Раскрыть ключевые механизмы и технологии дестабилизации социально-политической обстановки в странах Ближнего Востока и Северной Африки, активно использовавшиеся в период «Арабской весны» и после неё.

5. Определить ключевые тенденции развития политических режимов государств Ближнего Востока и Северной Африки, имеющие определяющее значение для состояния как региональной, так и глобальной безопасности, в том числе безопасности России.

6. Проанализировать последствия исследуемых кризисов политических режимов и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации.

Методология и методы исследования. В исследовании в качестве основной применена диалектическая методология. Наиболее задействованными были такие принципы, как принцип конкретности, принцип детерминизма, принцип целостности, принцип развития и другие. Весьма важное значение имел принцип историзма, рассматриваемый как неразрывное диалектическое единство общего и частного, как отсутствие любой предвзятости и прочтение источника в широком социально-политическом и мировоззренческом контексте изучения эпохи.

Исследование базируется на различных подходах. Использование сравнительно-исторического анализа позволило исследовать специфику возникновения и действия социально-политических факторов в современных условиях, используя данные о событиях и процессах для разных стран региона. Кроме того, указанный метод способствовал выявлению механизмов взаимодействия политической, социальной и экономической сфер общества

в отдельно взятых странах в определенные исторические периоды. Использование причинно-следственного анализа позволило выявить детерминанты и противоречия, составляющие основу процессов трансформации политических отношений.

Использование институционального подхода дало возможность объяснить механизмы формирования и функционирования политических структур в современных условиях трансформации ряда Ближневосточных государств. Посредством использования нормативно-ценностного метода в исследовании выявляется значимость конкретных социально-политических явлений для состояния общества и политической системы государства.

В ходе исследования использовалось изучение статистических и документальных источников для анализа развития социально-политических процессов, проходивших в исследуемых странах. Из числа общенаучных методов использовались анализ, синтез.

Эмпирическая база исследования представлена несколькими группами источников: официальные документы, принятые международными и региональными организациями, а также их резолюции; внешнеполитические документы Ливии, Египта и Сирии; выступления, заявления, интервью политических деятелей; официальные документы и законы иностранных государств.

Большой интерес представляют собой принятые в период с 2011 по 2014 годы конституции и конституционные декларации Сирии, Ливии и Египта. Их анализ позволяет выявить произошедшие в устройстве данных государств в исследуемый период изменения.

Репрезентативную картину реакции международного сообщества на внутреннюю и внешнюю политику исследуемых государств представляют резолюции таких международных и региональных организаций как ООН и Лига арабских государств (ЛАГ). В свете развернувшихся событий наиболее знаковыми являются Резолюции Совета Безопасности № 1973, 2042, 2043, 2059,

2118 и 2139. Что касается резолюций ЛАГ, то большой интерес представляют резолюции № 7444 и 7442.

Среди договоров, касающихся внешней политики Сирии, Ливии и Египта, наиболее значимыми являются соглашения Сирии и Исламской Республикой Иран, в частности, «Соглашение об обороне», ставшее основой стратегического военного сотрудничества двух государств, мирный договор Египта с Израилем, а также соглашение о стратегическом партнерстве Египта и США. Что касается Ливии, то среди двусторонних договоров можно особо выделить договор о сотрудничестве ЕС и Ливии, а также соглашения о сдерживании нелегальной миграции с Францией и Италией, которые позволили установить относительный контроль над миграционными потоками из Африки в Европу до начала революционных событий в 2011 г.

При выполнении исследования также были использованы многочисленные данные о деятельности неправительственных организаций в Северной Африке [34], а также материалы доктрины НАТО [35]. Кроме того, были проанализированы отдельные элементы инструкции египетских революционеров на арабском языке [36].

Одним из наиболее важных источников для исследования стали работы авторов, опубликованные в периодических изданиях и внесшие значительный вклад в изучение заявленной темы. В своих статьях такие зарубежные авторы, как С. Абдельхамид (S. Abdelhamid) [37], С. Дарвиш (S. Darwish) [38], В.Ф. Энгдал (W.F. Engdahl) [39], О. Аль-Шакри (O. El-Shakry) [40], М. Гладвелл (M. Gladwell) [41], Н. Элтантави (N. Eltantawy) [42], А.М. Рашид (A.M. Rashid) [43], Э. Захуранец (A. Zahuranec) [44], Т. Каротерс (T. Carothers) [45] рассматривают различные аспекты проблемы «Арабской весны» и «цветных революций», не останавливаясь подробно на теоретических аспектах, что придало их работам высокую актуальность и оперативность, а также остроту.

Также необходимо отметить такой источник, как вышедший под редакцией В. Наумкина сборник статей МГУ [46], содержащий работы

ведущих экспертов-международников и дипломатов по исследуемой тематике, и ставший важным источником аналитики событий. Наиболее полно среди научных статей раскрывают указанную проблематику материалы Института Ближнего Востока. Среди его авторов можно в первую очередь отметить А.А. Быстрова [47], В.П. Юрченко [48], И.С. Берга [49] и Ю.Б. Щегловина [50]. Кроме того, значительный интерес представляли еженедельные аналитические сводки о развитии ситуации на Ближнем Востоке. При написании работы особую роль также сыграли материалы журнала «Азия и Африка сегодня». Среди его авторов можно отметить А.В. Коротаева и Ю.В. Зинькину [51], осуществивших структурно-демографический анализ имевших место процессов, а также К. Мельникову [52] и Л.Л. Фитуни [53].

Научная новизна исследования заключается в том, что в настоящей работе:

1. Предложен новый подход к определению политического кризиса.
2. Проанализированы в исторической ретроспективе основные факторы, обусловившие в государствах Ближнего Востока и Северной Африки кризисы политических режимов в начале двадцать первого века.
3. Систематизированы особенности серии социально-политических кризисов на Ближнем Востоке, получившей название «Арабская весна».
4. Обобщены и проанализированы методы и технологии, использованные различными акторами в течении «Арабской весны» и специфика их применения в зависимости от условий каждой отдельной страны.
5. Выявлены и охарактеризованы основные тенденции развития политических режимов стран Ближнего Востока и Северной Африки, вызванные социально-политическими кризисами и определяющие новый облик социально-политических процессов в регионе.
6. Проведен анализ основных последствий кризисов политических режимов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки в контексте их

влияния на основные составляющие национальной безопасности Российской Федерации.

Теоретическая значимость исследования заключается в проведении комплексного анализа причин, ключевых факторов и особенностей развития кризисов политических режимов в странах Ближнего Востока и Северной Африки, а также их наиболее важных последствий. Подобный подход к изучению социально-политических кризисов в этих странах и анализ влияния последствий «Арабской весны» на состояние национальной безопасности Российской Федерации, воплощенные в исследовании, могут быть использованы для получения более всеобъемлющего понимания процессов, происходящих в исследуемом регионе и позволят сформулировать стратегию противодействия их негативным проявлениям.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для разработки учебных материалов, подготовки источников справочного характера о политических процессах в регионах Ближнего Востока и Северной Африки. Результаты исследования могут быть использованы для подготовки информационных и аналитических работ с целью их предоставления в адрес различных ведомств Российской Федерации, занимающихся в рамках своих полномочий деятельностью в исследуемом регионе. Обобщение приёмов и технологий, использованных для дестабилизации социально-политической обстановки в исследуемых странах, может быть применено для поддержки деятельности российских органов внутренних дел и специальных служб, а также других заинтересованных ведомств.

Основные элементы научной новизны исследования отражены в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1. Кризис политического режима представляет собой форму социально-политических отношений, характеризующихся, как правило, дестабилизацией всей политической системы, каналов, методов и механизмов

реализации политической власти и сопровождается существенным усилением недовольства широких социальных слоев деятельностью правящих политических элит, падением их легитимности. Кризис политического режима проявляется в следующих ипостасях: 1) значительное падение эффективности деятельности государственной власти; 2) распад социально-политической базы поддержки правящей политической элиты, проявляющийся в существенном падении легитимности. Кризисам политических режимов свойственно взаимопроникновение связанных с ним дестабилизирующих флуктуаций и последствий в различные сферы общественных отношений, что делает его целостным феноменом по отношению к функционированию жизнедеятельности всего социума. При этом динамика социально-политического кризиса такова, что она может иметь характер пандемии и выраженный синергетический эффект для похожих политических режимов в рамках одного региона (С. 27-29).

2. Политические кризисы, зародившиеся в начале 2010-х годов в странах Ближнего Востока и Северной Африки следует рассматривать как совокупность деструктивных процессов, проходивших в некоторых государствах региона, вызванных комплексом накопившихся внутренних и внешних противоречий, как общих, так и уникальных для каждой страны региона. Черда кризисов политических режимов привела к существенной политической трансформации, десоверенизации, появлению серых зон, неподконтрольных официальным органам власти, что способствовало появлению территориальных анклавов терроризма и других видов преступной деятельности.

Основными внутренними причинами кризисных явлений и роста протестного потенциала в этих странах стали социально-демографические сдвиги, неспособность, а главное неготовность властей разрешать политические и социально-экономические противоречия, накопившиеся в последние десятилетия развития. Общими для рассматриваемых стран причинами недовольства стали монополизация власти узкой группой лиц,

несменяемость правящих режимов, «перекрытие» каналов социально-политической мобильности для средних и обеспеченных слоев, не входивших в правящие кланы, коррупция, попытки передачи власти по наследству, деградация института выборов и, как следствие, потеря доверия к нему как легитимному механизму смены власти.

Длительное функционирование режимов авторитарного характера с уклоном к единоличным диктатурам характеризовались подавлением инакомыслия, жесткой цензурой и фактической ликвидацией оппозиции. В результате это привело к разрыву контуров обратной связи, упадку существующих механизмов артикуляции и агрегации интересов различных социальных слоев, являющихся важным условием стабильности власти (С. 42-56).

3. Особенностью генезиса и эволюции кризисов политических режимов на Ближнем Востоке и в Северной Африке является наличие взаимоисключающих интересов действующих субъектов, внешних и внутренних, что обуславливает неоднозначность их оценки. При этом, все события на Ближнем Востоке, обычно объединяемые под общим термином «Арабской весны», для каждого отдельного государства, затронутого подобными процессами, имели как общие действующие силы, так и свою особую специфику. Данная специфика проистекает из широкой географии произошедших и происходящих событий, их разнесённости во времени и особых условий каждого отдельно взятого государства. В каждой из стран свою роль сыграли отдельные причины социального, экономического, политического и духовного характера (С. 62-68).

4. Механизмы и технологии, примененные в ходе «Арабской весны» для дестабилизации социально политической обстановки и организации государственных переворотов, имеют несомненное сходство с технологиями «цветных революций». Они использовали схожий набор организационных и психологических приемов, схем и шаблонов, смещая, однако, при этом ударение на методы, раскалывающие единство традиционных восточных

обществ на мелкие фрагменты, вырывая из состава родовых и племенных кланов отдельных личностей, дезориентируя их в политической обстановке при помощи технологий управления массовым сознанием, чтобы создать из этих дезориентированных граждан «политическую толпу», служащую инструментом «цветной революции». Технологии и методы, применявшиеся в ходе «Арабской весны», носили разноуровневый характер, применялись как на длинном отрезке времени (работа неправительственных организаций и фондов), так и точно для организации конкретных акций (сетевая организация и использование мессенджеров и ресурсов сети Интернет для координации протестных действий) (С. 97-103).

5. Кризисы политических режимов в странах Ближнего Востока и Северной Африки породили обширные последствия, которые затронули все области и сферы деятельности. Исследуемые события самым негативным образом сказались на ситуации в регионе. Их следствием стали значительный спад экономики в исследуемых странах, обострение борьбы за региональное лидерство между Ираном, Турцией и Саудовской Аравией и усиление этноконфессиональных противоречий, которые обладают способностью перерасти в новый региональный конфликт. Безвластие и нестабильность стали почвой для бурного роста преступности, усиления активности террористических группировок, увеличения наркотрафика и торговли оружием, а исламизация и радикализация региона трансформируются в угрозы международной безопасности (С. 105-114).

6. Системный характер кризисов политических режимов, произошедших в странах региона Ближнего Востока и Северной Африки, поставили перед Российской Федерацией ряд совершенно новых вызовов, затрагивающих национальные интересы России и оказывающих влияние на состояние её национальной безопасности. Исследуемые события затронули политические и экономические интересы Российской Федерации, связанные с усилиями, направляемыми руководством государства на формирование новой, полицентричной модели мироустройства и обеспечение справедливых и

равных условий глобальной экономической деятельности. Кроме того, существует непосредственная угроза внутренней безопасности Российской Федерации, проистекающая из распространения в регионах с преобладающей долей населения, исповедующего ислам, радикальных идей и нетрадиционных религиозных течений, а также деятельности глобальных террористических организаций. Разработка путей решения данных проблем требует тщательного анализа произошедших событий и формулирования особой стратегии деятельности органов государственной власти в отношении исследуемого региона (С. 146-152).

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Достоверность положений, выводов и рекомендаций, содержащихся в диссертации, подтверждается их апробацией в установленном порядке, использованием способов и методов, свойственных политической науке, а также использованием широкого круга научных источников, трудов отечественных и зарубежных ученых - специалистов в области политической и социальной науки.

Теоретические положения, предложения и рекомендации, содержащиеся в диссертации, излагались на XIII Международной научно-практической конференции «Научный поиск в современном мире» (г. Махачкала, НИЦ «Апробация», 30.09.2016), на XXIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 10.04.2017 – 14.04.2017), а также на XXV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 09.04.2018 – 13.04.2018).

Материалы диссертации используются в практической работе подразделения Управления информационных систем Службы специальной связи и информации Федеральной службы охраны Российской Федерации по информационно-аналитическому обеспечению органов государственной власти. Методология анализа ключевых последствий социально-политических кризисов и их влияния на состояние национальной безопасности Российской Федерации.

Федерации внедрена в процесс подготовки информационно-аналитических материалов в интересах аппарата Совета безопасности Российской Федерации, а выводы и основные положения проведенного исследования способствовали повышению качества материалов по данной проблематике.

Кроме того, материалы диссертации используются Департаментом политологии Финансового университета в преподавании учебных дисциплин «Мировая политика и международные отношения», «Геополитика», «Современные политические партии и движения».

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Результаты исследования отражены в 6 публикациях общим объемом 4,95 п.л. (авторский объем 4,55 п.л.), в том числе 4 работы общим объемом 4,45 п.л. (авторский объем 4,05 п.л.) опубликованы в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России.

Структура и объем диссертации обусловлены целью, задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего 153 наименования. Текст диссертации изложен на 176 страницах.

ГЛАВА 1

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ОБОСТРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО– ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ В АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВАХ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В данной главе даётся оценка научной разработанности и уточнение понятий «кризис» и «фактор», а также условия и факторы, приведшие к возникновению новых и обострению существующих социально–экономических и политических кризисов в арабских государствах Ближнего Востока и Северной Африки.

1.1 Социально-политический кризис как явление и понятие

Перманентное возникновение социально-политических кризисов в современном мире и их заметное влияние на все сферы жизни общества определяют настоятельную потребность осмысления их причин, динамики, технологий и способов урегулирования.

Безусловно, социально-политический кризис имеет свою специфику, что обусловлено не только сферой его возникновения, но и крайне изменчивым характером протекания под влиянием множества факторов. Именно поэтому любое исследование, связанное с данной категорией, необходимо проводить, учитывая уже имеющийся опыт его теоретико-методологического осмысления, в частности, в вопросах уточнения первоначально лексического, а также научного определения базовой категории «кризис».

Основные трактовки понятия «кризис социальный» в словарях иностранных слов и толковых словарях повторяются во множестве признаков. В целом, обобщая определения, содержащиеся в различных словарях, под социальным кризисом понимается резкий, крутой перелом, тяжелое переходное состояние какого-либо процесса, социального института, сферы общественной жизни или общества в целом.

В научной литературе можно выделить два подхода в понимании сущности социального кризиса. Так, с точки зрения преобладания системного подхода «кризис есть не что иное, как высшая степень обострения противоречий между составом элементов системы и её структурой, та степень, при которой структура превращается в тормоз развития системы и одновременно возникает возможность скачка в новое качественное состояние путём перестройки структуры» [54]. Другой подход условно можно назвать динамическим, поскольку в нем основное внимание концентрируется на развитии и функционировании. С этой точки зрения кризис, являясь моментом диалектического развития, сам есть качественно-количественная определённости, то есть представляет собой процесс, и, как таковой, проходит несколько стадий развития, а именно: стадию становления кризиса, стадию развития кризиса до полной зрелости, стадию полной зрелости кризиса, стадию разрешения кризиса.

При этом под *развитием* понимается приспособление к новым условиям среды, приобретение новых качеств, необходимых для прогрессивных перемен. В свою очередь *функционирование* представляет собой сохранение функций системы, которые определяют её сущностные характеристики и целостность, поддержание её жизнедеятельности.

Наиболее полное определение социально-политического кризиса как социального явления приводится в Энциклопедическом словаре – ежегоднике «Безопасность Евразии-2004». «Кризис социально-политический - социальное и политическое состояние общества, при котором на основе резкого обострения социально-политических противоречий нарушается их стабильность, нормальное функционирование и развитие. Это глубокая дестабилизация социально-политической системы, ставящая под угрозу ее существование, но сама по себе еще не означающая замену данной политической системы другой» [55].

Поскольку соотношение кризиса и конфликта в научной литературе рассматривается неоднозначно, то представляется важным определить

соотношение понятий социально-политический кризис и социально-политический конфликт. Следует отметить, что в основе как кризисов, так и конфликтов лежат социальные противоречия интересов людей или их групп (классов и слоев) или более широких общностей (народов, наций, народностей). При этом существование расхождений в этих интересах, наличие противоречий не является по умолчанию конфликтом или кризисом, поскольку только определённый этап в развитии противоречий может быть назван социально-политическими кризисами и конфликтами.

Практика общественного развития показывает, что при разрешении социальных противоречий открытое столкновение не является наиболее оптимальной формой выхода из ситуации. Принимая во внимание тот факт, что цена конфликта, революционных методов и средств разрешения противоречий может оказаться весьма высока, более оптимальным представляется выбор другого пути - эволюционного, когда комплексы противоречий не накапливаются и не концентрируются, а сознательно подвергаются дезинтеграции и разукрупнению, благодаря чему процесс не доходит до открытого столкновения участвующих групп. Следует отметить, что выбор эволюционного пути общественного развития становится возможным только при наличии реальных предпосылок к этому и только с определенного момента.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что причинами возникновения общественных конфликтов являются объективные противоречия, которые связаны с интересами людей и получают в конфликте одну из форм своего выражения и проявления. При этом в рамках настоящего исследования принципиально важно различать понятия «конфликт» и «кризис».

Социально-политический кризис чаще всего представляет собой нарушение ранее существовавшего равновесия, некая функциональная дисфункция ранее налаженного взаимодействия, которое для рассматриваемого процесса или явления развивалось более или менее

успешно. В свою очередь конфликт представляет собой не просто нарушение взаимодействия, существовавшего ранее, распад равновесного состояния, а прямое столкновение сторон, возникшее стихийно или основанное на сознательном противостоянии. Наличие конфликта всегда указывает на то, что развитие процесса приняло кризисный характер. Одновременно нельзя любое кризисное развитие, каждый возникающий кризис, определить, как конфликт. Более того, привести к конфликту может не каждый кризис. Течение кризисов может быть, как явным, легко обнаружимым, так и скрытым по форме, малозаметными. Наибольшую опасность могут представлять кризисы общесистемного характера.

Соответственно, важное значение имеет описание причин и последствий социально-политического кризиса.

В общем случае, кризисная система развивается следующим образом: докризисный период - политический кризис (кризисная ситуация, расширение либо усиление кризиса) - урегулирование кризиса - разрешение кризиса ситуации и посткризисное урегулирование. Под кризисной ситуацией предлагается понимать реальное состояние системы в определенный момент времени развития кризиса. Следовательно, полный анализ кризисной ситуации должен рассматривать всех субъектов, задействованных в кризисе в определенный момент времени.

Симптом кризиса, в отличие от фактора, представляет собой начальный признак растущей проблемы, указатель наиболее уязвимых элементов системы и процесса её функционирования.

Симптомы и факторы кризисов учитываются при проведении их типологизации, которая позволяет выделить такие разновидности кризисов как, например, экономические, политические, социальные, организационные, психологические и их смешанные формы – социально-политические и другие им подобные.

Экономические кризисы отражают острые противоречия экономического характера внутри хозяйства государства или в состоянии

какой-либо отдельной организации. Главными факторами экономического кризиса являются сокращение производственных мощностей, общего объема промышленного производства, рост инфляции, гиперинфляция, снижение внешнеторгового оборота и ВВП, рост числа банкротств, падение курсов ценных бумаг, развал в сельском хозяйстве и снижение инновационной активности предприятий.

Политические кризисы характеризуются возникновением острых противоречий в политической структуре общества, которые затрагивают интересы различных социальных групп, властных элит и оппозиционных партий. Факторами политических кризисов являются: обесценивание власти в глазах граждан, резкое снижение её легитимности, потеря властью способности управлять обществом и процессами в нём.

Социальные кризисы возникают при столкновении интересов различных социальных групп и обострении противоречий между ними. Часто возникают как продолжение кризисов экономических.

Главными факторами социальных кризисов являются: безработица, коррумпированность общества, значительное снижение качества жизни граждан, нищета, рост числа серьезных заболеваний, ухудшение криминогенной обстановки, утечка умов и деградация системы духовных ценностей.

Одной из разновидностей социального кризиса является кризис демографический, негативный характер которого заключается в превышении показателей смертности над показателями рождаемости, негативных миграционных процессах, которые вызывают отток квалифицированных специалистов, а также в нехватке в экономике производительных кадров и в неблагоприятных изменениях в половозрастной структуре населения.

Социально-политический кризис есть одна из форм выражения общественного кризиса, состоящая в открытом выступлении масс против политической организации и политики, проводимой ею. Причины, породившие общественно-политический кризис, состав его участников, а

также цели, которые преследуют те, кто выступает против политики в целом или ее отдельных аспектов, применяемые массами средства дают общую картину социально-политического кризиса и его перспектив: перерастание в восстание и революцию или переход в реакцию и контрреволюцию.

Сущность социально-политического кризиса заключается в резком обострении противоречий в различных взаимодействиях и взаимосвязях социальных институтов, организаций, групп и отдельных индивидов в политической сфере, то есть в процессах завоевания, распределения, перераспределения, удержания и использованию государственной власти.

Социально-политический кризис как феномен вызывает изменения в социально-политической системе, трансформацию институтов и структур политического властвования, также перемены в социально-политическом устройстве общества.

Содержание кризиса политического режима, как правило, обусловлено:

Во-первых, появлением острых политических противоречий между ветвями власти: законодательной, исполнительной и судебной, одновременно с наличием взаимных обвинений и требований по смене политического курса как во внешней, так и во внутренней политике.

Во-вторых, деградацией отношений между центральной властью и местными органами власти, нарастанием конфликтов и националистических и сепаратистских движений.

В-третьих, существенным снижением легитимности правящей политической элиты, поскольку в общественном сознании нарастает неприятие используемых методов государственного и политического управления.

В-четвертых, ростом во всех отраслях национальной экономики числа банкротств предприятий, замедлением роста ВВП, сокращением инвестиций, производительности труда и реальных доходов населения, ухудшением качества жизни населения, увеличением безработицы и явной неспособностью

политического класса предотвратить усугубляющиеся социальные и экономические катаклизмы.

Классифицировать причины кризисов можно различным образом. Они делятся на объективные, которые связаны с циклическими потребностями изменения и модернизации, и субъективные, которые исходят из специфики политического лидерства, а также природные, которые характеризуют природные явления. Также можно разделить причины кризиса на внешние и внутренние. Первые связаны с международной политической ситуацией, либо некими внесистемными факторами, а вторые - с несовершенством управления, внутренними конфликтами, деятельностью внутрисистемных групп и т.д.

Таким образом, социально-политический кризис представляет собой неотъемлемый феномен общественной жизни и политики со своими характерными чертами, в котором получают выражение рациональные и иррациональные действия индивидов, организаций, социальных групп и институтов власти, реализуются их функции, роли, политические интересы и цели.

Социально-политический кризис является формой политического процесса, катализатором развития политической системы и вызывает в жизни общества изменения. При этом комплексный механизм общественного развития предполагает взаимопроникновение, развертывание и свертывание социально-политических явлений, событий и действий, что обуславливается возникновением и развитием социально-политических кризисов разных типов и видов.

По результатам проведенного анализа, социально-политический кризис представляется возможным определить, как социальное явление, представляющее собой особую форму общественно-политического процесса, его переломный момент, характеризующийся переходным состоянием в развитии общества и его политической системы, их дестабилизацией вследствие обострения противоречий в существующих социальных и политических отношениях.

Социально-политический кризис обладает своей структурой, взаимопроникновение и единство элементов которой обеспечивает его целостность как социального феномена, возможность его зарождения, развития и существования на различных этапах функционирования социума и его политической системы, в различных режимах и формах. Кроме того, для полноценного решения поставленной научной задачи представляется необходимым произвести теоретико-методологическое осмысление категории «геополитические факторы» и определить её содержание.

При этом необходимо указать на существование трудностей методологического характера, которые связаны с применением философско–политологического категориального аппарата. Одной из главных трудностей является неоднозначность использования терминов «фактор» и «геополитика», которые образуют понятие «геополитические факторы». В частности, существуют широкие разночтения в определении геополитики.

Основанием для данной ситуации является то, что геополитика изучается большим числом смежных общественных наук – политической географией, философией политики, этнополитологией, этнографией, политологией, социологией, историей, экономикой и другими. Поскольку каждая из перечисленных научных дисциплин обладает своими задачами исследования и четко определенной предметной областью, избежать появления разночтений практически невозможно.

С учётом подобных обстоятельств представляется необходимым в первую очередь определить специфику и содержание категории «геополитика», а также пределы ее использования с теоретических и методологических позиций – политологических, географических и философских. Кроме того, при анализе категории «геополитика» обязательно следует помнить о существующей неоднозначности и производить её изучение, принимая во внимание существующее многообразие её пониманий.

В общественно–политической и научной литературе проблема содержания и специфики категории «геополитика» ставится в различных аспектах, с использованием нескольких различных подходов.

Согласно первому подходу, геополитика объявляется фундаментальным понятием, областью научных знаний, концепций, наукой, теорией, и другими схожими терминами. При этом наблюдается очевидный пропагандистский характер использования геополитики, а в научном плане – направленность на придание ей универсального методологического характера.

Во втором подходе исследователи описывают геополитику как некую «реакционную» теорию, инструмент пропаганды, с помощью которого совершаются попытки дать объяснения явлениям общественной жизни, таким как, например, войны, через географические причины, а также обосновывать насильственный захват территорий и ущемление прав других народов.

По третьему подходу геополитика является одним из основополагающих понятий в теории международных отношений, которое характеризует место и исторические формы воздействия территориально–пространственных особенностей положения государств или блоков государств на локальные, региональные, континентальные и глобальные международные процессы.

В рамках четвёртого подхода геополитика описывается как политическая концепция, согласно которой природно–географические характеристики (положение стран, форма их сухопутной и морской территории, национальный и расовый состав населения, материальные ресурсы и климат) используются для обоснования собственных национальных и групповых интересов.

В пятом подходе геополитика определяется как область знаний научного характера о состоянии ресурсов того или иного субъекта в пространстве и во времени с учетом его мирового положения. Кроме того, данный подход также включает практическую деятельность этих субъектов по сохранению или изменению конфигурации, сложившейся в конкретный

исторический момент, либо адаптации к ней в том случае, когда иные действия невозможны или нецелесообразны.

Согласно шестому подходу, геополитика считается научной дисциплиной, изучающей принципы и процессы развития государств, регионов и мира в целом, учитывая при этом системное влияние политических, военных, географических, экономических, экологических и других факторов.

Именно этот подход видится более научно обоснованным из всех рассмотренных по той причине, что в нем определение геополитике даётся не только через наличие зависимости от географического положения самого субъекта международных отношений, но и через существование совокупности факторов, от которых он зависит, позволяющих ему контролировать конкретное пространство и осуществлять свои интересы. В таком определении заключается методологический посыл для исследования системы геополитических факторов применительно к конкретной реальности существования ближневосточных государств в период перед, во время и после социально-политических кризисов.

Учитывая вышеизложенное, геополитику можно логически определить, как теорию и практику обоснования и реализации интересов государств, регионов и мира в целом с учетом системного влияния геополитических факторов. У геополитики как науки возможно выделить следующие специфические черты: она исследует пространственные связи и отношения, а не политико-географическое страноведение, как на региональном, так и на глобальном уровнях; геополитика изучает не географические, а политические явления и процессы с учётом их взаимодействия в пространстве; она рассматривает положение государства не статически, а в динамике его развития и взаимодействий в геополитическом пространстве.

Именно эти специфические черты в своём единстве определяют выражение геополитики, создают её осевые линии в общей системе политических наук, что позволяет, сохраняя неоднозначность

геополитических представлений, использовать её как ориентир для разрешения широкого спектра проблем данной науки от ее теории, методологии и истории, до актуальных задач и возможностей прикладного применения.

Определение специфики и содержания категории «геополитика» позволяет перейти к анализу категории «геополитические факторы». Однако важно отметить, что существующие различия в понимании геополитических факторов в общественно-политической и научной литературе являются следствием как разночтений в определении геополитики, так и разнообразных подходов к её понятийному аппарату.

Рассматривая такую категорию как «фактор», исходной точкой необходимо сделать процесс взаимодействия, который является конечной причиной бытия вещей.

Говоря о факторах важно понять, что мы не пытаемся выделить генетическую связь в универсальном процессе взаимодействия, а рассматриваем предметы, существующие одновременно и действующие взаимно друг на друга. Трансформация процессов и явлений в объективную реальность, в ходе которой взаимодействуют реальные объекты, становится очевидным то или иное эффективное, определяющее обстоятельство или причина, и может быть охарактеризована понятием «фактор». Иными словами, в качестве фактора следует рассматривать некоторое определяющее, воздействующее, влияющее обстоятельство (причину), некую движущую силу, определяющую отдельные черты какого-либо процесса или его характер в целом.

Методологическое обоснование сущности и специфики понятий «геополитика» и «фактор» позволяет дать определение понятию «геополитические факторы». Приблизиться к решению этой задачи позволяют подходы некоторых отечественных исследователей, которые рассматривают геополитические факторы в качестве системного явления. Так, В.Н. Баришполец, М.И. Абдурахманов, В.С. Пирумов и В.Л. Манилов

в словаре по проблемам геополитики и национальной безопасности определяют геополитические факторы как «географические, политические, экономические, военные, экологические, информационные, технологические, этнические, религиозные и иные факторы, определяющие состояние и развитие государств, регионов и мира в целом». В свою очередь, Н.И. Турко, А.С. Скворцов и Н.П. Клокотов понимают геополитические факторы как совокупность геополитических параметров, которые предопределяют то или иное направление в политике государства по обеспечению его жизненно важных интересов на определенном этапе его развития.

Принимая во внимание всё вышеизложенное, геополитические факторы можно определить, как совокупность параметров, оказывающих определяющее влияние на состояние и развитие отдельных государств, регионов и всего мира. В качестве геополитических факторов можно указать политические, социальные, географические, экономические, демографические, военные, религиозные, духовно–информационные, экологические, этнические, и другие количественные и качественные показатели, по которым можно дать характеристику субъектам геополитических отношений.

Геополитические факторы определённо следует считать основополагающим понятием геополитики. Не представляется возможным произвести сколько-нибудь достоверный геополитический анализ, не принимая их во внимание. В основе создания геополитических концепций, оценки сил и их соотношения на межгосударственном, региональном и мировом уровнях, лежит именно системный анализ геополитических факторов. В ходе такого анализа производится их ранжирование, оценка, установление взаимосвязей и сопоставление с геополитическими факторами, характеризующими другие государства и регионы. Результаты подобного анализа могут стать объективной основой для выявления ключевых интересов государств, которые формируются под влиянием географического положения и других геополитических параметров.

Искусство геополитического анализа, основанного на учете геополитических факторов, не является результатом современной научной мысли. Подобное мастерство оформлялось на протяжении столетий с появлением представлений о влиянии тех или иных факторов и условий на существование человечества.

Представляется возможным выделить основополагающие факторы геополитические, т.е. те из них, которые имеют общезначимый характер для всех субъектов геополитики и отражают наиболее общие тенденции развития современных социальных процессов. Отечественные исследователи В.С. Пирумов, Т.Г. Пархалина, В.В. Карпов и другие выделяют следующие основные геополитические факторы: географические; политические; экономические; военные; экологические; демографические; культурно-религиозные и этнические.

Изучение приведенных точек зрения как зарубежных, так и отечественных исследователей в области систематизации факторов, имеющих определяющее влияние на геополитический облик государств, а также направление развития глобальных и региональных процессов в геополитике, позволяет установить новые детали складывающейся геополитической модели мира, в основе которой лежит ряд геополитических факторов: географический (пространственно-территориальный), политический, экономический, военный, социальный, духовно-информационный, демографический, этнический, религиозный и экологический.

Данные факторы, с учетом отдельных особенностей каждого конкретного государства, служат основанием их внешней и внутренней политики, линии геополитического поведения.

При этом сложный момент состоит в том, что разнообразные факторы в работах научного характера и публицистике употребляются в контекстах отличных от геополитического. Поэтому встают обоснованные вопросы: «В каких условиях станут геополитическими те или иные факторы?»; «Как

обозначить границу между геополитическими факторами и факторами в обычном понимании?»

В содержательном плане каждый из основных геополитических факторов представляет собой совокупность определенных геополитических слагаемых, в обобщенном виде выражающих конкретные параметры состояния и развития субъектов геополитических отношений. На взгляд диссертанта, для целей данного исследования геополитические факторы возможно объединить в следующие макрогруппы: географические (пространственно–территориальные) факторы, политические факторы, экономические факторы, военные факторы, социальные факторы, духовно–информационные факторы, демографические факторы, этнические факторы, религиозные факторы и экологические факторы.

1.2 Условия и факторы обострения социально–экономических и политических кризисов в государствах Ближнего Востока и Северной Африки

В 2011 г. на Ближнем Востоке произошли события, которые позднее получили общепринятое наименование «Арабская весна». Эти события оказали большое влияние практически на все арабские государства, за исключением Сомали, Джибути и Коморских островов, и сильно сказались на дальнейшем политическом развитии, а в некоторых случаях полностью изменили существующие политические режимы.

Протестные движения и акции (и их жестокое подавление) для государств Ближнего Востока на протяжении их истории нельзя назвать исключительным явлением, а после ряда «цветных революций» массовые выступления, приводящие к смене правящего режима, выглядят как относительно знакомое явление. Однако, по накалу событий, особым формам политических действий и последствиям для всего региона Ближнего Востока и Северной Африки «Арабская весна» стала явлением выдающимся.

Регион Ближнего Востока и Северной Африки с геополитической точки зрения остаётся одним из ключевых достаточно продолжительное время. Ряд присущих ему особенностей придаёт региону особую значимость среди прочих. Какие же из характерных особенностей развития региона можно считать основными причинами наличия в нём кризисного потенциала?

Во-первых, геополитически он располагается в точке пересечения Европы, Азии и Африки – трёх крупнейших мировых регионов. Такое его положение на протяжении долгого времени провоцировало могущественные мировые державы на попытки установить над ним контроль. С определённой регулярностью такие попытки происходили с применением военной силы. Количество вооружённых конфликтов на Ближнем Востоке за последние полвека заметно превзошло их количество в иных регионах мира.

Во-вторых, внимания заслуживает тот факт, что на протяжении истории человечества Ближний Восток является местом происхождения как христианства, так и мусульманства. Как в прошлом, так и в новейшей истории это становилось почвой для религиозных конфликтов и столкновений.

В-третьих, в регионе находятся страны, между которыми наблюдаются серьёзные отличия в экономическом развитии, социокультурных аспектах. Кроме того, каждая из них обладает специфическими особенностями устройства политических режимов и нюансами социальной организации общества.

В-четвертых, открытие больших запасов нефти в отдельных странах региона ещё больше повысило роль Ближнего Востока в глобальной экономике. Однако ориентированность на экспорт углеводородных ресурсов порождает в таких странах зависимость от ситуации на мировых рынках и создаёт условия для стратегической экономической нестабильности. Развитие социально-политических кризисных явлений в регионе на современном этапе может быть обусловлено наряду с внутренними и внешними геополитическими факторами и этой нестабильностью.

Помимо этого, внутренние процессы, имеющие место в государствах данного региона, регулярно оказывали и продолжают оказывать влияние на геополитическую ситуацию в мире. В связи с этим события в регионе часто оказывают влияние на обстановку в странах за его пределами, включая и Россию.

Такая ситуация обуславливает пристальное внимание и скрупулезный анализ, которому подвергаются вышеуказанные трансформационные процессы на Ближнем Востоке и в Северной Африке и их последствия с целью определения их влияния как в ближайшей, так и в более отдаленной перспективе в региональном и глобальном масштабе. В первую очередь это касается «Арабской весны», под которой понимается «волна демонстраций и путчей, прошедшая в арабском мире, обусловленных множеством взаимосвязанных глобальных, региональных и национальных факторов – как объективных (социально–демографических, экономических, политических, технологических, социокультурных и т.д.), так и субъективных (уровень притязаний, реализация потребности в политической свободе, самореализация, неудовлетворенность авторитарным политическим режимом, готовность к массовым акциям протеста, делегитимизация власти и т.д.)» [56].

Логика последующего анализа в подобном контексте требует установить действующие причины или, иными словами, группы факторов новейших изменений на Арабском Востоке в политической сфере. Определение этих групп факторов должно опираться на вычленение наиболее значимых для исследуемого района сфер общественной жизни.

Представляется, что начать рассмотрение следует с группы **исторических факторов**. В данную группу факторов можно включить ход исторических событий, результатом которых стала некая историческая реальность, отдельные исторические факты, которые имеют особое символическое значение, и характерные черты историко–социального развития изучаемых регионов или государств.

В целях научного осмысления исторических предпосылок социально–политических кризисов в ближневосточных социумах следует произвести краткую периодизацию новейшей истории Ближнего Востока с использованием подхода, который был предложен отечественным исследователем Д. Арутюновым. В рамках данного подхода выделяются два основных этапа [57].

Первый этап связывают с освобождением от колониальной зависимости стран изучаемого региона. Характерной чертой данного этапа была достаточно высокая степень единства всех основных слоёв общества, сформировавшихся к тому моменту в странах региона, при лидирующей и организующей роли мелкой буржуазии.

Второй этап получил развитие в условиях становления в развивающихся странах специфической модели капитализма. В 70–е годы XX века, в условиях краха концепции модернизации, бюрократическая буржуазия (этакратия), ощутив рост своих возможностей, начала активное сворачивание уступок нижним слоям общества. Кроме того, стартовал новый этап взаимодействия с развитыми странами. Одновременно этакратия, сложившаяся в первые десятилетия независимости, пошла на уступки крупному капиталу. В 1970–1980 гг. между этими двумя фракциями правящего класса был достигнут компромисс, который ознаменовался учётом требований крупного капитала и его допуском во власть. Все эти процессы в сочетании друг с другом выразились в формирование того, что можно назвать «периферийным» вариантом неолиберальных реформ. К числу наиболее ярких примеров такого процесса можно отнести египетский «садатовский термидор» в 70–х годах XX века.

Массовые движения второго этапа в результате приобретали иной характер по сравнению с антиколониальной активностью. Их развитие проходило в условиях становления в развивающихся странах периферийного капитализма, который опирался на сотрудничество с развитыми государствами и проводил активное наступление на права и привилегии

нижних слоев общества. Одним из первых примеров подобной революции стали события в Иране в 1978–1979 гг. Уже в тот момент их отличали такие особенности как противостояние в обществе по классовому признаку, большое значение организованного пролетариата, смещение в урбанизированные области центров борьбы. Основным направлением протеста было противостояние авторитарному режиму, выступавшему в модели зависимого капитализма как его главный персонификатор. Одновременно важную роль играл религиозный элемент, выступавший в традиционном обществе в качестве объединяющей силы и общей платформы для борьбы.

Этот период закончился менее чем через два десятилетия в силу воздействием ряда причин, носивших структурный характер, важнейшими из которых были проведение США военной операции против Ирака в 2003 году и его последующая оккупация. Падение суннитского Багдада, обладавшего достаточной силой для соперничества с шиитским Тегераном, вызвало нарастание трений в отношениях между суннитами и шиитами, которые проявились в Ираке и позднее распространились по всему региону.

Развивая данное направление мысли, *третьим этапом* можно назвать начало и последствия адаптации либеральной модели в арабских странах, которые будут описаны далее.

Перечисленные выше характерные черты отношений на Ближнем Востоке проявили себя в ходе социально–политических кризисов 2011 года. Самыми масштабными оказались массовые протесты в наиболее развитых странах региона, применительно к которым можно говорить о формировании «среднеразвитого» капитализма – Тунисе и Египте. Однако параллельно кризисы наблюдались и в странах, в которых трансформационные процессы 1970–1980 гг. не произошли или не развились в значимой степени. В первую очередь это Ливия и Сирия, которые сохраняли особую модель экономики до распада СССР (существование широкой системы социальных гарантий и развитого госсектора) будучи при этом

включёнными в мировое разделение труда. При этом уже в 1990–2000 гг. в регионе произошло некоторое выравнивание, и в указанных государствах также началось активное осуществление реформ неолиберального толка, которые, однако, проводились в условиях сохранения авторитарной политической надстройки в неприкосновенности.

Не настолько ярко массовая активность была выражена в нефтедобывающих монархиях Персидского залива и Марокко, где правящие классы сохраняли большую свободу для экономического маневра, а также большое значение имело иностранное происхождение рабочей силы в ряде этих государств, что также затрудняло нижним слоям общества консолидацию. При этом, невзирая на экономические реформы, а также интеграцию стран региона в глобальную экономическую систему, местное население во многом сохраняло ориентацию на традиционные ценности. Ценностная и социальная структуры населения не получили соответствующей трансформации вслед за быстрой сменой моделей экономики и политики. Подобная консервация традиционности вступила в конфликт с глобалистской повесткой и этим обусловила возникновение конфликта ценностей, а также ограничила влияние на рассматриваемый регион развитых государств и неолиберальной модели в целом.

В отдельных случаях реакция традиционализма на либерализацию приобрела черты радикализации, к противостоянию с которой арабские режимы в новых условиях готовы не были. Граждане воспринимали часть политических лидеров как недостижимых и коррумпированных, при этом на их фоне другие – выглядевшие глубоко приверженными религии – пользовались большим предпочтением. Руководство США после терактов 11 сентября 2001 года сделало вывод, что между появлением радикалов и состоянием закрытости обществ существует связь. Но реакция американской администрации, которая зачастую просто требовала проведения выборов без учёта внутривнутриполитической обстановки, дала радикалам больше возможностей, чем они имели когда-либо прежде, для достижения поставленных целей.

В ситуации, когда началось обострение конфликта между традиционализмом и глобализмом и он начал обретать более резкие черты, вызывая всё более серьёзное напряжение внутри социумов по всему региону, радикалы перестали испытывать какой-либо недостаток в финансировании, доступе к оружию, идеологических поводах и новобранцах. Развитие средств массовой информации, в частности спутникового телевидения, унифицировало информационное пространство арабского мира и политизировало его. Материалы, часто демонстрируемые в передачах – сцены насилия и разрушений в Ираке, жестокое обращение с иракскими и мусульманскими заключенными, страдания людей в секторе Газа, на Западном берегу реки Иордан и теперь в Ливане – в значительной степени усиливают у многих на Ближнем Востоке неприязнь к Соединенным Штатам. В такой ситуации ближневосточные правительства не могли также тесно сотрудничать с США, что послужило ослаблению американского влияния на местные процессы и формированию элементов политического вакуума.

Ещё одной важной группой факторов являются **социальные факторы**. В качестве социального фактора может подразумеваться некая движущая сила развития общества; явление или процесс, претворяющий в жизнь те или иные изменения в социуме. Прежде всего, в качестве социального фактора выступает деятельность людей по выстраиванию системы социальных отношений с учетом схем социального взаимодействия, сложившихся в ходе исторического развития.

Ускоренное развитие и быстрое вовлечение стран региона Ближнего Востока и Северной Африки в глобальный экономический уклад стали причиной того, что социальная структура и общество претерпели неизбежные изменения, которые затронули в той или иной степени большинство стран изучаемого региона.

Первичные социальные изменения были прямо связаны с освобождением от колониальной зависимости и экономическим подъёмом в этих государствах. Урбанизация, развитие промышленности и

распространение образования способствовали масштабному перемещению населения из деревни в города, формированию новых социальных групп, а также расширению и трансформации существовавших ранее. В особенности интересен процесс формирования обширного бюрократического аппарата, который стал не только средством усиления контроля над обществом со стороны авторитарных режимов, но и возможностью трудоустройства для образованной молодёжи, одновременно привязывая её к текущей политической власти экономическими методами [58].

Демографические процессы также сыграли большую роль в социальных трансформациях. Важное значение помимо роста населения приобретают возрастные показатели. Так к 2010 году, примерно 60 процентов населения арабского мира находилось в возрасте до 30 лет, а регион Ближнего Востока и Северной Африки в целом по этому показателю уступал только Экваториальной Африке. Произошедшее в регионе демографы называют «молодежный пузырь». Причиной данного явления в определённой степени можно назвать успехи государств региона. «Молодежные пузыри» возникают как одна из стадий процесса перехода от общества, характеризуемого высокими показателями рождаемости и смертности, к обществу, характеризуемому низкими показателями рождаемости и смертности.

Обычно такого рода «молодежные пузыри» сопровождают повышение качества жизни. В случае если данная трансформация происходит постепенно, «молодежный пузырь» не возникает. Однако развитие стран региона Ближнего Востока и Северной Африки носило ускоренный, неравномерный характер, что было спровоцировано масштабным вовлечением в мировую экономику и внедрением экономических моделей нового типа. Улучшение систем здравоохранения и повышение продовольственной обеспеченности населения за счёт средств, полученных благодаря сырьевой ренте, обеспечили снижение детской смертности одновременно с повышением рождаемости.

Результатом этого во многих государствах региона стало формирование значительных слоев молодого населения, которые экономика, угнетаемая неэффективными методами управления и последствиями мирового экономического кризиса, не могла вместить. Таким образом сформировались условия, в которых социальная интеграция и самореализация значительного числа молодых людей была затруднена. Это означает, что, имея определённые амбиции, молодёжь не обладала возможностями занять соответствующую позицию в обществе, обеспечить себе материальную устойчивость для формирования семьи, что является важнейшим маркером социального благополучия в традиционном обществе.

Таким образом, социально–экономическая неустроенность значительного слоя молодежи создала дополнительные предпосылки к развитию кризисных явлений. При этом обострились противоречия, связанные с социально–экономическим неравенством, а существующие режимы перестали удовлетворять политическим ожиданиям населения, что способствовало росту в государствах региона конфликтного потенциала.

Следующей группой факторов, выступившей в тесной взаимосвязи с социальными и политическими факторами и оказавшей значительное влияние на развитие ситуации в регионе, стали **экономические факторы**.

На раннем этапе развития экономик стран региона Ближнего Востока и Северной Африки особенно следует отметить среди данной группы факторов интеграционные экономические процессы, а на более позднем - активное продвижение неолиберальных экономических методов. Неолиберализм – это рыночный подход к экономике, в котором роль государства сводилась к минимуму, но оно при этом сохраняло в обществе роль гаранта нравственных ценностей. Зачастую неолиберализм ассоциируют с именами Маргарет Тэтчер в Великобритании и Рональда Рейгана в Соединённых Штатах, но на самом деле корни неолиберализма лежат в 1970–х годах. Соединённые Штаты в это время заняли агрессивную позицию в отношении

развивающихся стран, выдвигавших экономические требования с целью поставить свои сырьевые ресурсы под собственный контроль.

В 1973 году, когда производители нефти получили контроль над ценами и правом собственности на нефть, что привело к повышению цен на неё, стагнации и инфляции в экономиках развитых стран, Соединённые Штаты ответили резко, осудив любое политическое вмешательство в рыночные отношения. Кризис долговых обязательств 1980-х годов, который повлиял на большинство развивающихся стран, дал США прекрасную возможность поддержать новую парадигму: государства, незадолго до этого доказывавшие свои экономические права, теперь были вынуждены из-за долговой нагрузки обращаться к международным финансовым организациям за помощью.

Эти организации пошли им навстречу, однако для стран, оказавшихся в долговой ловушке, эта помощь не была бесплатна. Взамен на доступ к свежим капиталам от международных кредитных организаций, таких как МВФ и Всемирный Банк, и списание долгов государствам пришлось предпринять немедленные шаги по стабилизации своих экономик, а затем и более долгосрочные меры по обеспечению фискального здоровья. Условиями экспертов МВФ и Всемирного Банка для государств стали сокращение расходов, либерализация торговли, балансировка бюджетов, устранение контроля над ценами, дерегуляция бизнеса, прекращение масштабных субсидий на потребительские товары, а также приватизация государственных предприятий, которые должны были быть проданы на честных торгах. Вместо всеобъемлющих субсидий международные кредитные организации предложили ввести государственные пособия для населения, предназначенные только для беднейших слоев. Иными словами, правительства должны были демонтировать обеспечивавшую консенсус между властью и народом систему собственными руками.

Впервые меры неолиберального характера были применены в арабском мире в декабре 1976 года, когда МВФ предоставил Египту кредит

на 450 миллионов долларов и отсрочку по внешним долгам, которые к тому моменту составляли 12 миллиардов долларов. Выполняя условия сделки, Египет урезал прямые субсидии на 64 миллиона долларов, а товарные льготы на 123 миллиона долларов. Последствиями этих сокращений стали два дня кровавых мятежей, в которых погибли от 80 до 100 протестующих и ещё около 1200 были арестованы. Сходные по характеру «бунты против МВФ» имели место в Марокко (1983), Тунисе (1984), Ливане (1987), Алжире (1988) и Иордании (1989, 1996), когда МВФ пытался применить в этих странах особые условия предоставления гарантий по займам и кредитных средств.

В результате этих событий правительства государств, в которых имели место финансовые проблемы, приостановили реформы, а МВФ внёс в свои требования коррективы. Вновь внедрять неолиберальные меры государства начали только в конце 1980-х годов, после не ознаменовавшегося экономическим ростом «потерянного десятилетия». Реальные экономические реформы в Египте не начинались до избрания «правительства бизнесменов» в 2004 году. В 2003 году начала первую волну приватизации Ливия и годом позже дополнила её сокращением льгот. Неолиберальные методы управления в регионе распространялись не только благодаря МВФ: Саудовская Аравия и Сирия, например, добровольно применили меры, ассоциирующиеся с неолиберализмом добровольно. Сирия предприняла эти шаги как часть усилий по вступлению в Европейско-Средиземноморскую зону свободной торговли, не увенчавшихся успехом, а Саудовская Аравия пошла на это с целью вступить в ВТО. Само существование подобных требований к кандидатам на вступление демонстрирует тот факт, что неолиберальная экономическая парадигма приобрела глобальное доминирование [59].

Общий эффект неолиберальной политики в большинстве государств состоял в наложении импровизированной рыночной экономики на неэффективную командную. Отдельные меры оказали эффект, который весьма отличался от предполагаемого. Например, приватизация привела не к формированию капиталистической экономики, а скорее к некоему варианту

«кумовского капитализма», поскольку лояльные к правящим режимам лица воспользовались своим доступом к власти, чтобы обеспечить переход продаваемых государственных активов в свою собственность. Так, в Сирии двоюродный брат президента завладел гигантом мобильной связи Syriatel, которому в свою очередь принадлежало 55 процентов рынка, а в Египте друг сына президента получил контроль над 60 процентами сталелитейной промышленности.

Специфическим случаем развития экономических проблем в отдельных странах региона стало начало продовольственного кризиса. В этих странах населению пришлось столкнуться с колебаниями цен на продукты на международном рынке, в то время как правительства старались избегать вмешательства в рынки для коррекции цен или курсов валют. Кроме того, неолиберальная экономическая политика, которая вынудила правительства отказаться от всеобщих субсидий на продукты питания и заменить их целевыми субсидиями для беднейших слоев населения, подорвала продуктовую безопасность широких групп населения. Когда цены на продукты пошли вверх, такие подходы послужили дополнительной причиной роста недовольства среди населения. После начала повышения цен в 2007 году «хлебные» бунты начались по всему региону, от Марокко и Алжира до Йемена, Иордании, Ливана и Сирии. Оказавшись перед выбором между дальнейшим ростом недовольства населения и возможностью вызвать недовольствие МВФ, правительства предпочли последнее и начали увеличивать заработную плату сотрудников государственного сектора. На продовольственные субсидии один только Египет потратил около трёх миллиарда долларов.

Ключевой группой факторов, которые обладают собственным измерением и важностью, являются **политические факторы**. Изучение особенностей политических систем и режимов, которые сформировались в странах Ближнего востока и Северной Африки, представляет собой один из важнейших аспектов данного исследования, поскольку они сыграли

значительную роль в процессах, приведших к формированию и развитию политических кризисов этих режимов и событиям, последовавшим вслед за ними.

Политические системы арабских стран во второй половине XX – начале XXI вв. превратились в сложный конгломерат политических партий, государственных структур, общественно–политических организаций и неформальных течений. Также, значительную роль в политической жизни арабских стран играют институты и традиции, не являющиеся непосредственной частью политической сферы (обычное право, религиозные общины, кланы), но образующие при этом мощный фонд социально–экономического, исторического, политического, культурного и религиозного наследия.

Во многих арабских странах принадлежность к клану и семейственность по-прежнему является основой социализации. Личностные отношения и социальные структуры, в которых зачастую концентрируется власть, скрываются за фасадом правительственных институтов. Личность при этом никогда не предстает в обществе сама по себе, не отделяется от родственного клана, отношения которого с окружающими приобретают зачастую закрытый характер, по мере продвижения его членов по социальной лестнице. Политическое сознание населения руководствуется традиционными ценностями и остается патриархальным по сути, что создает некоторые трудности при попытке дать политическим процессам и механизмам принятия ключевых решений адекватную оценку. То же самое относится и к программам политических лидеров и их партиям, которые следуют традициям, религиозным представлениям и привычным формулам. В частности, это относится к понятиям арабского национализма и единства, места ислама в общественной жизни и т. д. При этом следует отметить, что и эти понятия по-разному трактуются в отдельных арабских странах, с учетом их национально-этнического и религиозного состава. Так, известны, например, попытки этноконфессиональных групп внутри отдельных стран

(курдов в Ираке, маронитов в Ливане, коптов в Египте, берберов в странах Магриба) противопоставить «страновой» национализм общеарабскому.

Одним из главных факторов, определяющих функционирование государственных институтов в арабских странах, является особая роль государства, обусловленная характером социальных структур, в рамках которого, как уже отмечалось, существует широкий спектр разнотипных социальных отношений. Это обуславливает, прежде всего, активное вмешательство государства не только в экономику (где проявились общие тенденции к созданию государственного сектора, в котором государство рассматривается как «гарант» соблюдения интересов различных экономических групп и «контролер» хозяйственно-экономических отношений, а также организатор секторов экономики, имеющих стратегическое значение), но и в политическую сферу, что делает государство основным структурным элементом политической системы арабских стран. Ему отводится роль арбитра в целом ряде социальных, политических и правовых вопросов; его прерогативой остаются планирование, внешняя политика, оборона.

Особая политическая роль государства обеспечивается и особым статусом главы государства (монарха или президента), который является стержнем всей политической системы в арабских странах и статус которого определяется мусульманской доктриной, согласно которой не может быть справедливым разделение власти на светскую и духовную, поэтому глава мусульманского государства несет личную ответственность за осуществление власти над общиной и вправе принимать любые меры для обеспечения ее интересов при условии соблюдения общепризнанных норм, принципов и целей мусульманского права в том виде, в котором они сформулированы авторитетными богословами-правоведами.

Наибольшее распространение в арабских республиках получили формально или фактически однопартийные режимы в форме президентской республики, чаще авторитарного характера, хотя и с элементами

парламентаризма, что было связано с необходимостью усиления государственной власти для решения вопросов экономического характера, а также урегулирования сложного комплекса социальных, этнических, конфессиональных и иных противоречий, существующих в арабских странах, где постоянное противоборство различных социально-политических группировок нередко носит ожесточенный характер и не позволяет правящим группировкам обеспечивать свои основные интересы в рамках либеральной демократии. Все это объективно вело к фактически неконтролируемым полномочиям президента в основных отраслях государственной жизни и создавало условия для возникновения и укоренения сверхсильной президентской власти с прямым подчинением ей законодательных органов и правительства. Большую роль в этом сыграли и традиции арабско-мусульманской политической культуры, выдвигающие на высший государственный пост харизматического лидера или придающие ему подобные черты, а также обосновывающие необходимость совмещения поста главы государства и правительства в одном лице. При этом дуализм власти расценивается как ее слабость, т. к. исполнительные и законодательные органы, по мнению исламских правоведов, часто противостоят друг другу, снижая эффективность деятельности государства. В современной трактовке суннитская концепция признает соответствующими исламу как президентскую, так и парламентскую республики. Однако предпочтение отдается первой, поскольку считается, что во главе государства должно стоять лицо, которое является действительным, а не формальным главой исполнительной власти.

Вследствие этого, в большинстве из стран региона сформировались специфические процедуры и формы функционирования институтов государственной власти, политических партий и политических институтов в целом. Вместе с тем, несмотря на все особенности исторического и внутривосточного развития, для многих государств региона Ближнего Востока и Северной Африки общей чертой стала особая президентская форма

правления, в которой власть главы государства гипертрофирована. По содержанию такая форма правления значительно отходит от традиционной модели сильной президентской республики, закрепляя «своего рода «сверхпрезидентскую» республику с ее откровенной системой персонификации государственной власти и руководства обществом» [60]. Такая модель стала одной из главных причин того, что лидеры этих государств не имели возможность переложить на какие-либо другие государственные институты или политические силы ответственность за череду политических, экономических и социальных проблем, оказавшись в фокусе недовольства, как народных масс, так и элит.

Особой формой суперпрезидентской республики является такая форма правления, которая устанавливалась во многих арабских государствах в результате военных переворотов. В этом случае парламент, как правило, распускается, правительство и президент смещаются со своих постов. Создается новый высший орган - обычно военный совет (революционный совет, совет национального спасения), а его председатель, как правило, лидер переворота, в дальнейшем провозглашается президентом. На места назначаются военные губернаторы, коменданты и т. д. Из прежних органов сохраняются обычно гражданские суды, но параллельно с ними создаются военные трибуналы, которые судят и гражданских лиц. Хотя в условиях военного управления могут проводиться выборы, они, тем не менее, ставятся под контроль военных властей. Создается, таким образом, особая форма президентско-милитарной республики.

Активное вмешательство армии в политику арабских государств не является региональным явлением. Это - составная часть социального феномена, характерного для различных регионов мира. Вмешательство армии в политику весьма многообразно по своей социальной и идеологической направленности, и приход к власти военных носит далеко не однозначный характер, что определяется конкретными условиями данной страны и расстановкой внутривнутриполитических сил. Сам факт вступления вооруженных

сил на авансцену политической борьбы, их идеологическая и политическая ориентация, а также, в конечном счете, уход с политической арены также определяется взаимоотношением различных политических сил, масштабами социальных противоречий и попытками их разрешения со стороны армии. К факторам, благоприятствовавшим возрастающей роли армии в политике арабских стран, следует отнести острую борьбу за власть между различными многочисленными политическими группировками, представлявшими интересы этнических, конфессиональных и клановых групп, порождавшими политическую нестабильность, которая, в свою очередь, усиливала тяготение различных слоев населения к установлению сильной авторитарной власти. Привилегированные слои общества видели в армии эффективное средство подавления выступлений оппозиционно настроенных или просто недовольных групп населения, фактор стабилизации политического положения в стране на консервативной основе.

В условиях незавершенной социально-политической структуры и экономической многоукладности в арабских странах армия зачастую являлась единственной силой (к тому же вооруженной), способной организовать национально-освободительное движение, а затем и возглавить молодое государство. Реальная власть на местах чаще всего концентрировалась в руках армейских командиров, решавших не только военные, но и важные общественно-государственные вопросы. Участие армии во всех значительных мероприятиях - в кампаниях лесопосадок, в полевых работах, в создании сети общеобразовательных школ, в народных стройках и других видах общественной деятельности - было традицией. Обязанностью армии стало даже обеспечение социально-политической интеграции, решение задач чисто экономического характера, функции по поддержанию общественного порядка и т.д. Выдвинутая концепция о «гражданской миссии» армии как нельзя лучше способствовала закреплению за военными их новой роли гаранта внутренней безопасности и порядка, и в определенной степени гаранта самой конституции, и подразумевала привлечение на сторону военных широких

слоев населения. С первых дней независимости армия во многих арабских странах уже располагала значительным влиянием в руководстве страны, являясь к тому же единственным поставщиком кадров в государственно-административный аппарат и превращаясь в важнейший элемент новой элиты, контролирующей государственный, партийный и хозяйственный аппарат. В целом, армия явилась тем орудием, с помощью которого на вершину власти взошли представители мелкобуржуазных и средних слоев арабского общества, так как значительная часть офицерского корпуса в 50-е годы была представлена выходцами именно из этих слоев, являвшихся носителями националистических настроений различного толка. Все это в дальнейшем обусловило ее роль в политической жизни арабских стран и было в большом объеме закреплено в конституциях, что фактически оформило вооруженные силы в качестве самостоятельного института политической системы.

Что касается арабских монархий, то особая роль в политической системе здесь принадлежит не только монарху, но всему правящему семейству (в некоторых арабских монархиях правящие кланы удерживают власть в течение столетий: на Бахрейне - с 1782 г., в Катаре - с 1822 г. и т.д.). Исторические судьбы династий сложились по-разному, что, при их несомненной общности, предопределяет и некоторую специфику политических режимов. Если Саудовская Аравия возникла в борьбе за объединение земель на волне ваххабизма, а правящие семейства Бахрейна и Омана утвердились у власти в результате острого внутреннего соперничества, то и образовавшиеся здесь режимы отличаются большим консерватизмом и жесткостью. Более спокойная династическая история Кувейта повлияла на возникновение здесь более либеральной системы, где уже с 1961 года действовал выборный орган - Национальное собрание Кувейта, которое даже полномочно было выражать недоверие председателю Совета министров, каковым является наследный принц - второе лицо в государственной и семейной иерархии династии.

Исключительно важным при этом является тот факт, что все монархические династии в государствах Персидского залива вышли из племенной среды, а многие из них - из одной племенной конфедерации, иногда даже - из одного племени, что обусловило сохранение племенных связей и родовой иерархии, оказываемое до настоящего времени воздействие не только на междинастические отношения, но и на межгосударственное общение. Поэтому аравийские монархии имеют в целом схожие государственные институты, где ключевая роль принадлежит правящим семействам, которые являются стержнем политико-государственной структуры и представляют собой довольно монолитное ядро всей политической системы.

Что касается вопроса о роли политических партий в политической жизни исследуемого региона, то следует отметить, что многопартийная система в арабских странах отражает социально-экономическую мозаичность общества и определенное изменение в расстановке политических сил (в частности, связанные с формированием новой политической элиты в результате политики экономической либерализации), но при этом не создает действительно плюралистическую основу общества, так как все рычаги политической власти и государственного управления сосредоточены в руках главы государства, а традиционное мусульманское сознание и армия, являющаяся важнейшей частью государственно-политического механизма, не создают условий для развития такой основы. Более того, движение по пути многопартийности, признания существования политического плюрализма во многих странах инициировалось государством и самими правящими режимами и отражало тенденцию их адаптации к современным реалиям, т.е. многопартийность стала в решающей мере функцией государства, более или менее активно преобразующего надстроечные структуры в целях расширения социальной базы режима. При этом правящие партии (Национал-демократическая партия (НДП) в Египте, Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ или Баас) в Сирии и Ираке,

Демократическое конституционное объединение (ДКО) в Тунисе) подвергались внутренним структурным изменениям, корректировке политического курса, но ни в одной арабской стране (за исключением Алжира) не подверглась ревизии монополия партии на власть, поддерживаемая законодательством (законами о выборах, о политических партиях), всячески препятствующим оформлению организованной оппозиции. Поэтому возникающие многочисленные партии направляют свои усилия прежде всего на укрепление своих позиций в структуре власти, для чего начинают активно сотрудничать с правящей партией. На фоне множественности партий и их политических взглядов только исламские движения выступают в настоящее время как серьезная и организованная политическая сила, способная повлиять на дальнейшую эволюцию политических систем.

Кроме того, важно понимать, что на внутреннюю политическую повестку государств Ближнего Востока и Северной Африки существенное влияние начали оказывать различные международные и гуманитарные организации, которые поддерживали формирование отрицательного образа политической системы и правящих режимов в этих государствах. Показательным примером может служить оценка политической ситуации в арабских государствах в одном из регулярных отчетов ООН: «Существует значительный разрыв между Арабскими государствами и другими регионами в вопросах прямого участия в управлении. Волна демократизации, которая трансформировала систему управления в большей части Латинской Америки и Восточной Азии в 1980–х годах и Восточную Европу, и значительную часть Центральной Азии в конце 1980–х годов и начале 1990–х годов почти не коснулась арабских государств. Этот дефицит свободы препятствует гуманитарному развитию и является одним из наиболее болезненных проявлений отставания в политическом развитии» [61].

В регионе на текущий момент существует ряд экономических и политических объединений, таких как Совет по сотрудничеству стран Персидского залива (Gulf cooperation Council) и Лига арабских государств

(Arab League); региональные фонды развития, такие как Арабский Валютный фонд (Arab Monetary Fund) и Арабский фонд социального и экономического развития (Arab Fund for Social and Economic Development). Однако, несмотря на значительное количество интеграционных проектов и объединений, их реальное влияние на внутреннюю ситуацию их стран–членов остаётся ограниченным.

Значительным образом на развитие ситуации на Ближнем Востоке также оказывают влияние политико–коммуникационные факторы. Ускоренное развитие систем массовой коммуникации в регионе сделало их важным фактором в политике арабских государств. Одним из примеров такого влияния может считаться появление и развитие популярных арабоязычных СМИ, таких как спутниковый телевизионный канал Аль–Джазира, который начал свое вещание в 1996 году и занял одним в регионе позицию одного из наиболее популярных новостных источников. Во время египетского восстания многие египтяне получали от находящегося в Катаре телеканала больше новостей, чем из любого другого источника.

На протяжении истории Ближний Восток был одним из регионов, где иностранные державы оказывали на политические процессы весьма существенное влияние. В частности, после окончания Второй мировой войны и на всем протяжении Холодной войны Соединенные Штаты Америки поддерживали своё постоянное присутствие в регионе, который рассматривали как жизненно важный для своих национальных интересов. Эти интересы США реализовывали в основном за счет поддержки союзных авторитарных режимов и взаимодействия с Израилем, одним из ключевых американских союзников в регионе. Однако, когда Холодная война завершилась, американская политика претерпела изменения. В то время как традиционные союзники продолжали получать американскую помощь и поддержку, в орбиту американской политики были втянуты и новые государства. При этом, через некоторое время США перестали считать их благополучие и устойчивость критически важными.

Особенно специфическими для региона являются **религиозные факторы**. Данная группа факторов и её содержание непосредственно связаны с толкованием ислама и, в особенности, с исламизмом, формой исламского радикализма.

В последние десятилетия в политических процессах на Ближнем Востоке наблюдается существенное расширение роли исламистов. Для исламистских организаций декларируемой целью является реисламизация исламских обществ, впавших в джахилию (араб. جاهلية), то есть очищение испорченных Западом мусульманских сообществ. Исламисты распространяют свою идеологию в мусульманском мире с помощью разнообразных тактик. Объектом их деятельности становятся практически все стороны жизни. Исламизм, как идеология, имеет потенциал к широкому распространению во всех слоях и группах общества. В настоящий момент последователи исламизма не составляют большинства, но их число постоянно растёт. Как идеология и практика исламизм не имеет строго определённой формы и тесно связан с конкретными социокультурными, политическим и иным реалиям присущими мусульманскому сообществу в том или ином государстве.

Подъём исламизма, наблюдаемый во многих мусульманских обществах, некоторые исследователи связывают с «неолиберальной глобализацией» [62], которую ряд исследователей и аналитиков называют одной из главных причин социально–экономического, политического и идейного кризисов в глобальном масштабе. Глобализацию зачастую определяют, как процесс слияния всех национальных экономик под эгидой одной наднациональной капиталистической экономики. Данный процесс, как показывают наблюдения, обеспечивает лучшее взаимодействие транснациональных корпораций, более свободное перемещение капиталов, но при этом оказывает воздействия, приводящие к негативным социальным и политическим последствиям [63].

В некоторых случаях исламисты декларируют в качестве целей не только «очищение» ислама в традиционно исламских государствах, но и объединение всех существующих мусульманских общин. Исламисты

«попытались сформировать конфедерацию своих единомышленников во многих мусульманских странах и обществах за счет того, что во многих европейских странах и США значимой частью населения являются крупные мусульманские диаспоры» [64]. Термин «конфедерация», предложенный американским ученым В. Грегорианом, хотя и не отражает в полной мере идеи, вкладываемые исламистами в такое объединение, вполне может быть использован для научного описания сложившейся реальности. В результате деятельности, осуществляемой исламистами, оформились идейные общности, конфедерации, аморфные с одной стороны, но при этом, с другой способствующие взаимодействию друг с другом единомышленников [65].

Особое внимание следует уделить формированию мусульманских общин в Европе, создавших изолированную среду и отрицающих традиционные европейские ценности и образ жизни, а также регулярно вступающих в религиозно–идеологические конфликты с местным населением в том или ином западном государстве. Для исламистов такие диаспоры мусульман являются предметом повышенного интереса. Обработка молодежи в идеологическом ключе может осуществляться в культурных центрах легального и нелегального характера, мечетях, издательствах и благотворительных организациях, входящих в институциональные структуры исламистов [66].

Исламизм в настоящее время стал одним из наиболее значительных политических течений, опирающихся на какую-либо религию. Данное течение в целом можно интерпретировать как радикальный политический ислам. В некоторой степени исламизм возник как попытка поиска альтернативны западному глобализму, стратегия выживания исламского общества, которая реализуется экстремистскими методами. В современном мире исламизм и, как следствие, радикализм и терроризм стали одним из главных векторов в международной политике. Исламизм трансформировался в целостную доктрину, обладающую адекватными для мусульманского общества целями и задачами, а также теоретическими и историческими основаниями, разветвленной институциональной структурой и большим числом

последователей, что позволяет называть исламизм «активной и глобальной идеологией» [67].

Таким образом, изучив основные группы факторов, которые оказывают влияние на ситуацию в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, можно утверждать, что кризисный потенциал данного региона обусловлен чрезвычайно противоречивым ходом исторического развития, а также влиянием множества внутренних и внешних факторов. Эти факторы, нередко антагонистичные друг другу, но при этом находящиеся в состоянии взаимопроникновения, и их взаимодействие вылились в формирование в регионе Ближнего Востока и Северной Африки ситуации перманентного напряжения, готового в любой момент вылиться в кризис. Непрерывное нарастание этого напряжения как на внутреннем, так и на глобальном уровнях, в итоге привело к объединению конфликтов в отдельных странах в общий социально–политический кризис всего региона.

ГЛАВА 2

ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА И ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ В АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВАХ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Данная глава посвящена исследованию особенностей генезиса и эволюции социально-политических кризисов в арабских государствах Ближнего Востока и Северной Африки в современный период, в частности в ходе «Арабской весны».

2.1 Основные субъекты и движущие силы социально-политических трансформаций в странах Ближнего Востока и Северной Африки

При изучении социально-политических кризисов арабских государств следует учитывать, что помимо сложной системы факторов и причин, приведших к обострению обстановки в рассматриваемых государствах, генезис кризисов и их последовательная эволюция к нынешнему состоянию произошли в результате действий и взаимного влияния множества субъектов. Для определения всех ключевых особенностей генезиса и эволюции изучаемых кризисов представляется необходимым установить наиболее важные из этих субъектов и характер их воздействия на социально-политическую обстановку.

Начиная изучение системы действующих субъектов, имеющих влияние на развитие социально-политических кризисов, представляется возможным классифицировать их на две основные группы по отношению к изучаемым государствам: *внешние* и *внутренние*.

Определённая сложность анализа группы *внешних* субъектов связана не только с их определяющим влиянием на исследуемые события, но и с широкой дискуссией, развернувшейся между политологами и геополитиками как отечественной, так и зарубежной научных школ, о самом

наличии, содержании и механизме внешнего влияния на зарождение и развитие социально-политических кризисов в арабских странах.

В группе *внешних субъектов* представляется необходимым также выделить несколько подгрупп:

1. крупные иностранные государства,
2. значимые иностранные надгосударственные организации,
3. важные региональные государства,
4. гуманитарные и правозащитные организации,
5. иностранные средства массовой информации и коммуникации.

При изучении роли *крупных иностранных государств* в генезисе и эволюции социально-политических кризисов в государствах Ближнего Востока и Северной Африки в первую очередь следует отметить Соединённые Штаты Америки.

Почти все аналитики в качестве одного из основных субъектов внешнего воздействия рассматривают США, но при этом существуют значительные разночтения в определении мотивов их действий, а главное, возможности влиять на ситуацию.

Часть исследователей утверждает, что США своей многолетней поддержкой авторитарных режимов и игнорированием жгучих проблем региона сами довели дело до точки кипения. Особенно это касается Египта, где армия, выходцем из которой был Мубарак и все его предшественники, была прямым инструментом американского влияния. Между тем становилось все более очевидно, что продолжающаяся поддержка американцами и израильтянами режима Мубарака только усиливает антиамериканские настроения в стране, укрепляет позиции «братьев мусульман», а главное, не способствует решению ни ближневосточных конфликтов в целом, ни частных внутренних противоречий.

Некоторые другие ученые, наоборот, утверждают, что администрация Барака Обамы после его речи в Каирском университете в 2009 году, где он обещал поддержку демократии и перемен в арабском мире, слишком

поспешно стала «сдавать» проверенных союзников в пользу прозападных либералов, активистов гражданских прав и молодежных сетевых группировок, которые не имеет никакой опоры на арабской улице. В результате американские позиции еще больше ослабли даже среди старых проамериканских элит, что привело к вакууму власти и, опять-таки, открыло дорогу исламистам [68].

Третья группа политологов и геополитиков, в основном в России, придерживается точки зрения, что США, столкнувшись с глобальными и экономическими проблемами, неразрешимыми традиционными средствами, специально «подожгли» Ближний Восток чтобы посеять там «организованный (или управляемый) хаос» и ослабить растущее в регионе влияние Китая и ЕС. При этом сторонники данной теории отзываются о Ближнем Востоке, как о главной «бензоколонке» планеты, которая обеспечивает американский политический и экономический контроль в мире.

Несмотря на все существующие разногласия относительно степени и роли вмешательства США в процессы, происходившие и происходящие в государствах Ближнего Востока и Северной Африки, само это вмешательство остаётся несомненным.

Среди других крупных государств следует отметить Великобританию, Францию и Российскую Федерацию.

При изучении роли *надгосударственных организаций* в исследуемых событиях, важнейшими субъектами, оказавшими влияние на регион, можно считать Организацию Объединённых Наций и Европейский Союз.

Одним из наиболее знаковых действий Совета Безопасности ООН стало принятие резолюции о «бесполётной зоне» в Ливии, которая определила исход внутреннего конфликта и во многом повлияла на восприятие ситуации другими ключевыми субъектами.

К числу наиболее важных *региональных* государств, сыгравших свою роль в эволюции кризисов, поразивших государства Ближнего Востока,

аналитики и исследователи выделяют Израиль, Турцию, Иран и группу государств Персидского залива (ОАЭ, Саудовская Аравия, Катар).

Данные государства рассматривают регион Ближнего Востока как зону своих жизненно важных интересов и активно участвуют в происходящих политических процессах. В частности, Израиль, Турция и Иран сыграли ключевую роль в эволюции социально-политического кризиса в Сирийской Арабской Республике в затяжной вооруженный конфликт. Государства Персидского залива в свою очередь осуществляли свои интересы за счёт различных структур исламистского толка.

Правозащитные и гуманитарные организации развернули свою деятельность в регионе Ближнего Востока и Северной Африки задолго до начала последней серии социально-политических кризисов и уже долгое время оказывают влияние на политическую обстановку в государствах рассматриваемого региона.

Важной характерной чертой стало влияние на развитие социально-политических кризисов *иностранных средств массовой информации и коммуникаций*. В особенности исследователи и аналитики отмечают роль катарского телеканала «Аль-Джазира».

Активная позиция данного канала в освещении хода событий в Тунисе и Египте, а также его широкое влияние и популярность в арабском мире сыграли важнейшую роль в формировании информационного пространства внутри целого ряда государств.

Осознавая характер деятельности *внешних* субъектов, оказавших влияние на генезис и эволюцию социально-политических кризисов в государствах Ближнего Востока и Северной Африки, а также всю значимость этого влияния, не следует пренебрегать ролью субъектов *внутренних*. Их действия, как до начала изучаемых кризисов, так и в ходе их развития, составили саму их суть и определили пути их развития.

Анализируя состав и характер деятельности *внутренних субъектов* социально-политических кризисов в странах Ближнего Востока и Северной

Африки, представляется необходимым выделить наиболее значимые и наиболее характерные из них.

К таким субъектам относятся:

1. лидеры и правящие группы государств;
2. государственный и бюрократический аппарат;
3. вооружённые силы и силы безопасности;
4. крупные социальные группы и отдельные слои населения;
5. религиозные структуры;
6. экстремистские и террористические группы;
7. племенные и клановые объединения.

В результате социально-демографических изменений в арабских странах сформировались характерные особенности социальной структуры населения. В большинстве из них молодые люди в возрасте до 35 лет составляют до 50% населения и именно их нерешённые социально-экономические проблемы затрагивают в первую очередь. В этой возрастной группе безработица достигает 50%. Особо примечательно, что нетрудоустроенными оказывались в первую очередь специалисты гуманитарных специальностей, обладающие дипломом о высшем образовании. Наиболее характерной такая ситуация стала для Египта и Туниса. Молодые люди после выпуска из университетов оказывались в ситуации, когда мелкий бизнес и уличная торговля были для них единственным способом прокормить себя. В результате, не обладая стабильным источником дохода, они зачастую были лишены возможности создать семью, в ситуации, когда заключение успешного брака в арабско-мусульманском обществе считается одной из чрезвычайно важных жизненных целей.

В Йемене, Бахрейне и Ливии, влияние социально-экономических причин совпало с формированием специфической внутривосточной ситуации. В Йемене ключевыми моментами стали возрастающее влияние исламистских группировок (в стране существовало несколько сравнительно

крупных подпольных ячеек Аль-Каиды), усиление сепаратистских настроений в южных регионах страны и активизация на севере страны повстанческих шиитских группировок. В Бахрейне дестабилизирующим фактом послужило обострение межконфессиональных противоречий между шиитским большинством, требовавшим расширения своих прав, и суннитским меньшинством (во главе с правящей династией Аль-Халифа). В Ливии росту кризисного потенциала послужило недовольство засилием кланов, приближённых к членам узурпировавшей власть семьи Каддафи, а также обострение межкланового и межплеменного противоборства в целом.

Заметной особенностью социально-политических кризисов 2011 года стала второстепенная роль, которую на начальных этапах играли исламистские политические силы и структуры, бывшие до этого неотъемлемой частью региональных общественно-политических процессов. Практически ни в одной из стран, в которых проходили кризисные процессы, они не заняли центральное или руководящее место в движении. Нельзя сказать и о доминировании этих сил на идеологическом фронте. Исламистские силы и партии в ряде случаев примыкали к массовому движению уже на поздних стадиях его формирования и демонстрировали готовность в определенные моменты идти на компромиссы с другими группами.

Зачастую массовые движения в целом не принимали выраженного религиозного характера, примером чему могут послужить массовые акции протеста в Ираке, который разделён по конфессионально-религиозному признаку, они проходили в большинстве районов страны, вне зависимости от принадлежности большинства населения конкретного региона к той или иной конфессиональной группе.

В первую очередь это можно связать с некоторой степенью разочарования на Ближнем Востоке итогами идеологического доминирования исламистских сил в оппозиционной деятельности. Арсенал приёмов и подходов исламистов в области политики и идеологии оказался бессилён перед лицом проблем, которые встали перед государствами региона, и в

первую очередь они оказались неспособны предложить пути выхода из тупика зависимого развития. Также следует отметить, что исламистские силы в 1950-1960 гг. были вытеснены на периферию общественно-политического процесса, центральную позицию в котором занимали светские силы, фокусирувавшиеся на модернизации. Именно провал их усилий в этой области, выразившийся в воспроизводстве зависимой модели, способствовал укреплению позиций исламистов в 1970-1980 гг. Кроме того большую роль сыграла и позиция правящих кругов некоторых ближневосточных государств, которые зачастую использовали исламистов в качестве противовеса левым силам.

Исламисты, однако, продемонстрировали свою несостоятельность в качестве эффективного носителя альтернативных моделей развития, хотя они в 1990-2000 гг. аккумулировали значительную часть протестного потенциала и заняли центральное положение в качестве оппозиции правящим классам. Некоторые комментаторы даже были склонны полагать, что такая широкая поддержка исламистских групп в обществе в принципе ставила под вопрос возможности политической и социальной модернизации [69].

Причины их неудач в первую очередь заключаются в том, что идеологический потенциал исламистов оказался ограничен. Выйти из тупика зависимого развития они предлагали путём движения назад, к истокам ислама, что уже само по себе было направлением исторически обреченным, находившим основной отклик у мелкой буржуазии, которую масштаб и стремительность общественных и экономических сдвигов в арабских странах оставили в потрясенном состоянии.

Во-вторых, важной чертой исламистских сил в различных арабских странах явилась их большая неоднородность, дифференциация и зависимость их подъема от конкретных условий. В этом отношении пример Ирана отражает чрезвычайно специфическую ситуацию, которая больше нигде в чистом виде не повторилась. Кроме того, исламское духовенство в Иране было лишь одним из центров в авангарде массового движения, который затем смог собрать в

своих руках власть, присвоить результаты революции, и при смене правящего субъекта сохранить модель зависимого развития. Особенность ситуации в Иране также была связана с ролью и спецификой шиизма, а также наличием конфликта между государственной властью и шиитским духовенством, которое играло свою особую роль [70].

В большинстве ближневосточных государств между тем исламистские силы относятся к суннитской ветви ислама и в разные периоды шли на взаимодействие и сотрудничество с правящими классами (Египет, Йемен) в борьбе против левых сил. В настоящее время практически во всех странах региона правящие режимы активно признают значение ислама, интегрируют его компоненты во властную систему и подчеркивают свою религиозность. Данные факторы в совокупности предопределили временный характер монополии исламистских сил на оппозиционную деятельность в регионе. При этом ислам как фактор политической жизни объективно сохраняет свое значение, однако значимость исламистских сил и играемая роль несомненно будут пересмотрены.

Новые перспективы открыли перед умеренными исламистами социально-политический кризисы, начавшиеся в 2011 году. В частности, в Тунисе правящие круги активно вовлекают их во властную систему с целью обеспечить противовес более радикальным структурам, сформировавшимся на волне массовых протестов, и рассматривают их как силу, которая может ориентировать в нужном элите направлении массовое движение. Однако такое развитие событий означает, что в будущем нынешние правящие классы будут вынуждены уступить какую-то часть политической власти исламистским силам.

Что касается экстремистских и террористических структур, то идеологами «Аль-Каиды» разработана стратегия действия в различных регионах мира. В случаях, когда из-за жестких мер применяемых властями исламским трудно укрепить свои позиции, они стремятся реализовывать свою идеологическую линию через местные группировки.

По мнению ряда экспертов, к «Арабской весне» салафитские группировки в исламских странах были совершенно не готовы. В частности, лидеры «Аль-Каиды» не делали никаких заявлений относительно происходящих событий и «долгое не спешили реагировать на протесты и политические изменения в Египте и Тунисе» [71].

Для радикалов Египет, рассматриваемый зачастую как «пульс арабского мира», является одной из наиболее важных стран. Так, известный идеолог и лидер Айман Мухаммед Рабие аз-Завахири назвал одну из своих работ «Ат-Тарик иля аль-Кудс яамурру абра аль-Кахира» (Дорога в Иерусалим проходит через Каир). Нанесение поражения светскому египетскому режиму таким образом выступает как цель более важная, чем текущая борьба с Израилем и Соединенными Штатами. Во время правления режима Х. Мубарака в Египте «Аль-Каиде» укрепить свои позиции там было очень сложно. Опираясь на аппарат спецслужб власти жестко расправлялись с любыми проявлениями исламского экстремизма. При этом пропаганда экстремистов не была адаптирована к тому, чтобы затронуть все слои общества. В этой связи, движущей силой протестных настроений «Арабской весны» эта организация стать не смогла.

Йемен, Пакистан и Саудовская Аравия после 11 сентября и начала «Глобальной войны против терроризма» стали теми странами, в которых «Аль-Каида» значительным образом концентрировала свои усилия. Это выражалось в выделении значительных финансовых средств на поддержание террористической инфраструктуры, направлении оружия и боевиков, а также формировании в этих странах сети ячеек. Вместе с тем, в Йемене влияние силовых структур и в особенности племен, гораздо более ощутимо, чем влияние «Аль-Каиды», а Пакистан не входит в арабский мир, и не был затронут широкомасштабными акциями протеста, направленными на свержение правящего режима.

Ливия, как с точки зрения пропаганды, так и совершения здесь терактов, долгое время не занимала значимого места в стратегиях радикальных

движений. «Ливийская боевая исламская группа» несмотря на заявления 2007 года о вхождении в «Аль-Каиду» далека от стратегических установок всемирного движения джихада. Акценты в идеологической сфере ливийских исламистов и салафитов из «Аль-Каиды» имеют разную направленность. В то время как ЛБИГ ставила более локальные задачи, направленные на свержение режима в Триполи, «Аль-Каида» ориентируется на борьбу в более широких масштабах. Идеология «Аль-Каиды» не предполагает поддержку оппозиции под руководством Переходного национального совета (ПНС), в котором представлены группировки различной направленности. Тот факт, что вооруженные формирования ПНС поддерживаются Западом, также уменьшает вероятность сотрудничества «Аль-Каиды» с политической силой, поддерживаемой НАТО. Продолжение гражданской войны в Ливии после ухода М.Каддафи, а также разочарование повстанцев результатами войны против режима могут способствовать росту влияния радикалов, предлагающих альтернативу светскости и демократии.

«Аль-Каида» в Иордании, Ираке и Алжире в настоящее время сохранила по большей части те же позиции, которые у нее здесь были до начала массовых выступлений [71].

Тунис, ставший первым в ряду стран «арабской весны», долгое время считался одним из наиболее стабильных государств Северной Африки. В стране на протяжении нескольких лет продолжался экономический рост, развивался туризм, добыча углеводородов, не столь развитая как во многих других арабских странах, однако приносящая значительные прибыли в государственный бюджет, позволила уделять большое внимание социальным вопросам, таким как здравоохранение и образование. Однако Тунис, как и другие государства Северной Африки, в связи с географическими особенностями в большой степени зависит от импорта продовольствия. Сложная обстановка на мировых финансовых рынках в 2011 году вызвала рост цен на продовольственные товары первой необходимости, и, соответственно, товары данной категории также подорожали и на внутренних рынках стран их

закупающих. Данная ситуация вызвала рост недовольства среди населения и выразилась в организации демонстраций в Алжире и Тунисе. Стоит особо отметить, что в Тунисе, несмотря на стабильную обстановку, присутствует такой мощный фактор социальной напряжённости, как высокий уровень безработицы. Особенностью его является то, что безработицей сильно затронуты слои молодёжи, имеющей высшее образование. На фоне данного положения демонстративное самоубийство молодого безработного, вынужденного торговать на рынке и лишённого властями даже этого источника дохода, послужило своеобразным «катализатором» событий. Быстро набравшее силу протестное движение было встречено силовым противодействием властей, однако полиция не смогла подавить выступления, а жертвы, последовавшие в результате таких попыток, лишь усугубили ситуацию. Примечательно в данной ситуации то, что подразделения тунисской армии не приняли участия в попытках урегулирования ситуации. В связи с данным фактом следует отметить ещё одну особенность событий в Тунисе: сосредоточение в руках президента страны, его родственников и членов семьи не только политической, но и экономической власти в стране.

Египет, несмотря на статус одного из наиболее успешных арабских государств, также прошёл через период гражданских протестов и беспорядков, вызвавших в итоге смену политической власти. Первоначальные требования протестующих касались таких вопросов как безработица, низкий уровень жизни, рост цен на продовольствие, коррупция и чрезвычайное положение, действовавшее в Египте с 1981 года, с момента прихода к власти президента Мубарака. Несмотря на то, что президент и правительство пошли на уступки, сначала в отставку было отправлено правительство, а затем, в связи с продолжающимися волнениями, уйти пришлось и самому президенту Мубараку. В этой связи так же следует отметить что, как и в Тунисском случае, армия отказалась открыть огонь по протестующим, а после отставки президента власть в стране перешла к Высшему военному совету. Относительно беспорядков, затронувших большинство египетских городов,

особо следует отметить их состав и форму организации: на всех этапах в митингах и демонстрациях активно участвовала молодёжь, а информация об их организации распространялась через Интернет посредством социальных сетей. Митинги и демонстрации продолжались и после отставки президента и передачи власти ВВС.

Особым образом сложилась ситуация в **Ливии**. В стране несмотря на декларацию существования «народной власти», уже долгое время сохранялся авторитарный режим под управлением полковника Муаммара Каддафи и членов его семьи. Благодаря наличию крупных залежей углеводородов в стране поддерживался высокий уровень жизни, и социальная обстановка не являлась столь напряжённой как в некоторых других странах. Однако в политическом плане ситуация являлась несколько иной. В стране не существовало сильной оппозиции, многие политические деятели были изгнаны или были вынуждены бежать из страны, многие общественные организации также действовали за рубежом. Правящий режим сохранял плотный контроль над средствами массовой информации и финансовыми потоками, которые были направлены в основном в столицу государства, оставляя мало средств на периферии. При этом в стране сохранялся развитый институт родоплеменных отношений, во многом интегрированный в систему власти. Следствием этого стало то, что племенная верхушка также имела определённый политический вес.

Племенной фактор и его роль ярко проявились в выступлениях 2011 года. В ходе этих событий 22 племени восточного региона Киренаика присоединились к повстанцам практически в полном составе [72]. Специалисты утверждают, что если бы ливийского лидера продолжали поддерживать племена, проживающие на западе страны, то революционеры не смогли бы добиться того успеха, который им сопутствовал. Успех штурма Триполи, как подчеркивают эксперты, был обусловлен достижением договоренности между Переходным национальным советом и племенами на западе страны [73]. Следует отметить, что значительная часть нефтяных

запасов страны расположена в наиболее полиэтничном регионе. Таким образом, 85-90 процентов племен, проживающих на территории Ливии, могут формально считать себя обойденными в разделе доходов от продажи нефти, что также внесло свой вклад в создание революционной ситуации [73].

Также следует отметить то, что в ливийской структуре власти не существовало выраженных центров силы, таких как, например, вооружённые силы в Египте или Тунисе. Всё это в целом лишило правящий режим гибкости и пространства для манёвра, и беспорядки, начавшиеся на волне событий в Тунисе и Египте, во время которых выдвигались в основном требования политического характера, быстро приобрели насильственный характер. Армия, во многом ослабленная режимом, который опирался на другие вооружённые формирования, раскололась и частично перешла на сторону протестующих, что привело к эскалации насилия и перерастанию ситуации в полномасштабную гражданскую войну.

При этом до сих пор наблюдается отсутствие полноценных и достоверных объяснений тому, насколько решительно и бескомпромиссно действовала коалиция, созданная под эгидой НАТО. Фактически под предлогом реализации резолюции Совета Безопасности были предприняты прямые шаги по уничтожению ливийской государственности. Учитывая, то, что режим М.Каддафи активно сотрудничал с Европой в экономических вопросах и даже шёл на закулисные контакты со спецслужбами западных государств, вопрос о подлинных причинах развязывания войны против Ливии остаётся одним из наиболее актуальных в изучении событий регионе [74].

События «арабской весны» затронули и такую важную страну региона как **Сирия**, которая обладает большим экономическим и военным потенциалом, служит значимым транспортным узлом в регионе. В политическом плане обстановка в стране до последнего времени могла быть охарактеризована как стабильная: правящий режим, в частности президент, пользовался поддержкой как широких масс населения, так и части финансово-

экономической элиты, отсутствовала сильная, единая оппозиция. Однако при этом следует учитывать, что население Сирии представляет собой сложный этно-конфессиональный конгломерат. Различные группы при этом часто проживают компактно, в отдельных районах страны. Также довольно сильно различается и их социально-политическое влияние. По этой причине волна протестов в Сирии, несколько задержавшаяся относительно событий в других арабских странах, благодаря быстрой реакции правительства и президента, и относительно благополучной ситуации в стране, быстро приобрела религиозный и этнический оттенок. Следует отметить, что в данном случае даже после того как события в стране начали принимать насильственный характер, оппозиционные движения не получили широкой народной поддержки и не смогли сплотиться в единый блок. Кроме того, большое влияние на ситуацию оказала позиция армии, которая осталась в основном верна правящему режиму и активно участвовала в борьбе на его стороне.

Рассматривая события «арабской весны» стоит также обратить пристальное внимание на события в **Бахрейне**. Бахрейн является одним из монархических арабских государств, расположенных на берегах Персидского залива, и характеризуется общими для них чертами: экономикой, основанной на экспорте углеводородного сырья, высоким уровнем жизни относительно других арабских стран, тесными политико-экономическими связями с США и чётким разделением населения по конфессиональному признаку.

Данные особенности чётко отразились на характере и ходе протестных движений в данных странах. В частности, в Бахрейне, в котором эти события приняли наиболее выраженную форму, митинги и демонстрации были организованы в основном шиитской молодёжью и направлены против правящей суннитской верхушки. В Бахрейне, в котором шииты представляют собой около двух третей населения, но при этом фактически не имеют влияния на политическую ситуацию в стране и не допускаются во властные структуры, протесты быстро приняли массовый характер и, несмотря на некоторые уступки властей, продолжались определённое время. Однако, в связи с тем,

что между монархиями персидского залива существуют тесные политические связи и определённая общность интересов, связанная с противостоянием иранскому шиизму, на межправительственных переговорах была быстро достигнута договорённость, и в страну были введены полицейские и военные силы ОАЭ и Саудовской Аравии, оказавшие помощь бахрейнским силам безопасности в стабилизации ситуации и подавлении беспорядков.

Йемен, – одна из самых бедных и нестабильных стран региона, и ситуация в ней во многом схожая с прочими арабскими странами имела и свои собственные уникальные отличия. Так следует отметить, что авторитарный режим Али Абдаллы Салеха имел полностью легитимный характер, поскольку А. Салех являлся законно избранным президентом страны. Вместе с этим в стране существует развитая политическая система, включающая несколько сильных партий, особую позицию в которой занимают представители южных частей Йемена, в прошлом Народной Демократической Республики Йемен, недовольные своим положением после объединения. Кроме того, ситуация в стране осложнялась большим влиянием племенных лидеров и существованием разветвлённой сети широко известной радикальной исламистской организации «Аль-Каида». В связи с этим демонстрации и митинги быстро переросли в беспорядки и столкновения с силами правопорядка и были встречены силовой реакцией властей, что привело к обострению ситуации, и в конечном итоге, вынужденному бегству А. Салеха из страны.

Таким образом, результаты анализа внутренних факторов, позволяют сделать вывод о том, что все события на Ближнем Востоке обычно объединяются под общим термином «арабской весны», но на самом деле для каждого отдельного государства, затронутого подобными процессами, они имеют свою особую специфику. Данная специфика проистекает из широкой географии произошедших и происходящих событий, их разнесённости во времени и особых условий каждого отдельно взятого государства.

В каждой из стран свою роль сыграли отдельные причины социального, экономического, политического и духовного характера.

2.2 Механизмы и технологии дестабилизации социально-политической обстановки в странах Ближнего Востока и Северной Африки

Особого рассмотрения заслуживают вопросы, связанные с широким использованием специальных технологий «цветных революций» и применением социальных сетей для координации действий протестующих, а также вопросы о роли экстремистских и террористических организаций в эскалации рассматриваемых кризисов. При этом следует отметить, что рассматриваемые события в арабском мире некоторые исследователи называют «революциями», что само по себе стало вопросом дискуссионным, так как классическое определение понятия «революция» и характер произошедших событий в изучаемом регионе вступают в противоречие.

В связи с этим в научном дискурсе вновь встает вопрос о том, что же такое революция истинная и революция «цветная», является ли цветная революция новым этапом эволюции революций истинных или это все же государственный переворот, организованный внешними силами с целью насильственного захвата и удержания власти под ширмой «массовых народных протестов». На сегодняшний день довольно много трудов посвящено исследованию массового протеста, кульминационной формой проявления которого являются революции, его причин, природы, состава и мотивов участников.

Ш. Эйзенштадт называет пять основных признаков «чистой» (идеальной) революции: «уничтожение существующего режима насильственным путем; насильственная ротация элит; отказ от накопленного ранее управленческого опыта; глубокие изменения в социально-экономической сфере жизни общества; вера революционеров в идейное и морально-этическое обновление общества после падения прежнего режима» [75]. При этом Ш. Эйзенштадт видит революцию в качестве одной из форм

насильственной трансформации (модернизации) как современных, так и традиционных обществ, не проводя существенных разграничений между революциями истинными (национально-освободительными, например) и «цветными». При этом он отмечает, что в каждом обществе присутствует потенциал протеста, основанный на неудовлетворённости базовой потребности человека в «справедливости». Однако, по мнению Ш. Эйзенштадта, «системные изменения в обществе, которые являются одним из основных признаков революции, возможны только в случае способности контрэлиты (оппозиции) разрушить старые и создать новые механизмы контроля ресурсов и функционирования основополагающих норм» [75]. «Цветные революции», являющиеся технологиями демонтажа политических режимов, к истинным революциям, согласно мнению ученого, не относятся.

Б.Ю. Кагарлицкий в 2007 году утверждал, что «очередной кризис в Грузии ненароком раскрыл главный секрет «оранжевых» и прочих «цветных революций»: их никогда не было. Вернее, они не были революциями» [76]. По мнению социолога и публициста, майдан был нужен властным элитам для того чтобы придать легитимность и демократичность их картельному сговору по поводу перераспределения власти, а «народ и в Грузии, и на Украине, и в Киргизии получил именно то, что ему обещали: одних коррумпированных начальников сменили на других» [76].

П.А. Сорокин в своем труде «Социология революции» отмечает, что причиной революций является ущемление природных «инстинктов» и устремлений человека, сопровождающееся ослаблением влияния общества, сдерживающего человека «в его низменных страстях», одновременно удерживая мир от всеобщего хаоса и дезорганизации [77]. По мнению автора, «с ущемлением одного или нескольких безусловных инстинктов ситуация меняется, и вместе с ней изменяется и поведение человека – он, к примеру, совершает преступление». В свою очередь, ущемление безусловных инстинктов значительных групп населения вызывает «массовую дезорганизацию поведения, массовый взрыв и социальное землетрясение,

носящее название бунта, мятежа, смуты, революции» [77], которые власть не в силах усмирить.

Так, причиной протеста 2011-2012 гг. в России, по мнению Д. Волкова, Л.Г. Бызова, В.К. Левашова, В.Л. Римского, стало наличие значительных противоречий в управленческой и социально-экономической сферах, в том числе: «неопределенные перспективы развития российской экономики, в том числе, отсутствие видимых действий властей по ее развитию, недовольство среднего класса отсутствием влияния на государственную политику, оторванность партийно-политической системы от интересов граждан, общий кризис легитимности власти, ожидание массовых фальсификаций выборов и усталость от несменяемости высшего руководства страны» [78]. При этом общественное напряжение, по мнению авторов, возникло и развилось «стихийно и неожиданно, под грузом неразрешенных системных противоречий и проблем» [78].

Напротив, американский социолог Т. Парсонс видит причины протеста «не в психологических или неблагоприятных социально-экономических факторах, а в естественном эволюционном движении общества к демократии» [79]. Примером этого процесса, по мнению ученого, является Великая французская революция, в которой массовый протест был вызван «изжившими себя политическим авторитаризмом и сословными привилегиями» [79], отражающими сущность современного понятия «усталость от власти», часто оказывающегося в качестве одной из «естественных» причин современных «цветных революций».

Т. Гарр, автор теории «относительной депривации», объясняет причины революций несоответствием завышенных ожиданий человека и объективной действительности [80]. Т. Гарр утверждает, что в современных революциях (в том числе «цветных») «социальный взрыв происходит не в результате социально-экономических потрясений, а из-за несбывшихся популистских обещаний властей и мощной пропагандистской работы оппозиции» [80]. Вместе с тем, согласно автору демографически-структурной теории

революции, Дж. Голдстоуну, революционная ситуация может сложиться и без наличия объективных противоречий и диспропорций в развитии общества: по его мнению, ключевым фактором любого протеста является молодежь; «как только доля молодежи 15-25 лет приближается к 20%, то, при прочих равных условиях, начинаются социальные потрясения» [81]. Этот вывод находит прямое подтверждение в практике организации «цветных революций»: так, в Египте в 2011 году (накануне цветной революции) молодежь составляла около 46% от численности всего населения страны. Именно она формирует протестное движение, используемое в «цветных революциях» в качестве инструмента политического шантажа действующей власти. С выводами Т. Гарра перекликается и испанский философ Х. Ортега-и-Гассет, который в своем труде «Восстание масс» детально исследует природу массовых волнений на политической основе [82], отдельно выделяя роль инструментов внешнего манипулятивного управления массовым сознанием и массовым поведением в организации протестных акций.

Идеологом и архитектором классических «цветных революций» принято считать Дж. Шарпа, который в своей работе «От диктатуры к демократии: Стратегия и практика освобождения» [83] изложил 198 способов осуществления государственного переворота несилowym путем. Вместе эти 198 способов составляют подробную инструкцию («техническое пособие») по демонтажу современных политических режимов, в основу которой положено применение ненасильственных методов: «психологическое, социальное, экономическое и политическое оружие - протесты, забастовки, бойкоты, отказ от сотрудничества, выражение недовольства и народное самоуправление». [83] Ключевым элементом стратегии не прямых действий, предложенной Дж. Шарпом, является тактика массового «политического и гражданского неповиновения» [83], которая должна привести к кризису власти и заставить ее сложить свои полномочия. Отмечается, что работы Д. Шарпа [84] стали настольным пособием для организаторов и исполнителей цветных революций, в том числе в Украине в

2004 и 2013-2014 гг. Вместе с тем, нельзя не признать, что «инструкции и практические рекомендации» Д. Шарпа носят весьма приблизительный и рамочный характер, что в целом затрудняет их применение на практике. Это скорее пиар цветных революций, чем пособие по применению конкретной политической технологии. Именно поэтому способов осуществления государственного переворота у Д. Шарпа так много – почти двести, хотя в реальности достаточно всего одного.

С идеями Д. Шарпа перекликаются основные выводы Э.Н. Люттвака, выпустившего в 2012 году «практическое пособие» по организации «демократических государственных переворотов». Также, как и Дж. Шарп, автор сравнивает свое пособие с кулинарным справочником, «поскольку она дает возможность любому вооруженному энтузиазмом и правильными ингредиентами непрофессионалу совершить свой собственный переворот: нужно только знать правила» [85]. Таким образом, автор признает, что государственные перевороты в современном мире – это не явление, а технология, овладеть которой может даже непрофессионал (то есть типичный «цветной» революционер). При этом государственные перевороты Э.Н. Люттвак считает действенным инструментом демократизации («демократическим делом»); по мнению автора, государственный переворот «можно осуществить «извне», и он может происходить вне правительства, но внутри государственной машины, которую образует постоянная и профессиональная государственная служба, вооруженные силы и оппозиция» [85]. Таким образом, по мнению Э.Н. Люттвака, государственные перевороты, осуществляемые с помощью технологий цветных революций и посредством внешнего вмешательства, - это инструменты, которые служат демократизации обществ не западного типа.

Ряд западных авторов, таких как К. Камар [86], Г. Хэрд [87], П. Д'Аньери [88], М.Р. Бейсингер [89], Б. Гродски [90] рассматривает цветные революции как попытку «социально-политических преобразований, нацеленных на введение «демократии снизу»» [86], при этом в своем анализе

они в основном опираются на сценарии бархатных революций в Восточной Европе, революции в Центральной Азии, Грузии и в Украине. В. Банс и С. Волчик оправдывают цветные революции, обращая внимание на «позитивные намерения» их организаторов и пытаются представить их инструментом т.н. «третьей волны демократизации» [91]. Л.А. Митчелл в своей работе «Цветные революции» рассматривает их как инструмент демократизации и модернизации традиционных обществ, находящийся в «правильных руках» «колыбели демократии» - Вашингтона [92]. Участие США в этих процессах они видят несущественным и направленным на развитие демократических основ в тех странах, которые неспособны сами в силу слаборазвитой политической, экономической и социальной сфер проводить политику в рамках демократических принципов. С ним солидарен и М.К. Колюччи, считающий, что «цветные революции» являются естественной реакцией на авторитарное правление в тех странах, где проходят государственные перевороты [93].

А. Аслунд и М. Макфол убеждены в том, что «цветные революции» – это события, в которых основной движущей силой выступают не радикалы и толпа, а гражданское общество [94]. Однако Э. Макфолу противоречит Д. Лейн, утверждающий, что такой подход приуменьшает роль внешнего фактора в организации цветных революций – «спонсоров», и преувеличивает потенциальные возможности структур гражданского общества [95], и ближе всего к пониманию природы «цветной революции» ее характеристика как «замаскированного государственного переворота». По мнению Д. Лейна, цветные революции не укладываются ни в одну из существующих моделей революций, это вообще не революционный процесс, поскольку он не приводит к кардинальной (по Т. Скочполу [96]) трансформации государственной и классовой структур общества [97]. Д. Лейн, основываясь на специально проведенных опросах общественного мнения о причинах оранжевой революции в Украине, приводит следующие данные «45,2% респондентов сочли происходившее активностью, «подымающейся

снизу», 36,4% (из них 24,0% считают, что произошел государственный переворот при поддержке Запада; + 12,4 % - государственный переворот при поддержке политической оппозиции) – переворотом, руководимым элитой, а 18,3% не определились с ответом. Тем самым, образ оранжевой революции как стихийного «народного события» ставится под вопрос» [95].

Наиболее полно и системно сравнительный анализ различных сценариев и схем «цветных революций» приведен в работах американского политолога Генри Хейла. В своей работе «Демократия или автократия на марше? «Цветные революции», как нормальное развитие патронажного президентского правления» Г. Хейл предпринимает попытку объяснить природу «цветных революций», рассматривая их как инструмент смены властных элит в странах, политический режим которых основан на «патронажном президентском правлении» («patronal presidentialism») [98]. Согласно Г. Хейлу, «цветные революции» – явление, абсолютно нормальное в жизни общества, так как они обеспечивают смену элит в государствах, внешне напоминающих или имитирующих демократическую форму правления, а на деле являющихся авторитарными, с концентрацией всей полноты власти в руках президента, вынужденного, тем не менее, в определенных случаях следовать демократическим традициям [99]. Г. Хейл утверждает, что в странах с подобными политическими режимами реальная политическая конкуренция возможна только тогда, когда возникает необходимость смены главы государства. Как только сила патронажной власти слабеет, элиты, находившиеся в оппозиции или в тени действующей власти, начинают массово мобилизовать своих сторонников, в результате чего в стране начинается цветная революция, внешне очень похожая на начало процесса демократизации, которая, тем не менее, всегда завершающаяся приходом к власти нового авторитарного режима. Таким образом, «цветные революции», по мнению ученого, являются промежуточной фазой в циклической трансформации режимов с патронажной президентской формой правления: от имитационного авторитаризма – через «цветную революцию», ведущую к

кратковременной демократической «оттепели» (периоду «внезапной демократической открытости») - к новым формам авторитаризма [98]. С его точкой зрения перекликается работа М.Э. Макфола, пытающегося представить «цветные революции» естественной переходной фазой трансформации любого слабеющего авторитарного режима, которая может повторяться

с определенной периодичностью, то есть носит циклический характер [100].

Одним из основных объектов изучения в современных исследованиях по цветным революциям являются события «Арабской весны». Сценарии и схемы «цветных революций» «Арабской весны» довольно подробно раскрыты в трудах таких зарубежных ученых как Л. Андерсон, М. Гозлан, Г. Ибиш, А. Мохайелдин, М. Моншипури, А. Ассарех, С. Шаар, Т. Шумахер, Ж.-П. Филиа [101]. Так, известный ученый-арабист Ж.-П. Филиа в своей работе «Арабские революции: десять уроков демократического восстания» подробно расписывает организационную составляющую технологий «цветных революций» «Арабской весны», отмечая при этом, что шаблонное применение этих технологий в мусульманском мире несет реальную опасность существования западной цивилизации [101].

Среди исследований, выполненных зарубежными авторами, присутствуют работы, посвященные сравнительному анализу взглядов не западных ученых на природу и методы осуществления «цветных революций», которые интересуют западное экспертное сообщество тем, что выражают альтернативные западной пропаганде позиции. Среди этих работ следует выделить труд Д. Вильсон «Цветные революции: взгляд из Москвы и Пекина», содержащий сравнительный анализ совпадений и различий во взглядах российских и китайских ученых на предмет исследования [102], а также сравнение влияния фактора цветных революций на российскую и мировую (то есть западную, в контексте данной авторской работы) политику [103]. Автор указывает, что Москва и Пекин сходятся во мнениях о том, что цветные революции представляют собой форму управляемого политического

протеста, использующего технологии манипулятивного управления массовым политическим сознанием и поведение, с одной стороны, и современные модели организации массовой коммуникации, с другой. Цель этих технологий одна – государственный переворот, организуемый под видом стихийного народного бунта. Для предупреждения повторения «твиттерных» моделей «цветных революций», подобно египетской, Пекин закрыл доступ своим гражданам к широкому перечню западных информационных ресурсов – социальным сетям «Фейсбук», сервисам Твиттер, Гугл и некоторым другими им подобными. Д. Вильсон, отчасти отмечая действенность этих мер, проявляющуюся в отдельных случаях, в целом относится к их эффективности и способности защитить КНР от «цветных революций» довольно скептически.

Российских ученые, поддерживающие подход к «цветным революциям» как к стихийно возникающему явлению, искренне считают, что «цветные революции» были проявлением протестных настроений населения, вызванных значительным количеством нерешенных острых социальных и политических проблем, которые и стали их истинной причиной. В этой связи следует упомянуть работы А.М. Васильева [104], Б.Ю. Кагарлицкого [105], И.Д. Звягельскую [106], В.Я. Гельмана [107], В.Д. Соловья [108], С.Л. Печурова [109], Ю.С. Пивоварова [110], С.Г. Лузянина [111].

По мнению академика А.М. Васильева, рассматривавшего события «Арабской весны» на примере Египта, «египетская революция произошла не потому, что «появились Интернет, Фэйсбук или Твиттер, - это была искра в куче сухого хвороста» [104]. Истинной причиной цветной революции стали «ненависть к коррумпированной автократии и тайной полиции, отчаяние поднимающегося среднего класса, безнадежное положение бедных, неспособность «верхов» на реальные реформы» [104], а движущей силой стали все те же политические силы, которые уже не раз предпринимали попытки свергнуть режим революционным путем. Связь этих сил с США и Западом, как минимум, не доказана: по мнению ученого, «режимы, которые приходят к власти, будут менее прозападными, чем те, которые существовали

ранее, а может быть, антизападными.- у власти не будут послушные Вашингтону диктаторы, которые могли бы игнорировать мнение своих собственных народов» [104]. Тем не менее, он признает, что наиболее бедные слои населения не сразу поддержали «твиттерную» революцию в Египте, во многом из-за того, что правительством обеспечивались дотации на лепешки, позволяющие малоимущим слоям населения выжить.

И.Д. Звягельская также считает, что причины революций «Арабской весны» носили сугубо внутренний характер, а сходство сценариев арабских революций с так называемыми «бархатными революциями» в Восточной Европе носит характер подражания, свойственного молодежи (основного участника всех подобных бунтов и протестных выступлений) вообще и современной молодежной культуре, в частности: «элементы подражания молодёжным организациям восточноевропейских стран периода «бархатных революций» были всего лишь подражанием» [106]. По мнению ученого, «подозрения о причастности Запада к изгнанию и отставкам своих наиболее верных союзников в арабском мире, были лишены всякой логики» [106], а сама «Арабская весна» к технологиям «оранжевых» и иных «цветных революций» никакого отношения не имеет. «Главным спусковым механизмом» цветных революций, по мнению ученого, становится «слабость власти, которая четко осознается политическими конкурентами, готовыми воспользоваться случаем и готовящими себя к нему».

Е. Галкина предпринимает попытку доказать через имеющиеся различия, что революции «Арабской весны» в целом и революция в Египте, в частности, не имеют никакого отношения к «истинным» «цветным революциям», образцом которых она считает «оранжевую» революцию 2004 года в Украине: «Начинались арабские и цветные революции очень похоже: вспышка происходила после какого-нибудь возмутительного прецедента, связанного с унижением властью человеческого и национального достоинства (в цветных революциях всегда связано с фальсификацией выборов); ... единственным чётко артикулированным требованием было

свержение насквозь коррумпированного режима, позитивная программа в лозунгах восставших отсутствовала. Но дальше пути восстаний расходятся, потому что за бунтом «цветных революций» не стоит никакой структурированной оппозиции, никто не предлагает внятной программы, поэтому движение вянет, приводя к власти популистскую фигуру», а к власти в Египте на волне «Арабской весны» пришли исламисты, представляющие собой хорошо организованную политическую силу [112]. Попытка автора исключить из перечня «цветных» переворотов ряд эпизодов, касающихся «Арабской весны», направлена на то, чтобы показать, что «цветные революции» – явления уникальные и единичные, их организация не поставлена на поток.

Позиция Е. Галкиной, в целом, отражает еще один тренд, существующий в среде ученых, занимающихся исследованием «цветных революций» и их классификацией: многие эксперты пытаются упростить понимание объекта исследования, последовательно отсекая от него различные виды «цветных революций» и признавая их «не цветными» революциями и даже «не цветными не революциями». Б. Кагарлицкий на примере «революции роз» в Грузии утверждает, что цветные революции – фантом, миф, в природе их не существует; Л. Галкина пытается отсечь от массива «цветных революций» революции «Арабской весны», доказывая, что последние никакого отношения к «цветным революциям» не имеют, несмотря на все существующие признаки; Б.А. Исаев в своей работе «Принцип домино и цепи революций: где, почему и как случаются «цветные революции»» [113] пытается развести по разным категориям «цветные революции» и революции «бархатные», считая, что это не одно и то же.

Печуров С.Л. в своей книге «Арабский Восток: от «весны» к хаосу?» выделяет шесть причин, которые привели к кризису в арабском мире в 2010-2013 гг., в том числе «отсутствие легальных, одобренных и принятых обществом механизмов смены власти»; нищета; «внутристрановые

межэтнические и межконфессиональные, общинные, родовые и клановые противоречия» [109]. Все они имеют сугубо внутренний характер.

Применительно к Центрально-Азиатскому региону большой интерес представляет работа С.Г. Лузянина, в которой он детально разбирает сценарии «цветных революций», обращая основное внимание на формы их проявления в среднеазиатских условиях и отстаивая точку зрения о стихийности этих событий, вызванных объективными противоречиями социально-политического характера [111]. Вместе с тем, автор склоняется к мнению о том, что во многих случаях именно координирующее и направляющее участие Запада обеспечило «цветным революциям» в Центральной Азии успешность.

Однако, следует отметить, что далеко не во всем российском экспертном сообществе наблюдается относительное совпадение взглядов на природу «цветных революций» с западными авторами: напротив, целый ряд российских ученых придерживается в этом вопросе принципиально иной (полярной) точки зрения. Так, А.В. Манойло отмечает, что в среде западных ученых (американских и западноевропейских) в целом нет принципиальных расхождений относительно понимания истинной природы «цветных революций», как бы они не пытались это замаскировать под различными теориями стихийности, «народного бунта», «демократизации» или «модернизации традиционных обществ»: все они, попав в дискуссионное поле, вынуждены признать, что «цветные революции» – это не явление и не процесс, а инструмент политического воздействия, специальная технология, предназначенная для организации государственных переворотов и принудительного демонтажа политических режимов: «единственная цель любой «цветной революции» – это организация государственного переворота, и ничто иное» [114]. То есть, большинство западных ученых являются реалистами и не строят иллюзий относительно природы и истинного предназначения «цветных революций». И только в России, по мнению А.В. Манойло, до сих пор ведутся споры относительно того, чем же считать «цветные революции» – явлением, процессом или технологией [114]. Это дает

основание условно разделить их на три лагеря (согласно А.В. Манойло – на два: сторонников стихийности и сторонников инсценированности «цветных» революционных процессов), каждый из которых придерживается собственной гипотезы о природе и происхождении «цветных революций». Сам А.В. Манойло придерживается мнения о том, что «цветные революции» – это технология, причем одна единственная, для всех известных кейсов [114].

Мнение А.В. Манойло разделяют и другие российские исследователи, указывающие на наличие во всех цветных революциях общего сценария или технологической схемы, на признаки «технологичности» в организации отдельных ее элементов, в частности, протестного движения. Интересный взгляд на причины и условия проведения «цветных революций» изложен в статье Б.А. Исаева [113]. В исследовании, проведенном Б.А. Исаевым, анализируются основные причины и характерные черты «цветных революций», которые отличают их от революций классических и «бархатных» («цветные» и «бархатные» революции автор статьи различает, считая их различными проявлениями современных политических процессов). По мнению ученого, «в XXI веке появилось понятие «цветная революция», которое трактуется как ненасильственная смена у кормила власти правящей партии на оппозиционную, не путем участия в выборах, а путем организации вооруженного протестного движения. Цветные революции, имевшие место на постсоветском пространстве, не имели всех рассмотренных выше характерных черт классических революций, поэтому вряд ли могут называться революциями. Вот почему это слово по отношению к цветным революциям в дальнейшем мы будем брать в кавычки» [113]. «Цветные революции» разрешают основных конфликтов общества, а напоминают политические перевороты; закономерным итогом цветных революций, по мнению Б.А. Исаева, становится «приход к власти новой элиты и передел собственности между победившей элитой и контрэлитой» [113].

Исследованию «цветных революций» на постсоветском пространстве посвящена работа А. Наумовой, В. Авдеева, А. Наумова (Факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова) [115], в которой на феноменологическом уровне предпринята попытка систематизировать знания о формах, методах и причинах возникновения «цветных революций» на постсоветском пространстве. Авторы также склоняются к мнению, что «цветные революции» – это не объективно существующее социально-политическое явление, и даже не политический процесс, а политическая технология. С этим мнением можно согласиться.

Кроме того, проблемы противодействия «цветным революциям» обсуждались в рамках III и IV Международных конференций по безопасности, проводимых в 2014 и 2015 гг. Кроме того, анализу «Арабской весны» и «цветных революций» в целом был посвящен круглый стол на IV Всероссийском социологическом конгрессе [116]. В рамках этих мероприятий большинство ученых согласилось с тем, что «цветные революции» – это современные инструменты политического воздействия и управления, цель которых – дестабилизация и демонтаж политических режимов.

Видный российский ученый С.Г. Кара-Мурза, рассматривая «оранжевые» революции (синоним термину «цветные»), отмечает, что «цветные революции» – это явление, «не просто приводящие к смене властной верхушки государства и его геополитической ориентации, но и меняющие основание легитимности всей государственности» [117]. По мнению ученого, «феномен бархатных революций имеет абсолютно неклассическую, постсовременную природу» [118]. Цветную революцию С.Г. Кара-Мурза рассматривает как процесс десоверенизации современных государств, который он связывает с иностранным вмешательством: «... меняется даже местонахождение источника легитимности, он перемещается с территории данного государства в метрополию [США - АН] - в ядро мировой системы капитализма» [117]. Вместе с тем, он отмечает, что «цветные

революции» также играют роль инструментов и технологий экспорта американской демократии, для которых постсоветское пространство является территорией для апробации операций по распространению прозападных политических режимов, а главной целью «цветных революций» является Россия. Вот почему «знание о природе, сущности, движущих силах, организации и технологии «оранжевых революций» стало насущно необходимым для российского общества по самым практическим причинам, касающимся буквально каждого гражданина» [119]. В работах С.Г. Кара-Мурзы есть примеры схем «цветных революций», состоящие из последовательности этапов, вместе образующих технологическую цепочку [119].

Л.Л. Фитуни, детально исследуя причины «цветных революций» в арабском мире, отчасти солидаризируется с А.М. Васильевым и также отмечает наличие внутренних социальных, экономических и политических противоречий, которые, по мнению ученого, стали важным фактором нарастания протестного движения в странах Магриба: «при полном отсутствии внутренних предпосылок социального взрыва никакой внешний импульс не мог бы вызвать революционный подъем и массовые демонстрации» [120]. Л.Л. Фитуни считает, что «Арабская весна» – это результат кризисного сочетания в арабских обществах переходов трех типов: экономического, демографического и идейного (который включает также информационный аспект)» [120]. Вместе с тем, он указывает, что без западного влияния и поддержки революции «Арабской весны» не смогли бы состояться и победить: «без соответствующего внешнего фона, моральной, политической и, что не менее важно, материальной поддержки извне ни тунисская, ни египетская, ни тем более ливийская революции не имели бы реальной перспективы». [120] По мнению ученого, «западные демократии предоставили протестующим необходимые технические возможности для организации и консолидации сил, а в Ливии просто воевали на стороне

оппозиции» [120], и это стало истинной причиной трансформации и демонтажа политических режимов в странах арабского мира.

Таким образом, на основании проведенного анализа трудов западных и российских авторов можно сделать вывод о том, что в современной научной среде понятие «цветных революций» по-прежнему остается дискуссионным; соответственно, различаются и представления авторов (политиков, ученых, экспертов) о причинах и природе «цветных революций». В целом, можно говорить о двух основных направлениях в исследовании природы «цветных революций», с собственных позиций, пытающихся объяснить их природу: «теории стихийного происхождения цветных революций» и «теории инсценированного происхождения цветных революций». Несмотря на существенные допущения, которые делаются сторонниками и того, и другого подхода в целях получить перевес в дискуссии, и на некоторую умозрительность аргументации, приводимой обеими сторонами, можно уверенно утверждать, что на сегодняшний день эти направления полностью сформировались и стоят в целом на строго научных позициях по отношению к рассматриваемому объекту исследований. Однако, спор представителей этих двух подходов еще не окончен, и это в определенной степени – в силу отсутствия устоявшихся представлений – осложняет исследовательскую работу в данной области.

При исследовании событий в арабском мире можно с уверенностью говорить, что имел место процесс приведения в соответствие с имеющимися реальностями социально-экономического устройства стран без отказа от частной собственности или кардинальной смены способа производства. Протестующие сменяют тех или иных политических деятелей, которые в силу долгой монополии на власть нарушили систему распределения социальных благ и существующий баланс сил [121].

Результаты проведенного анализа доказывают аргументированность позиции авторов, придерживающихся инструментальных взглядов на события

«Арабской весны». При этом обращает на себя внимание ряд особенностей зарождения и развития ближневосточных кризисов.

Во-первых, каждый из них развивался (а в случае с Сирией – продолжает развиваться) по одному и тому же сценарию, или «революционному» шаблону, очень похожему на сценарии «цветных революций».

Во-вторых, в нескольких разных государствах Северной Африки начало «революций» практически совпало, что предполагает высокий уровень координации (по времени) из некоего «революционного центра» за границей либо – факт проведения тщательно спланированной внешними силами специальной операции и исключает любой элемент случайности с большой долей вероятности.

Несмотря на существующее в отношении стран Магриба мнение, гласящее, что эти государства являются своеобразной копией друг друга, явное сходство между ними наблюдается только в формах политических режимов и времени пребывания их лидеров у власти. В других же вопросах (в уровне социальной напряженности, в степени разрешения социальных проблем, в уровне жизни и экономической стабильности) разница между ними весьма значительна. Именно поэтому игра на общих проблемах социально-экономического характера не может быть во всех указанных странах главной причиной одновременного взрыва политической ситуации. Однако, её вполне достаточно для того, чтобы скрыть истинные причин «финиковых революций», и предоставить внешним наблюдателям (ООН, европейскому сообществу, оставшейся части арабского мира) возможность трактовать события в удобном им ключе.

В-третьих, причиной вспышки, погрузившей в политический хаос самую стабильную и «европейскую» страну – Тунис, стал довольно небольшой повод: совершение одним из местных жителей акта самосожжения. Однако, это событие сразу послужило сигналом для начала масштабных мятежей, охвативших всю страну в течение нескольких дней.

Организация мятежа, между тем, практически невозможна без тщательной предварительной подготовки, вербовки боевиков и сплочения их в организованные группы, налаженной системы координации, материального обеспечения и, наиболее важное, обеспечения наличия в зоне будущего конфликта значительных финансовых ресурсов, которые необходимы для подпитки «революционной борьбы». Такие ресурсы доставить в зону конфликта мгновенно практически невозможно, а если мятеж уже начался, то задача осложняется ещё больше. Ни одна из современных «революций» без финансовой подпитки не может надеяться на значительные успехи в борьбе против законной власти.

В-четвертых, государства Северной Африки были охвачены «пламенем революции» по очереди, в некотором порядке, что также приводит к размышлениям: могут ли события чисто стихийного характера придерживаться определённого направления, если никто не оказывает на них направляющего воздействия? В случае же «Арабской весны» просматривается избирательность: Тунис-Египет-Ливия-Сирия-Бахрейн-Йемен и т.д. В стороне, притом, остались Алжир, Марокко и другие африканские страны, отличающиеся таким же «консерватизмом» политических режимов и имеющие ряд сходных социальных проблем.

Специалисты по психологическим операциям и технологи «цветных революций» называют такое явление «контролируемой цепной реакцией». Для любой современной технологии «цветных революций» такая реакция является обязательным элементом. При её использовании любые промежуточные результаты «революционного подъема народных масс» достигнутые в одной стране используются как инициирующий повод, запускающий маховик «революции» (или вооруженного мятежа) в следующей стране из списка, намеченного заранее зарубежными «революционерами» (истинными авторами «революции»).

При этом очередность, в которой страны «поджигаются» в контролируемой цепной реакции, строго соблюдается, поскольку

инициирующий импульс работает не на пробуждение гражданской позиции общества, подавляемой каким-либо авторитарным режимом, а на активацию «домашних заготовок» политтехнологов, готовящих такие «революции» заблаговременно и внедряющих в массовое сознание населения соответствующую идеологию. А для каждой конкретной страны эти «заготовки» - свои [122].

В этих процессах технологию выдает не только порядок, в котором вспыхивают страны, но и высокая скорость распространения такой цепной реакции, которая возможна только если происходящие события в значительной степени координируются извне. Только таким образом они в своей массе перестают быть отдельными случайными фрагментами мозаичной картины, приобретая характер сценария, в котором в рамках одного плана взаимосвязаны все эпизоды, и обладающего вполне конкретными целями, задачами и последовательностью, в которой они осуществляются.

В-пятых, в «революциях» на Ближнем Востоке и в Северной Африке наблюдается механизм обратной связи - еще один ключевой элемент технологии «цветных революций», обязательно присутствующий в любой специальной операции. Сущность его такова: первоначальный сценарий «революции» обкатывается на примере одной страны, затем с помощью механизма обратной связи корректируется и запускается в отношении следующей по списку страны в виде очередной итерации. После этого коррекция повторяется снова. Соблюдение очередности в применении технологий «революций» к избранным странам при этом обязательно. Это позволяет вовремя исправлять и учитывать ошибки в исходном сценарии, оперативно адаптировать его под тонкую специфику региона, которая даёт о себе знать уже в процессе реализации исходного замысла. Такой подход обеспечивает гибкость современных технологий «цветных революций», однако при этом служит их главным демаскирующим признаком.

Кроме того, существует ещё один настораживающий факт: во всех «революциях» в странах Северной Африки наблюдается странное отсутствие

революционной идеологии - обязательного компонента любой революции. Между тем, в основе революционной борьбы настоящих революционеров-идеалистов лежат либо высокие идеалы (свобода, равенство, братство, справедливость), либо идеи национально-освободительных движений. В арабских «революциях» подобные мотивы оказались выражены слабо: протестные движения продемонстрировали свою мозаичность и тенденцию быстро превращаться в «политическую толпу», сконцентрированную на свержении конкретных представителей действующей законной власти и создании обстановки хаоса. Народный гнев в таком случае носит сугубо персонифицированный характер, и «революционная» толпа не выдвигает никакой альтернативной политической программы, не выступает против самой сути политической системы. Цель такой революции сводится к тому, чтобы на основательно «подогретой» волне народного гнева к власти пришли новые лица, которые, возможно, ничем не лучше предыдущих, но обладают романтическим ореолом «революционеров». Обладая этим ореолом, эти люди могут не иметь ни известного прошлого, ни заслуг перед страной, и вообще вынырнуть из политического хаоса в самый последний момент. Для любых мировых лидеров, интересы которых лежат в данном регионе, этот момент является самым лучшим для приведения к власти своих «ставленников» [122].

Таким образом, для любых западных политтехнологов, намерения которых состоят в том, чтобы применять новые «революционные» технологии в странах Магриба, задача выбора революционной идеологии, подходящей к текущей ситуации в регионе, становится проблемой чрезвычайно сложного характера. Профессионалы специальных операций в этом случае стремятся максимально обойти вопрос идеологии, заменив его набором пиар-клише демонстративного характера и полагаясь на быстрое формирование «политической толпы» из массы недовольных. Для неё необходимо лишь указать цель и направление главного таранного удара, а вопрос идеологии сам собой отходит на второй план. У настоящих революций, которые являются

истинным проявлением воли народа, между тем, всегда присутствует идеологическая составляющая. Подобные признаки указывают на то, что процессы, имевшие место на Ближнем Востоке и в Северной Африке в период «Арабской весны», носят частично искусственный характер и подвергались опосредованному управлению со стороны внешних акторов.

Технологии «Арабской весны» имеют несомненное сходство с «цветными революциями». Они используют похожий арсенал организационных и психологических приемов, применяют похожие шаблоны и схемы. Однако при этом ударение смещается на методы, которые способны расколоть сплоченность традиционных восточных обществ на мелкие фрагменты. Такой подход требуется для того, чтобы вырвать отдельные личности из состава родовых и племенных кланов, с помощью технологий управления массовым сознанием дезориентировать их в политической обстановке и создать из таких дезориентированных граждан «политическую толпу» – главный таранный инструмент любой «цветной революции». Методы и технологии, которые позволяют расколоть традиционные общества, обладающие высокой сплочённостью, на отдельные фрагменты и погрузить общество в состояние распада и политический хаос, носят название «технологий «управляемого хаоса». Анализируя ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке, многие эксперты и обозреватели увидели след применения именно этих технологий.

В этой связи стоит упомянуть метод так называемого «мирного протеста». Силы протестующих прибегали к ней множество раз в ходе кризисных ситуаций в странах всего Арабского мира, хотя она и не всегда имела тот же эффект, что в Тунисе или Египте. Тактика мирного протеста является достаточно логичной: протестующие никогда не смогли сравниться в грубой силе с государством, невооруженные активисты гораздо меньше провоцируют силовой ответ, а насильственные методы показали свою неэффективность, когда исламистские группы пытались применять их против государств в 80-х годах.

Наиболее важно, что в качестве очевидного примера для подражания в Тунисе добились успеха группы, придерживающиеся ненасильственных методов, которые сотрудничали с аналогичными группами в Египте уже несколько лет. Однако выбор ненасильственных методов имел и другие источники.

В течение десятилетия, предшествующего перевороту 2011 года, в Египте существовал целый ряд движений, ненасильственных по своей природе. В 2000 году египтяне вышли на улицы в поддержку второй Палестинской интифады против оккупации Израилем Западного берега и Сектора Газы. Их поддержали бастующие профессионалы, активисты рабочего движения и студенты. Египтяне вернулись на улицы в 2003 году, протестуя против американского вторжения в Ирак (во время этого протеста была занята площадь Тахрир под лозунгом «Улица – наша!»), а потом снова в 2005 – в поддержку судей, которые устроили сидячую забастовку против утверждения результатов «нечестных» парламентских выборов. Фактически, между маем и декабрём 2005 года блогосфера сообщила о двадцати четырёх мирных демонстрациях в одном только Каире.

Вероятно, двумя наиболее значимыми событиями, которые содействовали принятию тактики ненасильственного протеста были пример движения «Кефайя» (Хватит) в 2004 году и неудача в 2008 году забастовки в квартале Махалла аль-Кубра. Организаторы движения «Кефайя» - коалиции политических направлений от националистов до коммунистов и исламистов, которые объединились вокруг требования избирательной реформы – основали свою группу незадолго до референдума о предоставлении права президенту Мубараку избираться на пятый срок.

«Кефайя» была первой группой, которая озвучила призыв к отставке Мубарака. Одной из её тактик было ненасилие: например, во время своего первого марша демонстранты несли молчаливую вахту, заклеив рты жёлтыми стикерами с символом движения. Помимо символической силы ненасилия,

организаторы протестов 2011 года на площади Тахрир почерпнули и другие техники и стратегии у этого движения.

Например, «Кефайя» определяла себя как свободное движение, а не единую партию, чтобы придать движению охват, использовала социальные медиа для организации демонстраций, мобилизовала рабочие районы для расширения базы движения и перехватывала контроль над общественными пространствами, организуя «флэш-мобы», чтобы их можно было использовать для проведения демонстраций.

То, что требования озвучиваемы во время восстания 2011 года и тактики протеста совпадали с аналогичными требованиями и тактиками движения «Кефайя» неудивительно: хотя «Кефайя» ушла со сцены за годы до восстания, один из основателей Молодёжного движения 6 апреля был членом молодёжного крыла этого движения.

Забастовка 2008 году в квартале Махалла аль-Кубра, из которой выросло Молодёжное движение 6 апреля, закончилась насилием, и вмешательство полиции сокрушило всеобщую забастовку, к которой призывали организаторы. Вскоре после провала забастовок, лидеры того, что впоследствии станет Молодёжным движением, искали тактического руководства у других групп, вовлечённых в противостояние с «авторитарными» режимами. Один из них, Мухаммед Адель, посещал столицу Югославии Белград. Там он участвовал в недельной тренировочной программе, организованной Центром прикладного ненасильственного действия и стратегий (CANVAS), организацией, основанной ненасильственным молодёжным движением Отпор, которое участвовало в действиях, приведших к смещению Слободана Милошевича. Вместе с Аделем в Центре проходили тренировки и демократические активисты из Украины, Грузии, Зимбабве и Бирмы.

Вскоре после успеха восстания в Тунисе, Молодёжное движение 6 апреля и дружественные ему организации подготовили собственное восстание, которое должно было быть разыграно по образцу Отпора. Тактики,

которые они применяли были точно такими же. Например, вместо попытки организовать один общий марш к площади Тахрир 25 января, который легко мог быть разогнан силами безопасности, они организовали двадцать один отдельный марш из разных точек. Один из маршей держался в секрете от всех, кроме его организаторов, которые подходили к точке начала группами не более десяти человек. Молодёжное движение 6 апреля даже использовало тот же символ, что и Отпор – сжатый кулак.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на то, что первоначальные условия и действующие силы в отдельных случаях отличались друг от друга, основные стратегии действий и первоначальный ход событий в ряде случаев имели однозначное сходство как между собой, так и с другими случаями антиправительственных выступлений и действий, которые ассоциируются с «цветными революциями».

Ещё одной из наиболее выделяемых исследователями особенностей событий «Арабской весны» стало применение информационных технологий, которые выступали в роли инструмента передачи информации, управления группами протестующих и общей мобилизации граждан.

Основными чертами революционных событий можно назвать:

1. применение методов сетевого управления внутренним конфликтом;
2. отсутствие при организованном характере протестных движений ярко выраженного лидера;
3. использование при доведении до конечных потребителей информации методов информационно-психологического воздействия, которые могли заключаться в доставке информации противоположной реальной, создании в медийном пространстве устойчивого образа действительности происходящего.

По мнению доктора экономических наук Л.Л. Фитуни, заведующего Центром глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН,

подобные методы уже отрабатывались ранее во время событий в Южной Осетии, а также в ходе войны в Ираке [123].

Доктор юридических наук Мухамеджанов Б.Г. выделяет в изучаемых событиях следующие особенности:

1. Организация протестных акций посредством групп в социальных сетях.
2. Использование мечетей для распространения среди прихожан информации о готовящихся акциях протеста.
3. Распространение информации о готовящихся акциях протеста посредством SMS сообщений.
4. Вовлечение участников пятничных молитв в следующие после них «дни гнева».
5. Децентрализация формирования групп манифестантов в разных частях города с их последующим сбором на центральных улицах и площадях городов в многотысячную толпу.
6. Заблаговременная подготовка средств наглядной агитации [124].

Ключевая роль в информационной войне принадлежит спутниковому телевидению, которое создаёт стереотипы и внедряет их в массовое сознание. В этом отношении ведущие роли заняли телеканалы «Аль-Джазира» и «Аль-Арабийя», которые транслировали передачи на английском и арабском языках, призванные породить симпатии к восставшим, и заняли позицию главного источника информации как для арабских стран, так и для западного мира. При создании информационных материалов эмоциональное воздействие на читателя усиливалось посредством публикации фотографий, содержащих тела погибших и раненых. При этом не предоставляется альтернативной точки зрения на события, а аргументация не носит какого-либо разнообразия: вина за происходящее возлагается на представителей правительственных войск и сил безопасности, а также лично на главу государства [125]. Рассматривая информационную составляющую, следует отметить роль катарских СМИ в событиях в Ливии. В период конфликта основным центром прозападной

пропаганды в арабском мире стал именно телеканал «Аль-Джазира». Катарцы занимались пропагандистской поддержкой повстанцев в Ливии на самом серьёзном уровне. В частности, ими в рекордно короткие сроки был организован единственный в Бенгази спутниковый центр по приему, подготовке и передаче телевизионных репортажей. Также следует заметить, что неофициальной линией для «Аль-Джазиры» является информационная поддержка движения «Братья-мусульмане», которое в ходе кризисов в Египте и Ливии значительно усилило свое влияние. По этой причине замалчивались события «Арабской весны» в Катаре и Бахрейне, где выступления были подавлены при саудовской поддержке.

Можно утверждать, что «Арабская весна» вызвала к жизни такой редкий феномен, как *«селективное зрение»*, суть которого сводится к сосредоточению внимания на одном событии, при полном игнорировании другого. Так, многие репортажи были составлены на основе интервью с неопознанными очевидцами и любительских видеозаписей, которые нигде потом не подтверждаются [126].

Эффективность ТВ предопределяется, во-первых, влиянием зрительного ряда, который предоставляет зрителю «картинку», не давая при этом проанализировать передаваемую информацию, и, во-вторых, его широким охватом [127]. Учитывая эти факты, весьма верным представляется мнение профессора Бамбергского университета А. Юнгера: «если социальные сети мобилизовывали людей на протестные действия и выход на улицы, то настоящими «структурами», которые «двигали» эти революции стали именно спутниковые электронные СМИ» [128].

Обращает на себя внимание, что многие репортажи о кровопролитных событиях в Сирии, которые получили самый широкий резонанс, транслировались перед или прямо во время заседаний Совбеза ООН, Совета по правам человека или заседаний Генеральной ассамблеи ООН по сирийском вопросу. С большой вероятностью это было сделано для оказания давления на

международное сообщество в ходе принятия важных политических решений по сирийской проблеме. Примером этому могут служить репортажи о резне в деревне Кубейр 6 июня 2012 г. накануне заседания СБ ООН и о резне в деревне Хула 25 мая 2012 г. накануне намеченного на 29 мая 2012 г. приезда в Дамаск посланника ООН.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что во время событий «Арабской весны» особенностями использования информационных технологий стали: отсутствие ярко выраженного лидера оппозиции, использование методов сетевого управления, использование дезинформации, а также методов информационно-психологического воздействия. США для распространения своего влияния и улучшения имиджа государства в арабском мире активно использовали Интернет и социальные сети.

ГЛАВА 3

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В ГОСУДАРСТВАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ В ХОДЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Данная глава посвящена исследованию основных последствий социально-политических кризисов как для региона в целом, так и для отдельных его государств, а также установлению их места и влияния в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

3.1 Основные последствия социально-политических кризисов в государствах Ближнего Востока и Северной Африки, и перспективы трансформаций политических режимов в регионе

Главные события серии социально-политических кризисов в государствах Ближнего Востока и Северной Африки, получившие общее название «Арабская весна», завершились уже некоторое время назад, однако и в настоящий момент авторы продолжают публиковать труды, посвященные научному исследованию их последствий и итогов. Более того, нынешнее состояние социальной сферы, экономики и политики многих стран Ближнего Востока и Северной Африки до сих пор во многом определяется теми событиями, а некоторые процессы, начавшиеся в ходе Арабской Весны, всё ещё не завершили своё развитие. В свою очередь они порождают свой особый набор последствий, которые значительно влияют на обстановку в изучаемом регионе. Тем не менее, опираясь на методологию анализа изучаемых явлений по сферам общественной жизни, в третьем разделе представляется возможным исследовать и классифицировать, и с применением метода прогнозирования выдвинуть гипотезы о дальнейшем развитии, возможные глобальные и

региональные последствия «Арабской весны», а также их влияние на состояние национальной безопасности Российской Федерации.

Политические последствия «Арабской весны» могут быть в основном связаны с полным крахом или заметной трансформацией политических режимов, существовавших на протяжении длительного времени, а также ощутимой трансформацией в регионе общего политического ландшафта. Режимы арабского мира, носившие идеологический характер, в ходе кризисов подверглись значительному давлению, однако при некотором сходстве политических требований и лозунгов, которые в каждом отдельном случае выдвигали политические силы, следует отметить, что в каждом из государств, которые стали местом происхождения социально-политических кризисов, имелись свой набор политических акторов и своя особая политическая повестка.

Например, в Тунисе, который имел относительно высокий для исследуемого региона уровень развития экономики, основными бенефициарами социально-политических протестов были испытывавшие давление со стороны семейного клана Бен Али финансовые и политические круги. Главной движущей силой этих протестов при этом стали образованная молодёжь и многочисленный средний класс. Особо следует отметить группы исламского толка, которые смогли добиться в ходе последовавших за свержением и бегством Бен Али политических процессов значимого представительства в парламенте в лице Партии возрождения.

В Египте при похожем характере требований, выдвигавшихся в отношении правящего режима, заметное влияние оказали рабочие организации и профсоюзы, которые оказывали поддержку протестующим, а в последовавшей за протестами политической борьбе на передний план выдвинулись силы исламского толка, среди которых наиболее значимым стало движение «Братья-мусульмане». Руководство египетских вооружённых сил заняло особую позицию. Армия, традиционно являющаяся одной из центральных сил в Египте, заняла нейтральную позицию, а затем взяла на себя

руководство переходными политическими процессами. Примечательно, что в итоге широкая коалиция сил, выступавших против старого режима, раскололась, и на последовавших выборах секулярные силы и исламисты находились в жёсткой оппозиции друг к другу. В этой ситуации движение «Братья-мусульмане», получив возможность вести легальную политическую борьбу, проявило высокий уровень организации и провело среди нижних слоёв населения Египта масштабную агитационную кампанию. В результате последовавших выборов большинство мест в египетском парламенте получил альянс «Братьев мусульман» и партии салафитского толка «Ан-Нур», а президентский пост занял лидер «Братьев мусульман» М. Мурси [129].

Кроме того, знаковым событием стал провал на выборах молодежных партий и движений. Данные силы были одними из основных организаторов и исполнителей массовых выступлений против режима Х. Мубарака, а также во многом стали лицом данных протестов. При этом, доля безработных среди молодежи достигает 60% и отсутствие политического представительства для этой группы не оставляет серьёзной надежды на изменение ситуации, а значит и на сокращение протестного потенциала.

В дальнейшем разногласия между руководством армии, секулярной оппозицией и исламистами переросли в открытый конфликт, который завершился свержением М. Мурси с поста президента в результате военного переворота.

В таких государствах как Ливия и Йемен события приняли иной характер. Мало похожие в социальном и экономическом плане, данные государства оказались сходны в авторитарном характере осуществления политического управления и специфичном устройстве государственного аппарата. В этих государствах протесты отличались своей хаотичностью, отсутствием явной структуры, направленностью против системы государственного управления как таковой и тех методов, которые ею использовались. Отсутствие чётких и последовательных требований, а также

реальной политической организации среди протестующих в совокупности с упомянутыми в первой главе факторами привели к распаду системы государственного управления и вытеснению первоначальной повестки протестов различными мелкогрупповыми интересами и идеологиями радикального характера.

На фоне событий в других арабских странах в Йемене наблюдался достаточно масштабный отклик на общерегиональные процессы. Антиправительственные выступления быстро переросли в вооруженные столкновения. Оппозиция требовала, чтобы президент А.А. Салех и правительство страны ушли в отставку. При этом в Йемене резко возросла активность «Аль-Каиды». Её боевики смогли захватить несколько населенных пунктов, осуществить масштабные теракты, взять в плен заложников из числа граждан европейских стран и освободить из тюрем сотни заключенных, осужденных, в том числе за экстремизм. Столь масштабный рост нестабильности прямо на Аравийском полуострове заставил Вашингтон и Эр-Рияд активно вмешаться в ситуацию и начать поиск удобной политической фигуры, которая могла бы примирить сторонников разных политических сил и организовать сопротивление экстремистским элементам [130].

После того, как 23 ноября 2011 г. Али Абдалла Салех передал власть в руки вице-президента Абд Рабба Мансура Хади 21 февраля 2012 г. на безальтернативных выборах он же был избран президентом Йемена. Уже в тот момент эксперты ожидали, что новый президент не сможет решить все те проблемы, который привели к отставке предыдущего, что со временем подтвердилось и привело к окончательному политическому расколу и началу гражданской войны [131].

В самую многочисленную по характеру последствий политических протестов группу вошли государства, которые испытали различной степени силы гражданские волнения, вызвавшие реакцию в политической сфере, однако не приведшие к значимым последствиям для политических режимов

данных государств. В числе таких стран следует упомянуть Иорданию, Оман, Бахрейн, и Саудовскую Аравию. Невзирая на довольно масштабные в отдельных случаях волнения, в этих странах их удалось оперативно погасить сочетанием различных методов, и власти, которые формально выразили готовность к осуществлению реформ, сумели ограничиться минимальными шагами, которые не оказали серьёзного влияния на структуру политических режимов и их общий характер.

Таким образом, государства Ближнего Востока и Северной Африки, в которых проходили протесты, по характеру политических последствий можно разделить на три основные группы:

1. Государства, в которых результатом социально-политических протестов стал государственный переворот.

2. Государства, в которых результатом социально-политических протестов стало крушение как политического режима, так и системы государственного управления, что привело к возникновению внутреннего вооруженного конфликта.

3. Государства, в которых результатом социально-политических протестов стали незначительные для структуры политических режимов изменения или «косметические» реформы.

Особо отметить следует то, что термин «революция», который широко употреблялся на начальном этапе анализа изучаемых событий и использовался для описания ситуаций в некоторых государствах, прошедших через «Арабскую весну», в настоящий момент представляется преувеличенным допущением, которое опиралось на присутствие некоторых формальных признаков революционной ситуации в испытывавших волны социально-политических протестов государствах. Однако при этом кардинального изменения политической системы ни в одном из рассмотренных случаев не произошло. Основным же содержанием революции, как политического процесса, является создание некоей новой целостности, которая и является главным результатом революционного процесса.

Примечательно, что некоторые арабские политологи, ставшие свидетелями наиболее драматических политических событий в своих родных странах, так же как и широкие слои населения поддались протестной эйфории. Среди их размышлений можно отметить мнения о том, что они стали свидетелями возникновения революций нового типа, которые не обладают формализованным руководством и не действуют по какому-либо заранее определённом плану, не имеют одиозных лидеров. Выражалось мнение, что в процессе массовых выступлений рождается руководство коллективного характера, выдвигаются простые и ясные лозунги: «о политической свободе, смене правящего режима, ликвидации коррупции, слышатся призывы к достижению социальной справедливости» [132].

Высказывались предположения, что наступает новая эпоха, в центре которой оказывается поколение арабской молодежи, которая имеет образование и способна оценить достижения и преимущества западной цивилизации. По мнению авторов, с приходом этой эпохи в арабских странах должны были возникнуть условия для создания обществ нового типа, в которых не было бы деления по классовой и партийной принадлежности и которые основывались бы при этом на традиционных ценностях, а также для появления гражданина нового типа, осознанно относящегося к современным реалиям. Однако дальнейшие события, которые имели место в арабском мире, показали, что подобные надежды были совершенно чрезмерными [133].

Геополитические последствия социально-политических кризисов на Ближнем Востоке. Как уже упоминалось ранее, с геополитической точки зрения Ближний Восток и Северная Африка являются чрезвычайно важным регионом, ситуация в котором прямо или косвенно касается геополитических интересов большого числа государств и непосредственно влияет на глобальные геополитические процессы.

В результате пересечения на ограниченном пространстве таких обширных систем связей и интересов возникает довольно сложная для анализа и исследования картина. Однако, в случае если основным предметом изучения

выступают социально-политические кризисы на определённом, ограниченном отрезке времени, становится возможным выделить и изучить их специфические последствия. Основываясь на геополитическом значении тех государств и надгосударственных организаций, которых они непосредственно касаются, данные последствия представляется возможным классифицировать в три основные группы.

К первой группе относятся глобальные геополитические последствия.

Данный тип затрагивает государства, оказывающие влияние на геополитические процессы в глобальном масштабе, и наиболее значимые глобальные организации. К государствам такого рода можно отнести Соединённые Штаты Америки, Китайскую Народную Республику, Российскую Федерацию, а также отдельных членов Европейского Союза.

Многие политические обозреватели и эксперты высказывают мнение о прямой связи между началом «Арабской весны» и американской политикой на Ближнем Востоке. Наряду с этим звучат предположения о том, что дестабилизация обстановки в странах этого региона может быть одним из элементов реализации проектов «перезаформирования Большого Ближнего Востока» или частью так называемой «стратегии управляемого хаоса». Очевидно, что даже если исключить наиболее резкие версии, обвиняющие США в наличии деструктивных мотивов, фактом остаётся продолжение присутствия США в регионе в рамках поддержания глобальной системы американского влияния. При этом практические аспекты реализации этой доктрины сталкиваются с некоторыми затруднениями в связи с тем, что США пошли по пути сокращения своего официального присутствия в пользу опоры на различные посреднические группы и расширения взаимодействия с союзными государствами регионального уровня. Наиболее ярким примером этой ситуации стал военный конфликт в Сирии, в ходе которого оппозиционные официальному режиму силы поддержал целый ряд государств и в результате образовался целый конгломерат групп влияния, в котором силы, поддерживаемые США, стали лишь одним из участников. Развитие

сирийского конфликта и его последствия самым различным образом затронули интересы множества государств, для которых вмешательство США и их инициативы стали раздражающим фактором и породили противоречия, которые создают риск дальнейшего ослабления влияния США в регионе и возможно даже нарушения всей системы их взаимоотношений с государствами Ближнего Востока и Северной Африки.

В момент начала протестов и на всём их протяжении государства Европейского Союза, основными из которых являются Германия, Франция и Великобритания, открыто выступали в поддержку антиправительственных сил, осуществляя ангажированное информационное освещение событий, происходивших на местах, и оказывая информационное давление на правящие режимы. Наиболее ярким примером такой политики стали события «Арабской весны» в Ливии, развившиеся в вооружённый конфликт. По сообщениям СМИ, вмешательство стран НАТО не ограничилось действиями воздушных сил в рамках установления бесполётной зоны, созданной во исполнение резолюции СБ ООН, и в боевых действиях непосредственно участвовали подразделения французских и британских вооружённых сил, оказывавшие поддержку боевикам антиправительственных отрядов и проводившие операции по снабжению их оружием и боеприпасами.

Результатами этого стали падение централизованного правительства Ливии, гибель Муаммара Каддафи, и образование на территории страны нескольких автономных центров силы. Одним из ключевых последствий политики европейских государств в отношении внутренних конфликтов в арабских государствах стало превращение Северной Африки в зону «чёрного» транзита беженцев как из самого макрорегиона Ближнего Востока и Северной Африки, так и из ряда центральноафриканских и других государств. В результате страны Центральной и Северной Европы превратились в конечную точку устойчивых миграционных потоков.

Такое развитие ситуации оказало значительное влияние на политическую и экономическую обстановку в Европейском Союзе, породив

так называемый «миграционный кризис», последствия которого в настоящий момент до сих пор до конца не разрешены. Этот кризис обнажил некоторые слабые места в структуре Евросоюза и его органов управления, а также создал значительное социальное напряжение во всех странах, которые стали транзитными для волн мигрантов и в которые те стремились прибыть и прибывали в большом количестве. Эта напряжённость стала для европейской политики источником явления, которое можно определить, как рост сопротивления современному европейскому политическому мейнстриму. Зачастую, это сопротивление находило себе опору в идеях национального самосознания, суверенитета и отрицания отдельных неолиберальных постулатов, породив на европейской политической сцене ряд новых сил, которые более традиционные партии и движения поспешили окрестить «националистическими».

На протяжении большей части «Арабской весны» Китайская Народная Республика сохраняла традиционную позицию осторожности и сдержанности в реакциях на любые события. Однако трансформация социально-политического кризиса в Сирийской Арабской Республике (САР) в полноценный вооружённый конфликт и возникновение на территориях Ирака и Сирии такой организации как «Исламское государство», которое привлекало в свои ряды в том числе и уйгурских националистов, которые рассматривались в КНР как одна из самых серьёзных террористических угроз, вынудили КНР перейти к реализации более активной политики, и по отдельным вопросам урегулирования внутрисирийского конфликта и борьбы с ИГИЛ выступить в поддержку Российской Федерации и Ирана. Помимо этого, Китай также сделал ряд предварительных заявлений по участию в восстановлении САР после окончания конфликта.

«Арабская весна» для Российской Федерации стала одним из самых значительных вызовов геополитического характера в XXI веке. Уже после крушения государственности в Ливии, стало очевидно, что вызванные социально-политическими кризисами события представляют собой

непосредственную угрозу геополитическим интересам РФ. Смещение правящих режимов, в отдельных случаях сопровождавшееся крушением государственности в странах, которые на основе исторических связей традиционно поддерживали партнёрские отношения с Россией, поставило под удар ряд военно-технических и экономических проектов, а также угрожало Российской Федерации значительным уменьшением влияния в регионе Ближнего Востока и Северной Африки.

Российская Федерация в связи с этим была вынуждена предпринять ряд шагов, наиболее значимым из которых стало начало операций ВС России в Сирии. Данные операции были призваны оказать содействие законным властям Сирийской Арабской Республики и позволили стабилизировать в стране военную обстановку, наладить доставку материальной и военно-технической помощи, а также создать общие основания для взаимодействия с Ираном и Турцией – важными региональными игроками.

Укрепление сотрудничества с САР, заключение ряда межгосударственных соглашений и создание на их основе военной инфраструктуры обеспечили Российской Федерации перспективы долговременного присутствия в регионе, а также новые возможности по проецированию её политических и экономических интересов. Кроме того, данные события ознаменовали приобретение Российской Федерацией нового качества как игрока, как в региональных, так и глобальных геополитических процессах.

Ко *второй группе* относятся *геополитические последствия регионального уровня*. Являясь важным с геополитической точки зрения как единое целое, регион Ближнего Востока и Северной Африки в действительности представляет собой обширное пространство, на котором располагается большое количество центров влияния, связанных сложной системой политических взаимоотношений.

Изучая региональный уровень событий, представляется необходимым выделить следующих важных геополитических акторов: Турецкую

Республику, Государство Израиль, Арабскую Республику Египет (АРЕ), Исламскую Республику Иран (ИРИ) и Королевство Саудовская Аравия (КСА).

Арабская Республика Египет в Северной Африке является одним из наиболее развитых государств, как в экономическом, так и в военном плане. Однако кризис экономики, который послужил в стране одной из основных предпосылок событий «Арабской весны», преодолен так и не был. Государственный переворот, который на волне популизма привёл к власти силы исламистского характера, а также ставший следующим в цепочке военный переворот, оказали дестабилизирующее влияние на политическую обстановку в стране, а распространение идеологии «Исламского государства» привело к расширению и активизации исламского террористического подполья, одним из основных регионов базирования для которого стал Синайский полуостров. В сложившихся условиях новое правительство Египта под руководством Абдула Фаттаха Ас-Сиси было вынуждено пойти на расширение сотрудничества с Саудовской Аравией, которая оказывает АРЕ финансовую помощь, а также продолжать сотрудничество с Израилем, что в среде арабских государств может в перспективе привести к репутационным потерям.

Государство Израиль в изучаемом регионе является отдельной силой, но при этом оно остаётся самым тесным образом связано с таким важнейшим глобальным игроком как США. Традиционно Израиль ведёт самостоятельную политику, целью которой является продвижение его государственных интересов и обеспечение безопасности в условиях недружелюбного отношения многих арабских государств. На внутренние процессы Израиля «Арабская весна» серьёзного воздействия не оказала, однако ставшие её результатом социально-политические кризисы, а особенно конфликт в Сирии, привели к появлению перед Израилем новых задач и новых вызовов. Традиционное противостояние с Ираном вышло на новый уровень, после того как с Исламской Республики были сняты санкции, и она начала планомерно укреплять своё присутствие в Ираке, Сирии и Ливане. Такие перемены в

региональной ситуации подвигли Израиль на активное вмешательство во внутрисирийский конфликт, а также на выстраивание с такими сложными партнёрами как Саудовская Аравия и Турция более тесных отношений. Обострение конфликта с Ираном в дальнейшем грозит Израилю его интенсификацией, а также постоянно возрастающими политическими издержками.

Турецкая Республика арабским государством не является и не относится к региону Ближнего Востока и Северной Африки в его более частном смысле. Однако она при этом находится непосредственно на его границе, в частности Турция граничит с Сирийской Арабской Республикой, которая стала местом активного развития геополитических процессов, развернувшихся после окончания основных событий «Арабской весны». Поддерживая тесные отношения с США и активное взаимодействие с Европейским союзом, а также являясь членом НАТО, Турция настойчиво стремится к укреплению своего влияния в прилегающих регионах и усилению своей роли как самостоятельного центра силы. Турецкое руководство, пытаясь обеспечить данным устремлениям более прочные основания, переходит от чисто пантюркистской риторики к заигрыванию с исламистскими силами и попыткам позиционировать Турцию как лидера и защитника исламского мира. Во всех этих вопросах турецкая политика прямо сталкивается с интересами Исламской Республики Иран и Королевства Саудовская Аравия. Принимая активное участие в сирийском конфликте, начиная с самых ранних этапов его развития, Турция оказывала значительную поддержку формированию на сопредельных сирийских территориях вооружённых оппозиционных групп, а также обеспечивала каналы контрабандных поставок вооружения на территорию Сирии и нефти с месторождений, захваченных противостоящими режиму Б. Асада силами, через свою территорию. В дальнейшем Турция столкнулась со вспышками курдского сепаратизма уже на своей территории, а также таким явлением как формирование на сирийской территории управляемых курдами политических образований. Такое развитие событий

было воспринято руководством Турции как прямая угроза государственной безопасности и вызвало значительные изменения в политическом курсе, в частности – расширение взаимодействия и углубление уже существующих контактов с Ираном и Российской Федерацией, оказывающими законному правительству САР всестороннюю поддержку.

Королевство Саудовская Аравия в изучаемом регионе традиционно является одним из наиболее важных и активных игроков. Занимая позицию духовного лидера исламского мира, главного хранителя его основных святынь, а также обладая широкими финансовыми возможностями, Саудовская Аравия имеет значительное влияние на многие процессы, которые имеют место в странах региона. Данное влияние Королевство всегда готово активно использовать для продвижения своих интересов. Основной угрозой своему влиянию и наиболее опасным соперником в регионе Саудовская Аравия считает Исламскую Республику Иран, выстраивающую в регионе собственные структуры влияния, а также претендующую на религиозный авторитет и духовное лидерство. Саудовская Аравия в рамках этого противостояния осуществляла активную информационную и финансовую поддержку различных групп, которые представляют её интересы в государствах региона, а также сформировала под своим руководством коалицию для интервенции в Йемен.

Исламская Республика Иран является одним из центров силы в регионе уже довольно длительное время, однако международные санкции, наложенные на ИРИ в связи с осуществлением ею ядерной программы, серьёзно сказывались на её амбициях и реальных возможностях. Одним из крупнейших за последнее время успехов иранской дипломатии стало заключение «ядерной сделки», которая должна была вывести страну из режима международной изоляции и обеспечить условия для нормальной экономической деятельности, осуществления экспорта углеводородного сырья и прихода в страну иностранных инвестиций. Одновременно с осуществлением усилий по восстановлению и укреплению своего

международного статуса, Иран проводит по всему региону активную политику, в рамках которой выстраивает архитектуру своего влияния. Наиболее важной частью данной политики является идея формирования так называемого «шиитского пояса» – цепи опирающихся на проиранские организации дружественных Ирану режимов. К настоящему моменту ИРИ значительно расширила своё влияние в Ливане, Ираке и Сирии, что вплотную приближает её к практической реализации идеи «шиитского пояса». Однако в то же время рост влияния Ирана вызывает острую реакцию со стороны таких его традиционных соперников как Саудовская Аравия и Израиль. В отношении Ирана оба эти государства занимают жёсткую позицию и открыто заявляют о своих намерениях не допустить роста его влияния в регионе.

Проблема подлинности феномена суннитско-шиитского противостояния на Ближнем Востоке в настоящий момент не имеет однозначного ответа. При этом, однако, можно уверенно утверждать, что она существует в формальных геополитических дискурсах Ирана и государств Персидского залива. Так, например, руководство Саудовской Аравии неоднократно обвиняло Тегеран в гегемонистских устремлениях в регионе. Духовный лидер Ирана аятолла А. Хаменеи в свою очередь заявляет о попытках Эр-Рияда поставить под свой контроль весь регион Ближнего Востока. По мнению Е. Примакова, данные противоречия усилились после операции США «Иракская свобода», которая разрушила созданный самим Вашингтоном противовес региональным амбициям Ирана и привела к созданию «шиитской оси» [134].

Таким образом, в результате серии социально-политических кризисов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки геополитическая обстановка серьёзно изменилась. В настоящий момент крупные глобальные игроки не имеют в распоряжении достаточно ресурсов, чтобы в одиночку оказывать определяющее влияние на геополитическую обстановку в регионе в соответствии только лишь со своими взглядами. В такой ситуации влияние

игроков регионального уровня и значимость их частных геополитических целей значительно возрастают. Параллельно между всеми игроками выстраивается новая архитектура взаимоотношений, характеристики и окончательная форма которой ещё не определены.

Такие государства как Катар и Саудовская Аравия направляют усилия на свержение некоторых режимов на Ближнем Востоке и установлению в этих странах своего политического и религиозного влияния. Эту деятельность они ведут путём поддержки и финансирования различных террористических организаций исламистского толка в регионе, которые они используют в своих интересах. В то же время и Иран, который позиционирует себя как главный покровитель шиитов в арабском мире и рассматривает экспорт революционной идеологии как один из факторов расширения зоны своих интересов в странах, где проживают шииты (Ирак, Сирия, Ливан, Йемен, Кувейт, Саудовская Аравия, Бахрейн), оказывает шиитским группам в соответствующих странах значительную поддержку.

Играя на традиционных разногласиях между шиитами и суннитами, и при этом, явно преувеличивая возможности Ирана по ведению подрывной деятельности с использованием «шиитской пятой колонны», консервативные арабские режимы активно задействовали СМИ для воздействия на международную общественность и формирования внешнего впечатления, что Тегеран намерен, создавая вместе с Ираком, Сирией и Ливаном «шиитский пояс», вести агрессивную и экстремистскую политику в регионе. Заместитель министра иностранных дел РФ М. Богданов прокомментировал эту ситуацию так: «Не отрицая существование определенных отличий между двумя основными толками ислама, искусственное противопоставление их друг другу – опасная затея, способная лишь подлить масла в огонь реальных кризисных ситуаций, которые могут возникнуть в странах региона в силу других объективных и привносимых извне факторов. Результатом может стать серьезная дестабилизация ситуации на Ближнем и Среднем Востоке».

В случае дальнейшего усиления позиций Ирана на Ближнем Востоке под угрозу могут быть поставлены интересы, как суннитских монархий Персидского Залива, так и Израиля. Именно поэтому правящий сирийский режим, который остаётся одним из главных союзников Тегерана, вызывает у них чувство острого неприятия. Правящие монархии Персидского залива последовательно придерживаются линии, результатом которой должна стать ликвидация центра иранского влияния в регионе. Достижению этой цели с их стороны служат разнообразные средства – от финансовой и материальной поддержки террористически и оппозиционных групп, до ведения информационной войны (например, путём дискредитации иранской ядерной программы). Свидетельствами реализации этой стратегии являются поддержка Катаром и Саудовской Аравией исламских боевиков в Сирии, а также ввод во время протестов на территорию Бахрейна, где проживает 65 % шиитов, саудовского контингента (около 1000 чел. при поддержке танков) для подавления демонстраций.

Обстановка, сложившаяся сегодня в Сирии и в арабском мире в целом, и осложняемая этноконфессиональным противостоянием, может в итоге вызвать полномасштабную региональную войну. Турция, придерживающаяся пантюркистских позиций и являющаяся суннитским государством, позиционирует себя как союзника сирийских суннитов против растущего шиитского влияния. Суннитские монархии Персидского Залива также декларируют борьбу против экспансии шиитов в регионе. В свою очередь шиитские группы в регионе обращаются за поддержкой к Ирану, пытаясь заручиться его помощью в политической и вооруженной борьбе. Главными фронтами в ходе этой борьбы становятся Ирак, Йемен, Сирия, Ливан, Афганистан, Бахрейн и восточные провинции Саудовской Аравии. В частности, правящие круги Сирийской Арабской Республики, которым Иран в настоящее время оказывает активную поддержку, являются шиитами-алавитами. Также следует отметить, что участие во внутригосударственных конфликтах различных вооружённых групп и организаций, не связанных

напрямую с каким-либо правительством, превращает борьбу суннитов и шиитов из геополитического соперничества в полноценную религиозную войну.

Противостояние шиитов и суннитов, носящее исторический характер, отразилось и на событиях гражданской войны в Йемене. В результате масштабных протестов и внешнего давления глава государства Али Абдалла Салех ушел в отставку, а к власти пришел представлявший собой компромиссную фигуру президент М. Хади. Несмотря на прямую поддержку Саудовской Аравии, он оказался не в состоянии политически объединить страну и эффективно противостоять как шиитам-хуситам, так и радикальным суннитам из «Аль-Каиды на Аравийском Полуострове» (АКАП), которые достаточно активно действуют в Йемене. Повстанцы-хуситы в этой ситуации предпочли не подчиняться правительству М. Хади, которого назвали саудовской марионеткой, и перешли к активным боевым действиям.

Объединившись с войсками, оставшимися верными президенту А. Салеху, они начали стремительное наступление. Иран, который всегда заявлял о своём сочувствии братьям по вере, оказал восстанию активную поддержку. Саудовская Аравия в свою очередь не могла согласиться с тем, чтобы Иран и его союзники-шииты закрепились в Йемене. Результатом стало начало масштабной иностранной интервенции в поддержку президента М. Хади. Первым шагом в этом противостоянии стало начало в марте 2015 г. масштабной воздушной кампании, в ходе которой Саудовская Аравия и её союзники подвергли Йемен массированным бомбардировкам.

Важную роль противоречия религиозного характера играют и в Ираке. Исторически в стране с преобладанием шиитского населения ключевые руководящие посты занимали сунниты, однако ситуация изменилась после свержения С. Хусейна.

Возглавив правительство, шииты решительно отказались идти на уступки суннитскому меньшинству. Лишенные политического влияния сунниты, в том числе и бывшие военнослужащие саддамовской армии, начали

активно присоединяться к рядам суннитских радикальных организаций, в частности «Исламского государства», которое стало одной из крупнейших террористических организаций на Ближнем Востоке и во всём мире, представляя угрозу глобальному порядку и безопасности.

Профессор А.Г. Лихоносов отмечает, что обострение отношений Ирана с Израилем, Турцией и Саудовской Аравией значительно увеличило вероятность крупномасштабной войны на Ближнем Востоке. С одной стороны, это обострение обусловлено усилением соперничества за лидерство в регионе, а с другой - той поддержкой, которую Турция и Саудовская Аравия продолжают оказывать вооруженной оппозиции в Сирии. Кроме того, определённую роль играло желание Турции разместить элементы американской системы ПРО на своей территории. Роль Ирана в регионе при президенте Б. Асаде заметно возросла, в связи с чем, по мнению некоторых монархов в странах Персидского залива, а также руководителей ряда других арабских стран, в которых властные круги и элиты придерживаются суннитской ветви ислама, угроза образования «шиитской дуги» или «шиитского полумесяца» становится куда более реальной. Иран в свою очередь неоднократно делал заявления о том, что в случае, если Сирия, являющаяся его стратегическим союзником, подвергнется нападению, ответные меры со стороны Исламской республики будут иметь самый жёсткий характер. Другим фактором напряжённости в регионе служат планы Израиля по противодействию иранской ядерной программе, в том числе путём нанесения ударов по ядерным объектам Ирана, в феврале 2010 г. объявившего себя ядерной державой и неоднократно выступавшего с лозунгами об уничтожении еврейского государства. Выступая на Генеральной Ассамблее ООН осенью 2012 г., премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху заявил, что, если в сдерживании иранских ядерных амбиций не будет достигнут какой-либо прогресс, Израиль оставляет за собой право на любые самостоятельные действия.

Также существует опасность возникновения новых обострений арабо-израильского конфликта. В Египте организация «Братья-мусульмане» в ходе агитационных кампаний озвучивала требования аннулировать Кемп-Дэвидский договор, а лидер движения «ХАМАС» Х. Машаль в декабре 2011 г. заявил о «необходимости проведения «Арабской весны» в Израиле».

Ситуация в Ливии также стала для региона источником нестабильности. Официально признанные ливийские власти не предпринимали никаких реальных усилий по изъятию оружия, попавшего в руки населения, и даже напротив, продолжало опираться на незаконные вооружённые отряды. По поводу этой ситуации в тревожном ключе высказывались даже чиновники ООН. К настоящему моменту перспективы окончания конфликта выглядят туманно, а поскольку государственные границы Ливии практически не охраняются, в регионе, и так характеризующемся напряженностью ситуации, возникают дополнительные угрозы.

В Египте и Алжире пограничные силы отмечали тревожную тенденцию к резкому росту потоков контрабанды наркотиков и оружия, которые идут через ливийскую границу.

В районе тунисского города Сфакс в начале февраля 2012 года имело место столкновение сил безопасности Туниса с вооруженными лицами, которые вошли на территорию страны со стороны Ливии.

После свержения режима Каддафи серьёзно обострилась ситуация, связанная с активностью такой племенной группы как туареги. Туареги неоднократно выступали с требованиями политического характера, в число которых входило создание туарегского государства на территориях, которые включают в себя юг Алжира и Ливии, а также территории на севере Мали и Нигера. М. Каддафи в период своего нахождения у власти способствовал урегулированию ряда серьёзных конфликтов, которые возникали между туарегами и правительствами Нигера и Мали. С 1990 года неоднократно возникала угроза развития таких конфликтов в полноценное вооружённое противостояние. Среди лидеров Национального движения туарегов

присутствовали лица, получившие в Ливии военное образование, а значительная часть туарегского населения проходила службу в ливийских вооружённых силах. После поражения режима Каддафи и его смерти они вернулись на территории Нигера и Мали и на общей волне дестабилизации в Северной Африке начали новый этап освободительной борьбы. Одним из результатов такого развития событий стал военный переворот в Мали, произошедший в марте 2012 года. Военная хунта осуществила переворот, мотивируя этот поступок неспособностью властей подавить восстания туарегов, начавшиеся на севере страны. В дальнейшем противостояние между туарегами и правительством Мали вылилось в провозглашение в северо-восточных районах страны государства Азавад и начало вооружённого конфликта. После начала боевых действий лидирующие позиции в регионе начали захватывать группы исламистского толка, для противостояния которым французскими вооружёнными силами была проведена операция «Сервал». Спецпредставитель президента РФ по сотрудничеству со странами Африки М. Маргелов обозначил позицию России по отношению к конфликту в Мали следующим образом: «Беспредел, творимый исламистами на севере страны (Мали), превращает регион в рассадник терроризма и организованной преступности, ставит под угрозу государственность Мали и стабильность в соседних государствах. Такое расползание опекаемого «Аль-Каидой» преступного очага усугубляет отрицательные последствия ливийских событий, которые привели к активизации исламизма по дуге от Сахеля до Африканского Рога» [135]. Несмотря на то, что основные силы исламистов были разбиты, в регионе сохраняется тяжёлая гуманитарная обстановка и до сих пор существует террористическая угроза.

В Египте события, произошедшие во время и после «Арабской весны», стали причиной дестабилизации обстановки на Синайском полуострове. На сегодняшний момент полуостров стал местом активных действий боевиков группировки «Вилаят Синай», которая является подразделением террористической организации «Исламское государство», а также бедуинских

вооруженных отрядов, которые отказываются признавать центральную власть, и занимающихся торговлей оружием контрабандистов.

Эксперты склонны считать, что одной из причин деградации обстановки на полуострове является дискриминационная политика, которую в период правления Х. Мубарака Каир проводил по отношению к бедуинскому населению Синая. В тот период они были лишены возможности трудоустройства в обрабатывающих отраслях и в сфере туризма. Этой ситуацией воспользовались исламистские группировки, которые сумели привлечь бедуинов на свою сторону. После свержения президента в 2011 году обстановка только усугубилась и с этого момента власти практически утратили контроль над полуостровом. Члены террористических групп создали там склады с оружием и оборудовали свои перевалочные базы.

За счёт тесных экономических и родственных связей с бедуинами, радикалы получили возможность наладить хорошее снабжение своих ячеек и получение от местных необходимой информации. Кроме того, Синайский полуостров уже продолжительное время является крайне важной перевалочной точкой для боевиков, стремящихся попасть в сектор Газа. В приграничных районах существует как минимум двести тоннелей, которые служат для контрабанды оружия как для террористов на Синае, так и для вооружённых групп в секторе Газа. Заметный рост потоков оружия и контрабанды на полуостров стал наблюдаться после свержения режима М. Каддафи в Ливии. В силу всех этих обстоятельств для АРЕ полуостров превратился в серьёзный источник нестабильности. Руководство страны перебросило на Синай значительное количество военнослужащих и задействовало военную технику. В приграничных районах для противодействия незаконному пересечению границы и контрабанде была создана буферная зона, достигающая в ширину до километра. Однако принятые меры показали свою недостаточность, а число погибших на Синае сотрудников силовых ведомств Египта за время конфликта превысило

700 человек. Руководство Египта признаёт сложность сложившейся на полуострове обстановки.

Исходя из сложившейся обстановки и учитывая лояльность бедуинов исламистам, представляется, что Синайский полуостров в ближайшей перспективе продолжит оставаться для региона серьезным очагом нестабильности.

Особую значимость на фоне продолжающихся боевых действий в Сирии и сохранения террористической угрозы в Ираке приобрел курдский вопрос, который уже долгое время сохраняет дестабилизирующий потенциал.

Турция неоднократно озвучивала опасения, что в результате гражданской войны в Сирии курдские районы этой страны могут по примеру курдов в Ираке добиться расширения своей автономии. В этом случае, по мнению турецких властей, боевики Рабочей партии Курдистана могли бы использовать территорию Сирии как плацдарм для действий против турецкого центрального правительства. Президент Турции Р. Эрдоган не раз заявлял о недопустимости создания в Сирии курдских автономий. Подобные опасения имели довольно серьезные основания, поскольку после серии убийств своих лидеров курды Сирии призвали к всеобщей мобилизации, организовали отряды самообороны и стали вести бои против группировок «Исламское государство Ирака и Леванта» и «Джебхат ан-Нусра». В дальнейшем курдские партии и организации в Сирии создали ряд органов самоуправления, а также при поддержке США сформировали вооружённые отряды, которые вели боевые действия против исламистов в Северной Сирии. Со стороны Турции это вызвало чрезвычайно резкую реакцию, и вооружённые силы Турции провели в населённых курдами районах ряд военных операций, которые фактически имели характер вторжения на сирийскую территорию, но предотвратили формирование единой курдской автономии и впоследствии принудили курдские силы пойти на переговоры с законным правительством Сирии.

Участие Турции в подготовке и переброске террористов на территорию Сирийской Арабской Республики и общая поддержка вооружённой оппозиции с её стороны вынудили Б. Асада кардинально изменить свое отношение к курдскому вопросу и отказаться от политики взаимного нейтралитета по курдской проблематике, которой Сирия и Турция придерживались ранее.

Руководство Сирии реализовало обширные меры по предоставлению сирийским курдам в местах их компактного проживания на севере страны различных прав самоуправления и их интеграции в сирийскую социально-политическую жизнь, однако вопрос автономии при этом полностью исключается [136].

Курдский регион на севере Ирака к моменту начала боевых действий в Сирии фактически уже приобрел многие черты независимого государства. Сирийский конфликт значительно способствовал росту национального самосознания и стремлению к самоопределению как сирийских, так и турецких курдов. США и ряд других государств активно способствовали созданию Курдистана, а международная коалиция во главе с Соединенными Штатами в рамках борьбы с «Исламским государством» активно взаимодействовала с курдскими вооруженными отрядами в северных и северо-восточных провинциях, создавая тем самым предпосылки отделения региона. Однако в Ираке центральному правительству удалось вернуть себе контроль над важнейшими нефтеносными районами в Иракском Курдистане, которые являлись одной из экономических основ курдской автономии, а в Сирии США изменили свою политику и отказались от прямой поддержки курдов перед лицом требований Турции.

Вооруженное противостояние в Сирии в конечном итоге стало не только одним из измерений межконфессионального конфликта между суннитами и шиитами, но и ареной борьбы между ведущими региональными государствами Ближнего Востока за лидирующую роль.

Обеспокоенность вызывает и положение христиан на Ближнем Востоке. В арабских странах их численность до 2011 года составляла

15 млн чел., из которых в Египте, Сирии и Ливане проживало около трёх четвертей. Рост исламизации региона и выход на сцену большого числа исламистских вооружённых групп привели к актам агрессии против христиан и началу их вынужденной миграции. Показательным стало положение коптов в Египте, где салафиты устраивали погромы и совершали нападения на церкви. В результате страну покинуло 100 тыс. христиан.

Как заявил аргентинский кардинал Л. Сандри, «непрекращающиеся вооруженные конфликты и неспадающая напряженность на Ближнем Востоке привели к феномену резкого снижения христианского присутствия в регионе, который был колыбелью христианства». Притеснение и преследование христиан стали прямым последствием новейших социально-политических кризисов в регионе. Кроме того, новой реальностью стало похищение священников: в апреле 2013 года было похищено два православных епископа в Сирии, были похищены два священника Армянской и Сиро-католической церквей, бесследно исчез в Сирии священник-иезуит Паоло Далл'Ольо. На Архиерейском соборе в феврале 2013 года Патриарх Московский и всея Руси Кирилл заявил, что сегодня на Ближнем Востоке имеет место реальная угроза полного исчезновения христианского присутствия.

Экономические последствия «Арабской весны»

Как было ранее указано в первой главе данной работы, регион Ближнего Востока и Северной Африки в экономическом плане весьма неоднороден. Страны, расположенные в регионе, различаются по наличию природных ресурсов, промышленному развитию, торговым связям и уровню доходов. Однако непосредственно перед началом «Арабской весны» на общем фоне экономического состояния, выделились объединяющие и связывающие государства региона специфические черты. Коррупционное давление на экономики, замедление экономического роста, изменение структуры населения стали факторами, повлиявшими на формирование предпосылок социально-политических кризисов.

Кризисные события в регионе, по мнению экспертов, нанесли странам Северной Африки материальный ущерб в размере до 2% ВВП, а общие потери арабских стран в стоимостном выражении, по данным президента федерации арабского бизнеса Х. Габала, составили около 100 млрд долларов. Число безработных за несколько лет после событий «Арабской весны» выросло до более чем 17 млн человек.

Политическая нестабильность прямым образом сказалась на экономиках стран, где произошли социально-политические кризисы и ставшие их результатом государственные перевороты. Последствиями «Арабской весны» стали снижение объемов экспорта, снижение объема инвестиций, сокращение туризма и закрытие предприятий. Экономические последствия социально-политических кризисов в арабском мире по итогам 2011 г. заключались в падении ВВП, росте социальных расходов, в снижении доходов от туризма и налоговых поступлений. Закономерным образом в государствах повысились бюджетные дефициты – в среднем с 5,9% ВВП в 2010 г. до 7,7% ВВП в 2011 г. Инфляционное давление, ставшее результатом роста мировых цен на сырьё и продукты питания, в среднем усилилось на 8%. Продолжился отток капиталов. При этом существенное негативное влияние на экономическую ситуацию в Египте, Тунисе и Марокко может оказать замедление темпов роста европейской экономики, поскольку для этих стран ЕС является основным источником прямых иностранных инвестиций (80%), главным торговым партнёром (более 60% экспорта) и источником поступлений от туризма (80–90%). Именно из стран ЕС поступает более 60% переводов трудовых мигрантов в Марокко и Тунис. У национальных правительств в таких условиях не будет возможности увеличить социальные расходы в своих странах для стабилизации социально-политической обстановки.

В одном только Тунисе за 10 месяцев 2011 года безработица увеличилась на 5%, число посетивших страну туристов снизилось на 33%, а доходы – на 36%. Дефицит бюджета резко увеличился с 2,6 % ВВП в 2010 г. до 6% в 2011 г. Туристическая отрасль, доходы от

которой составляли до 50% бюджета, прошла через чрезвычайно сложный период и окончательно не восстановилась до сих пор. Нерешёнными остаются проблемы занятости молодых людей, которые послужили одной из причин роста недовольства населения и начала социально-политического кризиса в стране. На фоне падения экономики перспективы решения данных проблем остаются неясными, поскольку Тунис не обладает достаточными для этого собственными ресурсами, а привлечение иностранных инвестиций может оказаться достаточно проблемным.

Иностранные инвестиции в Египте сократились с 6,4 млрд долларов в 2010 г. до 500 млн долларов в 2011 г. При этом внутренний и внешний долг Египта по данным Центробанка достиг беспрецедентных размеров и впервые в истории страны превысил 240 млрд долларов.

Золотовалютные резервы Сирии, составлявшие около 18 млрд долларов США на начало 2011 года, сократились до 1,5 млрд долларов. национальная валюта – сирийский фунт – девальвировала более чем в 5 раз. Курс местной валюты по отношению к доллару только в течение 2015 года снизился на 64% (в апреле 2014 г. – 170, в апреле 2015 г. – 280 фунтов за один доллар). Среднегодовой уровень инфляции превысил 80%.

Объемы сельского хозяйства сократились на 50%, промышленного производства – на 70%. Сильнее прочих отраслей пострадала дававшая до 60% доходов в бюджет нефтегазовая промышленность. За время кризиса уровень добычи нефти сократился на 95%, газа – около 60%. Большинство нефтяных и газовых месторождений, а также сопутствующие объекты инфраструктуры оказались под контролем противостоящих правительству сил.

Ни в одном из государств после окончания острой фазы социально-политических кризисов основные экономические проблемы не получили всеобъемлющего и окончательного решения. При этом в регионе остаются как минимум три точки, в которых продолжаются активные боевые действия: Сирия, Ливия, и Йемен. В этих странах оказались фактически разрушены экономики, их природные ресурсы, в первую очередь нефть, были

использованы для формирования обширного чёрного рынка, а в соседние страны хлынули потоки беженцев, которые создают сильное давление на экономики стран, вынужденных их принимать. В свете подъёма исламизма серьёзно обострилась террористическая опасность в Арабской республике Египет. Для экономики страны, получающей значительную долю доходов от туристического бизнеса, это стало весьма тяжёлым ударом.

Восстановление экономик пострадавших государств даже в случае полного прекращения боевых действий потребует значительных инвестиций и займёт длительное время. Также важно указать, что осложнения в процессе восстановления могут создать экономические санкции, наложенные по политическим причинам.

Социальные последствия ближневосточных кризисов определяются специфическим восточным восприятием «справедливости», а также настойчивой потребностью и готовностью выйти на улицы и если необходимо, то добиваться её насильственными средствами.

Именно «справедливость» стала эпистемой¹⁾, которая стала на современном Арабском Востоке ядром деятельной самоорганизации. Этот термин обеспечил объединение направлений и сил, совершенно различных по характеру и подчас друг другу противостоящих.

Власть, которая являлась элементом религиозной традиции и, в связи с многовековым существованием политической традиции на Арабском Востоке, имевшая полусакральный характер, стала в новейшее время не только предметом активной публичной дискуссии самого разнообразного характера, но и превратилась в предмет торговли.

И оппозиция в лице людей «арабской улицы», и властные структуры в качестве одного из главных аргументов в политической дискуссии употребляют «справедливость» во всём разнообразии подразумеваемых значений. В международном сообществе в отношении социально-

¹⁾Эпистема - структура существенно обуславливающая возможность определенных взглядов, концепций, научных теорий и собственно наук в определенный исторический период.

политической ситуации на Ближнем Востоке также употребляются требования «справедливости», однако зачастую в этих требованиях стираются различия между юридической, политической и социальной справедливостью.

С. Кутб, один из лидеров организации «Братья-мусульмане» осужденный и казнённый в 1966 году, являвшийся писателем и видным идеологом ислама, отмечал: «Невозможно говорить о природе исламского понимания социальной справедливости, не изучив сперва основополагающих представлений этой культуры о том, что есть мир, что есть жизнь и что есть человек. Ибо социальная справедливость – не более чем ветвь той великой науки, на которую должны ориентироваться все исламские исследования. Ислам выработал единую всеобъемлющую теорию о мире, жизнеустройстве и человеке, включающую в себя все вопросы» [137].

Справедливости (по-арабски – «адль») с самых ранних этапов существования ислама не просто уделялось особое внимание, она приняла характер отдельного принципа ислама как вероучения, и стала показательным признаком божественного действия и воли. Мотив справедливости основывается на постулате, говорящем, что Аллах не вершит несправедливости ни к кому и никогда. Справедливость стала формальной парадигмой, на которой с самых первых веков распространения ислама основывалось и продолжает основываться арабо-мусульманское общество.

В современном арабском обществе существует весьма специфическая особенность: практически никто хоть среди элит, хоть в низших слоях общества не ощущает себя ответственными в полной мере за сложившуюся ситуацию и то, как она может развиваться дальше, а главное – не проявляет способности нести на протяжении сколько-нибудь долгого времени такую ответственность. Происходящая на текущем этапе смена элит или их внешних представителей приводит к тому, что общественный «договор» в арабском социуме, раньше существовавший в отрыве от конкретных обстоятельств, начал приобретать новые черты, которые характеризуются «требованием момента», специфичной «прагматичностью».

Эти процессы проходят на фоне вооруженной эскалации многих из существовавших в регионе Ближнего Востока и Северной Африки конфликтов и возникновения новых.

Духовные последствия «Арабской весны» связаны с проблемами ущерба наследию предшествующих культур и цивилизаций Древнего Востока, возникающими параллельно с нарастанием процесса исламизации.

В Египте после падения режима Х. Мубарака в Каирский национальный музей ворвались погромщики. После этого разорению подверглась возведенная в Каире более 200 лет назад библиотека (Научный центр), где на хранении находилось около 200 тыс. рукописей. Со дня её основания в августе 1798 года, во время короткого исторического периода, когда французская армия под командованием Наполеона Бонапарта установила контроль над Египтом, в библиотеке находилось множество бесценных карт и исторических манускриптов. Кроме того, там были собраны и многие другие ценные исторические документы.

Более того, со стороны радикальных исламистов звучали заявления, что необходимо полностью уничтожить все следы «языческих времён», включая и знаменитые египетские пирамиды. Одновременно с разграблением наиболее ценных экспонатов имели место и демонстративные акции по уничтожению отдельных объектов культурного наследия.

Вооружённый конфликт в Ливии также привел к тому, что древнейшему наследию человечества был нанесён серьёзный урон. Из Национального банка Ливии были украдены датируемые эпохой эллинизма «Сокровища Бенгази». Эта кража культурных и исторических ценностей стала одной из самых беспрецедентных по масштабу. Были похищены 7,7 тыс. золотых, серебряных и бронзовых монет, чеканка многих из которых датируется временами Александра Македонского. Помимо этого, пропали многие предметы из бронзы, слоновой кости и стекла, исчезли древние статуэтки, медальоны, ожерелья, кольца, браслеты и серьги и некоторое количество относящихся к античной эпохе драгоценных камней.

В археологическую коллекцию «Сокровища Бенгази» входило около 10 тыс. выполненных мастерами античного времени предметов искусства. Значительная часть сокровищ была обнаружена во время археологических раскопок храма Артемиды в Кирене (древнегреческой колонии на побережье Северной Африки) в 1917-1922 годах. Коллекция с точки зрения искусствоведов и историков была бесценна. Для культуры Ливии и всех стран Средиземноморья её разграбление стало огромной потерей.

Среди других стран в особенности сильно пострадали Ирак и Сирия. В результате деятельности на их территориях структур «Исламского государства», пострадали не только древнейшие, но и даже некоторые объекты уже исламского периода.

3.2 Социально-политические кризисы в арабских государствах в контексте национальной безопасности Российской Федерации

СССР с 1940-х годов стал одним из влиятельных игроков в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Геополитическая важность, желание государств рассматриваемого региона найти в лице Советского Союза противовес неоколониальной политике Запада, а также известные идеологические аспекты обеспечили вовлеченность СССР в ближневосточную политику. В 1990-х годах в силу других национальных приоритетов, геополитической и экономической слабости Россия фактически ушла из данного региона как активный игрок. Однако череда социально-политических кризисов – «Арабская весна», произошедшая в странах региона, в определенной мере стала катализатором возвращения России на Ближний Восток. Данное возвращение России было обусловлено вызовами, исходящими с Ближнего Востока и из Северной Африки и затрагивающими её национальные интересы и безопасность.

Напомним, что согласно Стратегии национальной безопасности национальная безопасность Российской Федерации - состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при

котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации [138]. Другими словами, национальная безопасность, является комплексным явлением, которое носит сложный характер и испытывает влияние многочисленных факторов. Кроме того, глобальная сопряженность экономических, политических и других процессов привела к тому, что социально-политические кризисы в регионе Ближнего Востока и Северной Африки так или иначе затрагивают безопасность Российской Федерации. В качестве примера будет уместно привести появление угроз, связанных с распространением терроризма, нестабильности нефтяных и продовольственных рынков, блокирования торговых путей, роста вооруженного насилия, неконтролируемости миграционных потоков и другое.

Среди внешних угроз для Российской Федерации одними из актуальных представляются конфликты в Сирийской Арабской Республике, в Ливии и Йемене. Возможные перспективы трансформации этих стран в очаги исламского фундаментализма и терроризма, вектор развития которых был бы направлен в Среднюю Азию и пограничные с РФ государства, можно считать одним из самых негативных и дестабилизирующих сценариев развития с точки зрения национальной безопасности. При этом, данные конфликты характеризуются не только активной вооружённой борьбой, но и в случае Ливии и Йемена, привели к фактическому распаду государственности. Ситуация на территории Сирийской Арабской Республики к настоящему моменту достигла относительной стабильности. Однако до их пор официальное правительство в Дамаске так и не восстановило полный контроль над всей территорией страны. Дестабилизация и распад указанных государств привели к формированию в регионе особой ситуации: в каждом из случаев наблюдается обширное вмешательство иностранных акторов, которые преследуют собственные интересы и при этом способствуют насыщению

региона вооружениями, а также общей милитаризации и институционализации конфликтов [139].

Несмотря на то, что основные структуры организации «Исламское государство», считавшейся одним из основных источников террористической и экстремистской угрозы в рассматриваемом регионе, фактически были уничтожены, она продолжает действовать из подполья, вести боевые и пропагандистские акции. При этом фокус деятельности всё ещё действующих групп, причисляющих себя к «Исламскому государству», начал смещаться с территорий Ближнего Востока и Северной Африки в другие регионы, являющиеся местами проживания мусульман и в силу различных причин уязвимые к пропаганде экстремизма.

Так, на африканском направлении, новые масштабы принимает деятельность джихадистского подполья в государствах, не считающихся частью арабского мира. Одним из ярких примеров такой деятельности является экстремистская группировка «Боко Харам», действующая в Нигерии и насчитывающая более 8 тыс. боевиков. Наблюдается активное проникновение исламистской агентуры в государства Средней Азии. Боевики, связанные с ИГИЛ, не только осуществляют вербовку и сбор средств, но и создают сеть лагерей подготовки, в частности на территории Афганистана. Отмечается рост влияния ИГИЛ на территории ряда государств Юго-Восточной Азии - Брунея, Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин, где появились группы, открыто заявившие о своей лояльности руководству ИГИЛ. Среди наиболее боеспособных из них называют организации «Джамаа Исламия», Муджахеддины Восточной Индонезии, «Группа Абу-Сайяфа» и Исламские бойцы за освобождение Бангсаморо.

Кроме того, на территории Сирии и Ирака продолжают действовать другие экстремистские группировки джихадистского толка, которые стремятся привлекать в свои ряды иностранных граждан. Среди крупнейших из них называют:

1) Фронт ан-Нусра или Джабхат-ан-Нусра ли-ахлиш-Шам (араб. جبهة النصرة لأهل الشام) – террористическая исламистская организация, созданная во время гражданской войны в Сирии. Многие СМИ называют ее сирийским подразделением Аль-Каиды. На её стороне в боевых действиях участвуют сирийцы, а также граждане Ирака, Ливана, Пакистана, Саудовской Аравии, Туркмении, Великобритании, Франции и других государств, которых объединяет идеология салафизма, призывающая к построению исламского государства как на территории Сирии, так и всего исламского мира в целом. В настоящий момент стала частью коалиции группировок Хайат Тахрир аш-Шам (Тахрир аш-Шам, ХТШ) (араб. هيئة تحرير الشام), в которой играет ключевую роль;

2) Брига́да «Ахрар аш-Шам» или «Харакят Ахрар аш-Шам аль-Ислами» (араб. حركة أحرار الشام الإسلامية – «Исламское движение свободных людей Шама») союз исламских салафитских бригад, объединённых для войны против проправительственных сил. На декабрь 2016 года Ахрар аш-Шам включала более 80 отрядов общей численностью около 16 тыс. человек;

3) «Джейш аль-Мухаджирин-валь-Ансар» (араб. جيش المهاجرين والأنصار) («Армия сподвижников Пророка») первоначальное название «Катаиб аль-Мухаджирин» (араб. كتائب المهاجرين) – группировка исламистских боевиков-наёмников в Сирии. Изначально состояла преимущественно из граждан стран бывшего СССР, а также турок.

В этой связи важно отметить, что как на территории Российской Федерации, так и на территориях стран ближнего зарубежья, продолжают действовать организованные группы приверженцев радикального исламизма и джихадизма, которые осуществляют сбор средств в пользу террористических и экстремистских организаций, а также вербовку граждан для выезда за рубеж с целью участия в вооруженных конфликтах. Помимо этого, одной из знаковых тактик подпольной деятельности стала организация «спящих ячеек», способных совершать внезапные и непредсказуемые атаки, а

также распространение концепции «автономного джихада» или «терроризма одиночек» [140].

Подобная деятельность создаёт постоянную угрозу террористической активности на территории Российской Федерации, которая дополнительно осложняется активными миграционными процессами в государствах Средней Азии. В дальнейшем ожидается, что в случае стабилизации обстановки в странах, затронутых вооружёнными конфликтами, участники действующих на их территориях вооружённых групп, прибывшие из-за рубежа, попытаются вернуться в страны, из которых они прибыли или покинуть регион под видом беженцев [141]. По данным Международного исследовательского центра по радикальным организациям при Королевском колледже Лондона, в Сирию и Ирак для вступления в ряды «Исламского государства» из Франции, Германии и Великобритании выехало около 6 тысяч человек. Порядка 1 765 человек из их числа предположительно уже вернулось в Западную Европу. Источники в Европарламенте исходят из того, что в Германию и Бельгию уже вернулось около трети уехавших джихадистов, во Францию – 12%. Обычно речь идет о выходцах из стран Ближнего Востока и Северной Африки, которые родились либо долго жили в странах Европы и имеют европейские паспорта. В случае если такие процессы получают развитие на территории государств СНГ, террористическая обстановка может осложниться как на территории этих государств, так и непосредственно в Российской Федерации.

Ещё одной сферой, в которой в настоящий момент наблюдается возникновение новых угроз национальной безопасности, стала внешняя политика. Одним из ключевых комплексов угроз в данной сфере можно назвать масштабную кампанию противодействия со стороны США и их союзников, которая реализуется в целях сохранения их политического и экономического доминирования. Осуществляемая ими политика сдерживания России предусматривает оказание на нее политического, экономического, военного и информационного давления, а отдельные её элементы

разворачиваются на фоне и в связи с событиями на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Активное участие Российской Федерации в процессах на территории данного региона, а также формирование многосторонних связей с ключевыми региональными игроками, декларируется как деятельность, прямо угрожающая интересам США и их союзников. Не прекращаются попытки дискредитировать политическое руководство Российской Федерации, в её адрес выдвигаются обвинения в поддержке авторитаризма. Особенно острые акты информационной борьбы наблюдаются в связи с участием российских вооружённых сил в конфликте на территории Сирийской Арабской Республики [142].

Сохраняющаяся нестабильность в странах Ближнего Востока и Северной Африки, а также активизирующиеся в результате этих процессов миграционные потоки, демонстрируют слабую способность реагировать на новые вызовы системы безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Построенная на основе НАТО и Европейского союза система безопасности продолжают сохранять узкий блоковый подход к решению проблем, исходящего из Ближневосточного региона, что мешает эффективному взаимодействию с Российской Федерацией как на глобальном, так и на региональных уровнях.

В результате практики свержения легитимных политических режимов, провоцирования внутригосударственных нестабильности и конфликтов не только не получили должного осуждения, но в некоторых случаях были прямо поддержаны США и их союзниками. Отсутствие конструктивного сотрудничества между глобальными игроками в данных вопросах продолжает осложнять международную обстановку и препятствует разрешению существующих конфликтов.

Действия России, в особенности в Сирии, открыли новый этап в российской политике. Операция российских ВКС стала не очередным примером применения силы для обеспечения непосредственных

национальных интересов, а демонстрацией гораздо более широких возможностей и заявкой на глобальную роль. Военное присутствие в регионе при этом является важным, но не единственным рычагом влияния, позволяющим Российской Федерации проводить многовекторную политику [143].

По мнению некоторых аналитиков [144], использование Россией своих вооружённых сил позиционирует её как игрока, претендующего на то, чтобы заменить другие влиятельные державы на Ближнем Востоке. Однако, подобные мнения демонстрируют искажённое понимание реальной сущности политики России в этом регионе. Российская Федерация продемонстрировала высокую эффективность в борьбе с терроризмом и свою надёжность как политического партнёра. Вместе с тем, руководство РФ всегда указывало на то, что стабилизация обстановки и урегулирование ближневосточных конфликтов невозможны без участия и заинтересованности мирового сообщества. Только добившись скоординированных действий всех сил, действующих в рамках исследуемого региона, возможно рассчитывать на какой-либо долгосрочный эффект любых предпринимаемых усилий.

Важно, что эти новые подходы были с пониманием восприняты многими государствами и даже негосударственными игроками региона, для которых существование внешней системы сдержек и противовесов являлось привычным и которые чувствовали себя некомфортно, когда она была нарушена [145]. Российская Федерация сохраняет пространство для действий за счёт установления связей с различными, зачастую не нейтральными по отношению друг к другу игроками. Российская Федерация достигла установления рабочей атмосферы в отношениях с Израилем и «Хизбаллой», с Ираном и Саудовской Аравией, с правительством и оппозицией в Сирии, с правительством в Триполи, Палатой представителей в Тобруке и с племенами на юге Ливии, с Катаром и ОАЭ, с Турцией и курдами.

Однако, нельзя не отметить, что подобный многовекторный подход вызывает критику со стороны многих участников процесса. Высказываются

мнения, что у Москвы просто нет четко определенной стратегии, её шаги и цели имеют краткосрочный характер, а меры — оппортунистический. Некоторые эксперты указывают на то, что многие шаги России направлены на точечные прорывы и вводят в замешательство других игроков. В качестве одного из примеров приводится ситуация в Сирийской Арабской Республике, где, невзирая на достигнутые военные успехи, и роль в изменении баланса сил, Российская Федерация, якобы, не в состоянии установить контроль над всей сирийской территорией и перевести военные успехи в политические [146].

Наряду с политической составляющей в ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке присутствуют и экономические интересы Российской Федерации. Значимые дивиденды получены в результате соглашений о поставках российского оружия в различные страны, в том числе в те, где раньше его никогда не было. Если военно-технические связи с Египтом, Сирией, Алжиром носят традиционный характер, то прорыв российских компаний в страны Залива, Турцию, Тунис, Марокко — абсолютно новый феномен. Заказы, поступающие от арабских государств, составляют приблизительно 20% общего российского экспорта вооружений. Россия в 2016 г. поставила, в частности, оружия на 300 млн долл. в Ирак, почти на 400 млн долл. в Иран и на 1,5 млрд долл. в Алжир. Российский портфель военных заказов от стран Ближнего Востока составил в 2017 г. 8 млрд долл. [147].

С одной стороны, продажа вооружений является своего рода экспортом безопасности — в условиях конфликтов и турбулентности никто не чувствует себя достаточно защищённым, и спрос на доказавшие свою эффективность системы будет только расти. С другой стороны, такой ситуативный спрос ещё не является достаточным для конвертирования военной составляющей в политические позиции и влияние. Очевидно, что в процессе реконструкции разгромленных в ходе военных конфликтов и мятежей государств, а также реабилитации обществ Россия не сможет взять на себя одну из ведущих ролей в связи с ограниченностью экономических возможностей. Её нынешнее

присутствие и активность на Ближнем Востоке можно рассматривать как заявку на получение ею статуса одного из ведущих игроков, но он будет подвергаться постоянной проверке. Отсюда проистекает активность некоторых российских компаний, не относящихся напрямую к военно-промышленному комплексу: «Росатом», строительные и нефтяные компании, которые пытаются выйти на ближневосточные рынки.

Однако, среди зарубежных и российских аналитиков существуют точки зрения, согласно которым, издержки для Российской Федерации могут быть куда выше, чем выгоды [148]. Одним из аргументов является то, что при всех видимых успехах России её реальные военные и экономические возможности не соответствуют уровню влияния, на которое она пытается претендовать. Кроме того, утверждается, что Российская Федерация, устанавливая своё влияние в странах с продолжающимися вооружёнными конфликтами, взваливает на себя задачу по их восстановлению, которая представляется невозможной для её экономики.

В настоящий момент одним из ключевых внешнеполитических процессов является формирование модели мироустройства полицентричного характера. Неизбежным следствием этого процесса становится рост нестабильности, как на региональном, так и на глобальном уровнях. Обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран, борьбой за ресурсы, доступом к рынкам сбыта, контролем над транспортными артериями. Социально-политические кризисы, исследуемые в данной работе, являются как непосредственной частью этого процесса, так и одним из важных факторов, определяющих его ход.

Все более широкое распространение получают практики провоцирования нестабильности и внутригосударственных конфликтов, а также свержения легитимных политических режимов. Страны, на территориях которых разворачиваются вооружённые конфликты, становятся источником

распространения религиозной вражды, межнациональной розни, терроризма, а также других экстремистских проявлений.

Подобное развитие событий вынуждает Российскую Федерацию занимать всё более активную позицию и предпринимать дипломатические усилия для противостояния деструктивным процессам в мировой политике. Деятельность России направлена на поддержание новой полицентричной модели мироустройства и отстаивание прав государств на суверенитет и защиту собственных национальных интересов.

Основными способами отстаивания внешнеполитических интересов для Российской Федерации стали активное участие в работе Совета Безопасности ООН, участие в работе международных организаций, установление прочных двухсторонних контактов с дружественными странами и поддержание отношений с государствами, имеющими конфликтный потенциал в отношении России.

Социально-политические кризисы на Ближнем Востоке и в Северной Африке самым серьёзным образом повлияли на состояние внешней политики РФ. Во-первых, они нарушили систему сложившихся контактов российской дипломатии, существовавших ещё со времени существования Советского Союза, во-вторых дестабилизировали политические системы многих государств, что затрудняет установление с ними прочных, долгосрочных дипломатических связей, в которых заинтересована Россия, в-третьих вызвали появление новых вооружённых конфликтов, которые дестабилизируют регион и провоцируют рост напряжения в международных отношениях.

Главной осью российской политики на Ближнем Востоке стал Сирийский конфликт. Именно открытое вмешательство России на стороне официальных сирийских властей стало тем, что предотвратило окончательный распад страны и свержение правящего режима. Российская Федерация оказала всеобъемлющую политическую и материальную поддержку правительству в Дамаске, а позднее по приглашению сирийского правительства начала военную операцию.

Данная операция и политическая поддержка законных властей столкнулись с обширной кампанией обструкции со стороны ряда иностранных государств, ресурсы которых были задействованы для поддержки отдельных внутрисирийских групп, оппозиционных законным властям. Однако, несмотря на противодействие отдельных государств и организаций, Российской Федерации удалось добиться крупных успехов, стабилизировать военно-политическую обстановку в Сирии и предпринять значимые шаги в процессе межсирийского политического урегулирования. Такими шагами стали создание Центра по примирению враждующих сторон в Сирии и создание переговорной площадки в Астане.

При этом следует отметить, что современная российская внешняя политика в исследуемом регионе часто основывалась на опыте ещё советской эпохи. В качестве основных проблем в рамках данной политики рассматривались противодействие амбициям США на глобальное доминирование и сохранение основ международных отношений, которые сформировались в период Холодной войны: верховенствующей роли ООН, развитой системы международного права и базовых принципов международных отношений.

Данная особенность привела к тому, что на начальных этапах восстановления Российской Федерацией своего геополитического положения, Ближний Восток занимал в системе российской внешней политики по большей части второстепенное положение, что отражалось в сосредоточении основного внимания на арабо-израильском конфликте, участие в процессе урегулирования которого можно также рассматривать как наследие советской внешней политики. Помимо этого, отдельную позицию традиционно занимал Иранский вопрос. Первоначально он рассматривался в максимально общем виде, без сосредоточения на каких-либо узких вопросах, а затем расширился за счёт проблематики иранской ядерной программы, урегулирование которой стало одной из важных тем в мировой политике.

Позднее, по мере восстановления и укрепления социально-экономической обстановки в России, стало наблюдаться возрастающее количество риторики антиамериканского характера. Ближневосточное направление в связи с этим приобрело значимость как пространство противодействия гегемонизму США и их сдерживания. Государства Ближнего Востока, а также имеющие в них место события стали упоминаться как примеры последствий негативного характера, которые вызвали односторонние действия США и их союзников. Подобный характерный поход, заключающийся в рассмотрении изучаемого региона как места противостояния США и их интересам, использовался и советской дипломатией.

Главные изменения, которые в результате «Арабской весны» произошли на Ближнем Востоке и рассмотренные в этой работе ранее, определили необходимость трансформации российского подхода к реалиям современного Ближнего Востока, оказав при этом влияние и на глобальную геополитическую ситуацию, в рамках которой формируется российская внешняя политика.

При этом, реальностью становится несоответствие между характером проблем, которые наблюдаются в настоящее время в регионе, и методами их решения, содержащимися в той части российской геополитики, которая относится к действиям на Ближнем Востоке.

Политика России с формальной точки зрения выстраивается вокруг трех узловых направлений: 1) формирования многополярного мира, в котором одним из полюсов будет являться Россия; 2) противостояния США в их усилиях по сохранению однополярного мира; 3) поддержания принципов верховенства международного права и главенства международных институтов, ООН в первую очередь. Эти узловые направления регулярно встречаются в высказываниях высшего руководства России и концептуальных документах. Они используются для обоснования текущей курса внешней политики, а также в целях интерпретации и анализа актуальных событий в

мировой политике и международных отношениях. Центральным направлением, с которым согласуются другие геополитические приоритеты России, является противостояние гегемонистским устремлениям США в глобальном масштабе.

При этом двухсторонние отношения с Вашингтоном сами по себе в российском нарративе значимого места не занимают. В связи с этим ближневосточный вектор в российской политике рассматривается как менее значимый, но при этом непосредственно связанный с борьбой с глобальным доминированием Соединённых Штатов. Регион Ближнего Востока и Северной Африки выступает в качестве «арены» для этой борьбы, что по большей части совпадает с классическими геополитическими теориями и концепциями, сформулированными в эпоху холодной войны, а также историческими тенденциями в советской внешней политике.

Наблюдаемые в настоящее время на Ближнем Востоке и в Северной Африке события, требуют разработки и внесения в формальную внешнюю политику Российской Федерации соответствующих изменений. «Арабская весна» и всплеск религиозного экстремизма и терроризма, который за ней последовал, а также стремление к диверсификации партнерских отношений и уменьшению зависимости от внешних акторов ряда региональных государств в сочетании с растущей вовлечённостью РФ в проблемы изучаемого региона требуют перестройки в соответствующем ключе существующей системы подходов к главным проблемам и формирования новой стратегии взаимодействия на региональном уровне.

Российское руководство в настоящий момент сознательно поддерживает во внешней политике курс на деидеологизацию [149]. При этом, любой геополитический дискурс является формой идеологии, и формирование в нарративе российской внешней политики устойчивых представлений о враждебном противоборстве с иностранными державами неизбежно превратится в искажающий внешнеполитическое мышление фактор. На примере Морской доктрины Российской Федерации от 26 июля 2015 г. [150]

становится очевидно, что в политической элите РФ наблюдается растущая тенденция к рассмотрению НАТО и США как главных противников западноевропейском направлении, которое носит для России чрезвычайную важность. Продолжение данной линии можно наблюдать в новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной 31 декабря 2015 г., [151]: внешняя политика США и деятельность НАТО были названы как одна из причин многочисленных кризисов, наблюдаемых в настоящее время, в том числе на Ближнем Востоке и на Украине. Ближневосточный регион при этом рассматривается в документе исключительно в контексте критики действий Запада.

Подобное направление мысли, вероятно, приведёт к тому, что Ближний Восток и Северная Африка, как это уже бывало ранее, станут рассматриваться политическими элитами России исключительно в качестве пространства борьбы с США. Часть аналитиков уже заявляют о растущей идеологизированности подходов к рассмотрению ближневосточных проблем [152], а некоторые при анализе сложившейся ситуации используют геополитические клише времен холодной войны [153]. По их мнению, Россия рассматривает Ближний Восток и Северную Африку как пространство, на котором с геополитической точки зрения наблюдается «вакуум силы», в отличие от находящейся под защитой США и НАТО Европы. Этот «вакуум силы» предоставляет России возможности для усиления своего влияния и расширения присутствия, что на европейском направлении невозможно. При таком подходе вероятным становится сценарий развития новой «холодной войны» на Ближнем Востоке.

Развитие событий в таком ключе наверняка вступило бы в противоречие интересам России, поскольку характерным для геополитических концепций образом, этот подход не учитывает местные реалии и стал бы началом постепенного втягивания России в «региональную холодную войну», где ей была бы уготована «навязанная» роль союзника «шиитских режимов». К настоящему моменту существуют три объединения сил, декларирующих

своей целью борьбу с международным терроризмом в ближневосточном и североафриканском регионах: западная коалиция, наиболее активными участниками которой являются США и Франция; коалиция, возглавляемая Российской Федерацией и включающая Сирию, Ирак и Иран; а также мусульманская коалиция из 34 африканских, ближневосточных и азиатских государств, формальным лидером которой является Саудовская Аравия. С формальной точки зрения все три объединения ставят перед собой схожие цели, а две из них - американская и мусульманская – даже пересекаются по входящим в них государствам, однако каждое из государств-лидеров имеет и свои частные цели. Проблемы борьбы с терроризмом существуют в одном пространстве с вопросами легитимности существующей системы региональных государств, попытки свержения режима Б. Асада, справедливости существующей системы мироустройства, роли в ближневосточной политике внешних акторов и другие. Всё более явный антииранский характер при этом приобретает саудовская коалиция.

Развивая контакты с региональными государствами, Российская Федерация таким образом могла бы предотвратить на Ближнем Востоке и в других регионах реализацию планов Вашингтона по внедрению стратегии «внешнего балансирования». Эта стратегия предполагает контроль над процессами в регионе одного сильного внешнего актора, имеющего хорошие отношения со всеми государствами региона и готового в случае необходимости вмешиваться, например, в случае чрезмерного усиления одного из региональных игроков. Система подобного рода при этом не предусматривает в регионе активной деятельности любой другой внешней силы, которая могла бы составить США конкуренцию. Основой стратегии участия РФ в региональных процессах в подобном случае могли бы стать вопросы, имеющие наибольшую для региона актуальность, которые не ограничивались бы арабо-израильским конфликтом и гражданской войной в Сирии.

Некоторые авторы полагают, что значение, которое российская политическая элита придаёт роли «арбитра в разрешении проблемных ситуаций» как методу усиления позиций России в глобальном и региональном масштабе в значительной степени преувеличено [153]. В качестве более перспективных направлений следует рассматривать налаживание экономических, военно-технических и культурных связей, то есть применению так называемой «мягкой силы». Важным ее компонентом является распространение русского языка. С геополитической точки зрения формирование взаимоотношений на основе «мягкой силы» по окончании «жёстких» вмешательств придает внешнеполитическому курсу России на Ближнем Востоке большую эффективность, что должно в дальнейшем способствовать долговременной стабилизации региона и реализации жизненно важных интересов Российской Федерации во всех ключевых областях.

Как противодействовать влиянию зарубежных социально-политических кризисов на безопасность Российской Федерации – большой и очень сложный вопрос. На этот счет еще нет устоявшегося мнения, хотя многие отечественные специалисты настаивают на том, что это надо делать, поскольку такие кризисы могут принести реальный ущерб национальной безопасности Российской Федерации.

По мнению диссертанта, дальнейшие направления научных исследований в области системного противодействия влиянию внешних социально-политических кризисов на безопасность Российской Федерации могут развиваться по следующим основным направлениям: нормативно-правовая квалификация социально-политических кризисов как организационных технологий осуществления государственных переворотов, внесение соответствующих норм в международное право и определение ответственности страны-агрессора, применивших указанные технологии в отношении другого государства, тем самым, вмешавшись в его внутренние дела; определение и регламентация роли ООН и её Совета Безопасности в

организации международного противодействия насильственной смене политического режима.

Также весьма актуальным могло бы стать более глубокое исследование роли субъективного фактора в осуществлении и успешности «цветных революций» и интеграция результатов этого исследования в технологическую гипотезу «цветных революций», в которой субъективному фактору отводится незаслуженно малая роль.

Ещё одной возможной темой для дальнейших исследований могло бы стать исследование роли негосударственных акторов мировой политики и международных отношений – например, транснациональных корпораций, – в осуществлении сценариев «цветных революций»: пример «Евромайдана» на Украине дает для этого исследования первый объективный фактический материал (например, известна значительная роль в организации государственного переворота на Украине в 2013-2014 гг. спонсоров «Евромайдана» из числа украинских «олигархов» - И. Коломойского, П. Порошенко и ряда других, наравне с зарубежными НКО финансировавших мятеж против действующей власти).

В связи со всем вышеуказанным в настоящий момент важными становятся разработка основ, базы, структуры, функций общегосударственной системы противодействия «цветным революциям», включающую механизмы мониторинга, распознавания (по характерным признакам), профилактики, раннего предупреждения «цветных революций», механизмы быстрого реагирования на «цветные революции» и консолидации здоровых сил общества на защиту свободы и независимости (суверенитета) собственной страны от попыток организации «цветного» государственного переворота.

В рамках создания такой системы противодействия потребуется разработка новых эффективных принципов и технологий борьбы с «цветным революциям», направленных на разрыв технологической цепочки базовой схемы «цветной революции»; разработка эффективных способов, методов, технологий ведения информационной войны в интересах противодействия идеологии и пропаганде «цветных революций»; разработка новых технологий

консолидации общества, в том числе с использованием ресурсов интернета и социальных сетей, в целях противодействия технологиям сетевой конфликтной мобилизации, применяемых «цветными революционерами».

Также необходимой остаётся образовательная и просветительская работа в молодежной среде с целью раскрытия истинной природы и мотивов «цветных революций» и защиты молодежи от негативного воздействия «романтизированной» идеологии и пропаганды экстремистского толка, распространяемой организаторами «цветных революций».

Таким образом, России требуется продолжать поиск эффективных способов предотвращения возникновения очагов нестабильности в мире и разрешения существующих конфликтов на основе безоговорочного соблюдения принципов и норм международного права в интересах укрепления международной и национальной безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Определив события, произошедшие в регионе в исследуемый период, и охарактеризовав их как кризисы политических режимов, была выявлена их сущность, системно рассмотрен спектр условий, факторов и технологий, применявшихся для их организации. В результате это позволило рассмотреть данные кризисы как уникальные феномены, указать на причины их зарождения, существенные этапы их развития, установить общее и особенное между отдельными рассмотренными кейсами, а также произвести анализ их последствий на различных уровнях. Вместе с тем общественно-политический характер сферы зарождения и протекания изученных кризисов, динамичность и турбулентность современных политических процессов, формирование системы проистекающих друг из друга эффектов и последствий препятствуют формулированию окончательных выводов о событиях, ставших предметом исследования.

К настоящему моменту представляется возможным определить. Кризисы политических режимов, зародившиеся в 2011 г. в странах Ближнего Востока и Северной Африки, как совокупность деструктивных процессов, проходивших в государствах региона, которые были вызваны к жизни комплексом накопившихся внутренних и внешних противоречий, как общих, так и уникальных для каждой страны региона.

Для достижения поставленной цели исследования был решён ряд исследовательских задач.

Так, были предложен новый подход к определению кризиса политического режима. По результатам проведенного анализа, кризис политического режима был определён как социально-политическое явление, представляющее собой особую форму общественно-политического процесса, его переломный момент, характеризующийся переходным состоянием в развитии общества и его политической системы, их дестабилизацией вследствие обострения противоречий в существующих социальных и политических отношениях. Социально-политический кризис обладает своей

структурой, взаимопроникновение и единство элементов которой обеспечивает его целостность как социального феномена, возможность его зарождения, развития и существования на различных этапах функционирования социума и его политической системы, в различных режимах и формах. При этом динамика социально-политического кризиса такова, что она может иметь характер пандемии и выраженный синергетический эффект для похожих политических режимов в рамках одного региона.

С целью выявить и проанализировать ключевые факторы, способствовавшие генезису и эволюции кризисов политических режимов государств Ближнего Востока и Северной Африки, были проанализированы в исторической ретроспективе основные факторы, обусловившие в государствах Ближнего Востока и Северной Африки волну социально-политических кризисов в начале двадцать первого века.

На основании проведённого анализа был выявлен ряд причин, которые можно в той или иной степени назвать объединяющими для социально-политических кризисов в странах Ближнего Востока и Северной Африки:

1. Накопление ярко выраженных социальных проблем в общественной сфере.

а) Резкий рост социального расслоения, высокий уровень коррупции и неэффективность методов борьбы с ней, увеличение количества бедных, рост цен на товары первой необходимости.

б) Повышение доли безработного населения, в частности, среди более молодых слоёв населения, имеющих образование, что определило их политизацию и обширное вовлечение в протестные движения.

в) Демографические изменения, приведшие к возникновению так называемого «демографического пузыря», пик которого совпал с возникновением экономических проблем, что послужило базой возникновения социальной нестабильности.

2. Усиление политических противоречий.

а) Отсутствие устойчивого механизма сменяемости власти, монополизация властных полномочий и попытки передачи власти по наследству оказали существенное влияние на общественное мнение в этих странах. Формирование режимов единоличной власти авторитарного типа, которые характеризовались подавлением инакомыслия, жесткой цензурой и фактической ликвидацией оппозиции привели к нарушению в социуме обратной связи, существование которой является одним из главных условий нормального функционирования власти.

б) Использование жестких мер правящими режимами, прямое подавление инакомыслия, в том числе силовыми методами, чрезвычайное расширение влияния спецслужб в формальной и неформальной сферах, факты совершения фальсификаций в ходе выборов на разных уровнях.

в) Возникновение внутриэлитных конфликтов, попытки ограничить полномочия традиционных групп влияния на фоне экономических проблем (наступления на экономические и политические позиции офицерства в Египте и Ливии).

3. Рост напряженности в межклановых и межплеменных отношениях, обострение религиозных конфликтов.

а) Предметом кланово-племенной борьбы в странах исследуемого региона является доступ к экономическим (рента от добычи углеводородных ресурсов, а также доступ к монополизированным или субсидируемым отраслям) и политическим ресурсам.

б) Сложный религиозный состав общества в отдельных государствах, а также влияние различных религиозных групп внутри и из-за пределов региона, предопределили возникновение дополнительного источника конфликтного потенциала, который реализовался непосредственно в ходе социально-политических кризисов или по мере развития их последствий.

Также, одной из задач данной работы было исследование генезиса и эволюции кризисов политических режимов в арабских государствах Ближнего Востока и Северной Африки в современный период в ходе «Арабской весны».

При проведении данного исследования были систематизированы особенности новой волны кризисов политических режимов на Ближнем Востоке, получившей название «Арабская весна».

Одной из наиболее значимых особенностей генезиса и эволюции социально-политических кризисов на Ближнем Востоке и в Северной Африке стало формирование сложной системы действующих субъектов. Для каждого отдельного государства, затронутого подобными процессами, имели как общие действующие силы, так и своя особая специфика. Данная специфика проистекает из широкой географии произошедших и происходящих событий, их разнесённости во времени и особых условий каждого отдельно взятого государства. В каждой из стран свою роль сыграли отдельные причины социального, экономического, политического и духовного характера. Наличие как внешних, так и внутренних игроков с разным соотношением одновременной деятельности в каждом отдельном случае определило сложный характер исследуемых процессов и неоднозначность их оценки в научной сфере. Формирование различных точек зрения на произошедшие события и их последствия предопределило появление большого числа аналитических работ, рассматривающих как отдельные аспекты социально-политических кризисов или стадии их развития, так и процессы в регионе в целом. При этом наблюдается наличие диаметрально противоположных взглядов на одни и те же события.

Кроме того, для наиболее полного понимания произошедших событий была поставлена задача раскрыть ключевые механизмы и технологий дестабилизации социально-политической обстановки в странах Ближнего Востока и Северной Африки, активно использовавшихся в период «Арабской весны» и после неё. С данной целью были обобщены и проанализированы методы и технологии, использованных различными акторами в течении «Арабской весны» и специфика их применения в зависимости от условий каждой отдельной страны. В ходе «Арабской весны» различные механизмы и технологии применялись для дестабилизации социально политической

обстановки, управления ходом кризисов, формирования общественного мнения и подготовки государственных переворотов. Изучение методов, применявшихся в различных случаях, позволяет установить их сходство с технологиями так называемых «цветных революций». Важной особенностью стало то, что при использовании схожего арсенала психологических и организационных приемов, шаблонов и схем, особый акцент делался на методы, наиболее подходящие для создания раскола в сплоченности традиционных восточных обществ с целью их разделения на мелкие фрагменты. Подобный подход позволил вырывать из состава родовых и племенных групп отдельных индивидуумов, с помощью технологий управления массовым сознанием дезориентировать их в политической обстановке и создавать из них «политическую толпу» - главный инструмент «цветной революции». Технологии и методы, которые были применены во время «Арабской весны», носили разноуровневый характер, применялись как на длинном отрезке времени (работа неправительственных организаций и фондов), так и точно для организации конкретных акций (сетевая организация и использование мессенджеров и ресурсов сети Интернет для координации протестных действий).

Существенной особенностью социально-политических кризисов стало наличие обширного внешнего воздействия перед началом и в ходе событий «Арабской весны» в Сирии, Египте и Ливии. Данное воздействие выразилось в широкой поддержке, которую Соединенные Штаты Америки оказали деятельности оппозиционных движений на Ближнем Востоке и в Северной Африке, анализ публичной дипломатии США показал, что множество проводимых ими проектов ставили перед собой цель внедрение либеральной политической культуры в сознание арабской молодежи, что могло бы в будущем привести к эволюционной смене режимов. Таким образом США смогли изменить структуру арабского общества, способствуя созданию политически активных либерально настроенных групп арабской молодежи.

Кроме того, иностранными акторами, в частности США и Катаром,

производилось расширение сферы влияния контролируемых ими средств массовой информации в исследуемых государствах и оказание информационной поддержки оппозиционным движениям. Роль информационных технологий в рассматриваемых событиях можно оценить, как значимую, но второстепенную, причем самое большое влияние оказали спутниковые каналы, которые активно участвовали в создании негативной информационной повестки, а также в наиболее критические периоды распространяли пропаганду и дезинформацию. Интернет в исследуемых странах стал скорее средством формирования внешнего информационного образа, который использовался для формирования поддержки происходящих процессов за границей, при этом на местах социальные сети использовались для мобилизации народных масс и в качестве средства координации оппозиционеров.

События «Арабской весны» и некоторые её последствия положили начало формированию долгосрочных тенденций в развитии политических режимов стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Данные тенденции, основные из которых были выявлены и охарактеризованы в ходе данного исследования, определяют новый облик социально-политических процессов в регионе.

Последствия, порождённые социально-политическими кризисами Ближнего Востока и Северной Африки, носят обширный характер. Они затронули большое количество сфер жизни обществ, в которых они развивались, и определили их развитие на годы вперёд. В целом, влияние изученных кризисов можно охарактеризовать как негативное. Они болезненно ударили по экономикам затронутых государств, негативные тенденции в которых ещё более усугубились под влиянием глобальных экономических проблем. Также, значительно обострились ранее существовавшие этноконфессиональные противоречия, в отдельных случаях ставшие поводом для эскалации насилия.

На фоне региональной нестабильности обострилась борьба за лидерство

между такими важными государствами как Иран, Турция и Саудовская Аравия, которые видят в создавшейся ситуации шанс укрепить своё влияние и обеспечить себе более широкие возможности по контролю над ресурсами и обеспечению собственной государственной безопасности.

Установившаяся в отдельных странах изучаемого региона нестабильность и безвластие послужили благодатной почвой для роста организованной преступности, наркотрафика, торговли людьми и оружием. Отдельного внимания заслуживают распространившаяся исламизация и общая радикализация региона, которые со временем превратились в значимую угрозу международной безопасности, потребовавшую применения решительных мер.

На внутривнутриполитическом уровне социально-политические кризисы привели к падению или существенной трансформации ряда правящих режимов в исследуемом регионе, но при этом не привели ни к существенной демократизации, ни даже к решению тех проблем, которые стали их причинами. В некоторых странах реальностью стали вооруженные конфликты, которые привели к образованию серых зон, неподконтрольных официальным органам власти, или вызвали фактический распад государственности.

«Арабская весна» в ряде случаев привела к резкому ухудшению социально-экономической обстановки в изучаемых государствах. Наиболее значимыми причинами такого развития ситуации стало нарушение связей производственно-хозяйственного характера между государствами и субъектами национальной экономики, а также уничтожение объектов промышленной, энергетической и транспортно-коммуникационной инфраструктуры в странах, ставших жертвами вооружённых конфликтов.

К настоящему моменту в политическом плане последствиями кризисов стали конституционные изменения в таких государствах как Египет и Сирия. Наряду с принятием новой конституции в Египте в результате политического противостояния к власти пришли группы исламского толка, которые позднее

стали жертвой традиционного для арабских государств военного переворота. Несмотря на то, что ситуация в АРЕ достигла относительной стабильности, в обществе продолжает сохраняться напряжение, постоянно грозящее развитием новых протестов, а радикальные исламисты, вновь лишенные доступа к политическим институтам, развернули на территории страны террористическую деятельность.

В Сирии конституционные изменения, ставшие со стороны правящего режима попыткой компромисса, остались во многом незамеченными на фоне военного конфликта. Несмотря на ожесточённое вооружённое противостояние, а также давление со стороны ряда иностранных игроков, правящий режим устоял, во многом благодаря поддержке Российской Федерации, а также других дружественных сил в регионе.

Ситуация в Ливии и Сирии в настоящее время остаётся одной из наиболее сложных в регионе, на их территории продолжают боевые действия, а власти не могут добиться полного контроля в прежних административно-территориальных границах. Негативную роль также играют санкции, введенные США, ЕС и странами Персидского залива против САР, которые послужили дополнительной причиной резкого ухудшения социально-экономической обстановки и препятствуют процессу восстановления национальной экономики.

Представляется, что в среднесрочной перспективе невозможно ожидать в данных странах значимого улучшения ситуации, поскольку правительства этих государств серьёзно зависят от внешней поддержки и серьёзно ограничены в проведении самостоятельной политики.

Несмотря на предпринимаемые усилия, структура власти во многих государствах, прошедших через «Арабскую весну» на настоящий момент, не претерпела значимых изменений, так же как не произошло существенного реформирования в социально-экономической сфере. Подобный итог не мог не отразиться на восприятии обществами этих государств произошедших изменений и деятельности новых властей, что закладывает предпосылки для

нового взрыва протестных движений в случае дестабилизации ситуации по какой-либо причине.

Долгосрочное прогнозирование в ситуации, складывающейся в настоящий момент, на глобальном региональном уровне представляется затруднительным, но одним из наиболее вероятных вариантов развития событий в Ливии, на наш взгляд, является замораживание конфликта при участии спонсоров противоборствующих сторон. В Египте действующему президенту Ас-Сиси придётся предпринять существенные усилия для установления полной стабильности в стране и купирования угрозы исламского экстремизма, однако установившиеся прагматичные отношения и поддержание контактов по ключевым региональным вопросам позволяют надеяться на расширение сотрудничества между Египтом и Россией. В Сирии наметившийся тренд на стабилизацию обстановки будет серьёзно зависеть от продолжения иностранной поддержки, а также достижения политического урегулирования, поскольку быстрому разрешению конфликта военным путём препятствуют значительное сосредоточение сил вооружённой оппозиции. Кроме того, значительным фактором остаётся иностранное вмешательство, в частности, присутствие на территории САР вооружённых сил США. Какое-либо значимое улучшение социально-экономического положения Сирии и Ливии не представляется возможным без восстановления суверенитета и конституционного порядка по всей территории этих стран, а также оказания масштабной финансовой помощи.

Наиболее существенной угрозой для безопасности государств Ближнего Востока в настоящее время является уязвимость их внутренней социальной и экономической обстановки, которая под влиянием внешних факторов может быть вновь дестабилизирована. Кроме того, сохраняет свою важность фактор исламского экстремизма и распространения в регионе терроризма. В государствах исследуемого региона продолжают свою деятельность как существовавшие ранее террористические и экстремистские группы, так и возникшие вновь, в том числе при поддержке внерегиональных и

внутрирегиональных акторов. Более того, новой реальностью становится миграция вооружённых группировок, создание ими «филиалов» и дочерних структур.

Социально-политические кризисы и их последствия также оказали существенное влияние и на состояние национальной безопасности Российской Федерации.

Анализ основных последствий социально-политических кризисов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки в контексте их влияния на основные составляющие национальной безопасности Российской Федерации позволяет заключить, что перед Российской Федерацией в связи с серией социально-политических кризисов, произошедших в странах региона Ближнего Востока и Северной Африки и получивших общее наименование «Арабская весна», встала череда уникальных вызовов, затрагивающих национальные интересы России и оказывающих влияние на состояние её национальной безопасности.

Исследуемые события затронули политические интересы РФ, в частности их результатом стало крушение ряда политических режимов, с которыми у России были налажены давние и продуктивные связи. Кроме того, активизация политики многих региональных игроков вынудила Россию искать новое равновесие во взаимоотношениях на региональном уровне. Кроме того, влиянию подверглись и экономические интересы Российской Федерации: в результате возникновения социально-политических кризисов произошёл разрыв ряда экономических связей, были сорваны перспективные контракты, ранее рассматривавшиеся российскими компаниями.

Общая дестабилизация обстановки в регионе Ближнего Востока и Северной Африки поставила под вопрос усилия, направляемые руководством РФ на формирование новой, полицентричной модели мироустройства и обеспечение справедливых и равных условий глобальной экономической деятельности. Кроме того, возникла непосредственная угроза внутренней безопасности Российской Федерации, ставшая результатом распространения в

регионах с преобладающей долей населения, исповедующего ислам, радикальных идей и нетрадиционных религиозных течений, а также деятельности глобальных террористических организаций. Представляется, что данная угроза будет оставаться актуальной продолжительное время, в том числе и по причине глобализации экстремизма посредством возникновения «террористического интернационала».

Социально-политические кризисы и ставшие их результатом вооруженные конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке стали серьезной проблемой для Европы в результате формирования обширных потоков беженцев. В России также возрос поток мигрантов из арабских стран, в том числе транзитных, ищущих возможности попасть на территорию европейских стран. Кроме того, Российскую Федерацию не обошло стороной такое явление выезд граждан в Сирию для участия в конфликте на стороне сначала «Исламского государства», позднее и других террористических групп, что вызывает нарастание уровня террористической угрозы. В подобных условиях Российской Федерации представляется важным активизировать работу по пресечению распространения экстремистских идей, а также тщательно контролировать деятельность групп, подверженных распространению радикального ислама.

Ответом на эти вызовы со стороны Российской Федерации могут стать меры, направленные на совершенствование законодательного регулирования в этой области, а также особое внимание, уделяемое области миграционной политики и образовательной деятельности.

Кроме того, существует настоятельная необходимость продолжать изучение опыта боевых действий на территориях Сирии, Ливии и Ирака, а также увеличивать уровень взаимодействия с региональными и международными организациями в этой области. Особенно актуальным в этой связи выглядит расширение сотрудничества в рамках ОДКБ. В рамках данной организации уже выработана необходимая нормативная база, существует система проведения оперативных мероприятий по предотвращению

распространения экстремизма и терроризма, а также регулярно проводится их совершенствование и отработка.

Подводя итог вышеизложенному, можно с уверенностью констатировать, что мировое сообщество в целом и Российская Федерация в частности, оказались мало подготовлены к столкновению со столь масштабными социально-политическими кризисами как те, что имели место в ходе «Арабской весны».

Несмотря на то, что данные кризисы имели давно укоренившиеся причины и стали результатом влияния известных для специалистов факторов, их стремительное возникновение, масштабность, широта распространения и обширность последствий вывели их за рамки привычных явлений. Такая характеристика обуславливает необходимость всестороннего и тщательного изучения данных кризисов, которое продолжается с момента окончания основных событий «Арабской весны» и до сегодняшнего дня. С уверенностью можно утверждать, что политический, экономический и социальный ландшафт региона ещё долгое время будут находиться под влиянием событий, ставших предметом данного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Харламов, А.А. «Арабская весна» в Египте, Ливии, Сирии и ее последствия для глобальной и региональной безопасности: специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Харламов Антон Алексеевич; Национальный исследовательский университет «Нижегородский государственный университет им. Лобачевского». – Нижний Новгород, 2016. – 205 с. – Библиогр.: с. 166–194.
2. Коновалов, А.О. Ближний Восток в системе внешнеполитических приоритетов Российской Федерации: геополитические концепции XXI в., перспективы, реальность: специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Коновалов Александр Олегович; «Санкт-Петербургский государственный университет». – Санкт-Петербург, 2016. – 231 с. – Библиогр.: с. 194–231.
3. Элдиб, А.М. Революционные события в Египте 2011-2012 гг. в контексте «Арабской весны»: общее и особенное: специальность 07.00.03 «Всеобщая история (новая и новейшая история)»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Элдиб Амр Мохамед Абделгавад Абделрасул ; Национальный исследовательский университет «Нижегородский государственный университет им. Лобачевского». – Нижний Новгород, 2017. – 218 с. – Библиогр.: с. 171–205.
4. Peters, J. The European Union and the Arab Spring: Promoting Democracy and Human Rights in the Middle East / J. Peters. – Lanham, Lexington Books, 2012. – 180 p. – ISBN 978-0739174432.
5. Осман, А.А. Влияние исламских политических партий и движений на демократический процесс в арабских странах Африки: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Осман Али Абдалла. – Санкт-Петербург, 2002. – Место защиты: Санкт-Петербургский государственный университет. – 23 с. – Библиогр.: с. 23.

6. Мухамеджанов, Б.Г. Технологии «Арабской весны»: власть и оппозиция / Б.Г. Мухамеджанов, З.Т. Азизова. – Алматы: ОФ «Фонд Первого Президента Республики Казахстан», 2011. – 162 с. – ISBN отсутствует.
7. Carvin, A. Distant Witness: Social Media, the Arab Spring, and a Journalism Revolution / A. Carvin. – New York: CUNY Journalism Press, 2012. – 310 p. – ISBN 978-1939293022.
8. Faris, D. Dissent and Revolution in a Digital Age: Social Media, Blogging and Activism in Egypt. (Library of Modern Middle East Studies) / D. Faris. – London : I.B. Tauris, 2013. – 288 p. – ISBN 978-1784532079.
9. El-Nawawy, M. Egyptian Revolution 2.0: Political Blogging, Civic Engagement, and Citizen Journalism. (The Palgrave Macmillan Series in International Political Communication) / M. El-Nawawy, S. Khamis. – New York : Palgrave Macmillan, 2013. – 250 p. – ISBN 978-1137020918.
10. Howard, P.N. Democracy's Fourth Wave? Digital Media and the Arab Spring. (Oxford Studies in Digital Politics) / P.N. Howard, M.M. Hussain. – New York : Oxford University Press. – 2013. – 160 p. – ISBN 978-0199936977.
11. Iskandar, A. Mediating the Arab Uprisings / A. Iskandar, B. Haddad. – Washington DC : Tadween Publishing, 2013. – 192 p. – ISBN 978-1939067005.
12. Gonzalez-Quijano, Y. Arabités numériques: Le printemps du Web arabe / Y. Gonzalez-Quijano. – Arles : Sindbad, 2012. – 186 p. – ISBN 978-2330013172.
13. El Saadawi, A. The color revolutions in Central Asia: the American model failed to change / A. El Saadawi. – Civilization Center for Political Studies. – 2011. – 56 p. – ISBN отсутствует.
14. Bishara, A. The great Egyptian revolution / A. Bishara. – Doha : Arab Center for Research and Policy Studies, 2011. – 10 p. – Текст : электронный. – URL: <https://www.azmibishara.com/en/bisharas-articles/great-egyptian-revolution> (дата обращения: 05.10.2020).
15. Sharaf, S. Years and days with Gamal Abdel Nasser / S. Sharaf. – Cairo. – 2014. – 304 p. – ISBN отсутствует.
16. Mahdi, M.I. Privatization and its influence on the development in the arab

world / M.I. Mahdi, M. Salama. – Cairo : Dar Al-Shorouk – 2011. – 84 p. – ISBN отсутствует.

17. Bassiouni, M.S. The second republic / M.S. Bassiouni, M. Helal. – Cairo: Dar Al-Shorouk. – 2012. – 475 p. – ISBN отсутствует.

18. Zahraa, A.R. The basements of the devil - the pages of The history of the Muslim Brotherhood / A.R. Zahraa // Arab Media. – 2004. – 123 p. – ISBN отсутствует.

19. Ramadan, T. Islam and the Arab Awakening / T. Ramadan. – New York: Oxford University Press, 2012. – 256 p. – ISBN 978-0199933730.

20. Inbar, E. The Arab Spring, Democracy and Security: Domestic and International Ramifications / E. Inbar // BESA Studies in International Security. – Oxon: Routledge, 2013. – 184 p. – ISBN 978-0415821384.

21. Panara, C. The Arab Spring: New Patterns for Democracy and International Law / C. Panara, G. Wilson // Nijhoff Law Specials – Leiden : Martinus Nijhoff Publishers, 2013. – Volume 82. – 293 p. – ISBN 9789004230415.

22. Bradley, J.R. After the Arab Spring: How Islamists Hijacked the Middle East Revolts / J.R. Bradley. – New York: Palgrave Macmillan, 2012. – 256 p. – ISBN 978-0230338197.

23. Amghar, S. Les islamistes au défi du pouvoir: Évolutions d'une idéologie / S. Amghar. – Paris: Michalon, 2012. – 207 p. – ISBN 978-2841866489.

24. Freedman, R.O. Putin Döneminde Rusya'nin Ortadofu Politikasi / R.O. Freedman // Irak Savasi Sonrasi Ortadofu. – Istanbul: TASAM Yayinlan. – 2004. – Текст : электронный. – URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/84562> (дата обращения: 05.10.2020).

25. Slackman, M. Egypt Concedes to Resistance on Privatization Push / M. Slackman / New York City. – 2010. – Текст : электронный. – URL: <http://www.nytimes.com/2010/06/28/world/middleeast/28egypt.html> (дата обращения: 05.10.2020).

26. Tammam, H. The Salafization of the Muslim Brothers: the erosion of the fundamental hypothesis and the rising of Salafism within the Muslim Brotherhood: the

paths and the repercussions of change / H. Tammam. – Alexandria : Bibliotheca Alexandrina. – 2011. – 54 p. – ISBN 978-977-452-151-0.

27. Johnson, I. Washington's Secret History of the Muslim Brotherhood / I. Johnson // NYR Daily. – 2011. – Текст : электронный. – URL: <http://www.nybooks.com/daily/2011/02/05/washingtons-secret-history-muslim-brotherhood> (дата обращения: 05.10.2020).

28. Kepel, G. Jihad: the trial of political Islam / G. Kepel, A.F. Roberts. – Cambridge : Belknap Press. – 2003. – 464 p. – ISBN 978-0674010901.

29. Brown, N.J. Egypt's controversial constitutional amendments / N.J. Brown, M. Dunne. – Washington DC : Carnegie endowment. – 2003. – 13 p. – Текст : электронный. – URL: https://carnegieendowment.org/files/egypt_constitution_webcommentary01.pdf (дата обращения: 05.10.2020).

30. Hamdan, G. Population of the Nile Mid-Delta, Past and Present / G. Hamdan. – Cairo : Reading University, 1953. – 311 p. – ISBN отсутствует.

31. Bolton, K.R. Tunisian Revolt: Another Soros NED Jack-Up? / K.R. Bolton // Foreign Policy Journal. – 2011. – Текст : электронный. – URL: <http://www.foreignpolicyjournal.com/2011/01/18/tunisian-revolt-another-sorosned-jack-up/> (дата обращения: 05.10.2020).

32. Амин, Г. Что случилось с египетской революцией? / Г. Амин. – Каир: Дар-аль-Шрук, 2012 – 334 с. – ISBN отсутствует.

33. Исаев, Л.М. Египетская смута XXI века / Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. – Москва : Либроком, 2012. – 105 с. – ISBN 978-5-397-02406-8.

34. Результаты конференции кибер-десидентов при поддержке организации Фридом Хаус. Conference on Cyber Dissidents // Global Success and Challenges. – Texas : G.W. Bush Institute, 2010. – Текст : электронный. – URL: <http://www.georgewbushcenter.com/articles/successes-and-challenges>. (дата обращения: 05.10.2020).

35. Allied Joint Doctrine // UK Ministry of Defence. – Текст : электронный. – URL: <http://www.mod.uk/nr/rdonlyres/c45d7ae8-ed47->

40d3-8018-767da039c26a/0/ajp01d.pdf (дата обращения: 05.10.2020).

36. Кейфа тасауру би хадаёа, муалюмат ва тактикат гама / Центр стратегических оценок и прогнозов – Текст : электронный. – URL: <http://www.csef.ru/analytics/reports> (дата обращения: 05.10.2020).

37. Abdelhamid, S. Wael Ghoneim mysteryboy of January revolution / S. Abdelhamid // Al-Arabia News. – 2015. – Текст : электронный. – URL: <http://www.alaraby.co.uk/society/2015/1/24/وائِم غَ ى ُ ف ت ي ث و ر ج ا ُ ز ا ن غ ا ي ض> (дата обращения: 05.10.2020).

38. Darwish, S. Social networking industry and Egyptian revolutions / S. Darwish // Al-Bawaba News, 2013. – Текст : электронный. – URL: <http://www.albawabhnews.com/261260> (дата обращения: 05.10.2020).

39. Engdahl, W.F. Egypt's Revolution: Creative Destruction for a Greater Middle East? / W.F. Engdahl. – Текст : электронный. – URL: <http://www.warandpeace.ru/en/exclusive/view/55187/> (дата обращения: 05.10.2020).

40. El Shakry, O. Peasants, crime and tea in interwar Egypt / O. El Shakry // Society and the state/ – 2008. – № 21. – P. 44–45. – Текст : электронный. – URL: https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/17229/ISIM_21_Peasants_Crime_and_Tea_in_Interwar_Egypt.pdf?sequence=1 (дата обращения: 05.10.2020).

41. Gladwell, M. Small Change: Why the revolution will not be tweeted /M. Gladwell. – Текст : электронный. – URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2010/10/04/small-change-malcolm-gladwell> (дата обращения: 05.10.2020).

42. Eltantawy, N. Social media in the Egyptian Revolution: reconsidering resource mobilization theory / N. Eltantawy, J.B. Wiest // International journal of communication. – 2011. – № 5. – P. 1207–1224. – Текст : электронный. – URL: https://www.researchgate.net/publication/285908894_Social_Media_in_the_Egyptian_Revolution_Reconsidering_Resource_Mobilization_Theory (дата обращения: 05.10.2020).

43. Rashid, A.M. Egypt and the International Monetary Fund / A.M. Rashid

// Civilized dialogue. – 2006. – № 1718. – DOI отсутствует.

44. Zahuranec, A.J. Framing the revolution: the role of social media in Ukraine's Euromaidan movement / A.J. Zahuranec, L. Surzhko-Harned // The Journal of Nationalism and Ethnicity. – 2017. – № 5. Volume 45. – P. 758-779. – DOI: 10.1080/00905992.2017.1289162.

45. Carothers, T. The End of the Transition Paradigm / T. Carothers // Journal of Democracy. – 2002. – № 1. Volume 13. – P. 5–21. – Текст : электронный. – URL: <https://www.journalofdemocracy.org/articles/the-end-of-the-transition-paradigm/> (дата обращения: 05.10.2020).

46. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / В.В. Наумкин, Е.М. Примаков, А.О. Филоник [и др.]; под редакцией В.В. Наумкина, В.В. Попова, В.А. Кузнецова / ИВ РАН; Факультет мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. – Москва : ИВ РАН, 2012. – 595 с. – ISBN 978-5-89282-531-3.

47. Быстров, А.А. Египет: ситуация после парламентских выборов / А.А. Быстров // Институт Ближнего Востока. – 2012. – Текст : электронный. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=14291#more-14291/> (дата обращения: 07.10.2020).

48. Юрченко, В.П. Роль армии в политической системе Ливии (история и современность) / В.П. Юрченко // Ближний Восток и современность. – №16. – Москва. – 2002. – ISBN 5-89394-114-4.

49. Берг, И.С. Роль племен в ливийских событиях: мнения экспертов / И.С. Берг // Институт Ближнего Востока. – 2012. – Текст : электронный. – URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/02-09-11.htm> (дата обращения: 06.11.2017).

50. Щегловин, Ю.Б. Курдская проблема и сирийский кризис / Ю.Б. Щегловин // Институт Ближнего Востока. – 2012. – Текст : электронный. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=15440> (дата обращения: 06.11.2017).

51. Коротаев, А.В. Египетская революция 2011 г.: структурно-демографический анализ / А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина // POLIT.RU. – 2011. – Текст : электронный. – URL: <https://polit.ru/article/2011/03/04/egyrev/> (дата

обращения: 04.07.2017).

52. Мельникова, К. Лев под номером 13 / К. Мельникова // Военное обозрение. – 2012. – Текст : электронный. – URL: <http://topwar.ru/index.php?newsid=51264> (дата обращения: 06.08.2016).

53. Фитуни, Л.Л. Управление свободой. Технологические уроки арабского восстания / Л.Л. Фитуни // Однако. – 2011. – Текст : электронный. – URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/upravlenie-svobodoy/> (дата обращения: 04.07.2017).

54. Селезнев, М.А. Социальная революция / М.А. Селезнев. – Москва : Издательство МГУ, 1971. – С. 215. – ISBN отсутствует.

55. Безопасность Евразии-2004: Энциклопедический словарь-ежегодник. – Москва : Книга и бизнес, 2006. – С. 529. – ISBN 521200991X.

56. Давыдов, А.А. Арабские революции 2011 года: системная диагностика / А.А. Давыдов // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года; под редакцией А.В. Коротаева, Ю.В. Зинькиной, А.С. Ходунова. – Москва : Издательство ЛКИ, 2012. – С. 174–187. – ISBN 978–5–382–01344–2.

57. Арутюнов, Д. Истоки и будущее кризиса в регионе Ближнего Востока и Северной Африки / Д. Арутюнов // ИА REGNUM. – 2011. – Текст : электронный. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/1428270.html> (дата обращения 14.03.2017).

58. Баранов, Д.А. Социально-политический кризис на Ближнем Востоке: между традицией и глобализацией / Ю.А. Михалёв, Д.А. Баранов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2017. – № 4 (788). – С. 28–43. – ISSN 2500-347X. – URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/4_788.pdf (дата обращения: 19.02.2020).

59. Баранов, Д.А. Социально-экономические предпосылки перманентной дестабилизации региона Ближнего Востока и Северной Африки / Д.А. Баранов, Д.А. Бочков, М.П. Васильченко [и др.] : материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017»;

под редакцией И.А. Алешковского, А.В. Андриянова, Е.А. Антипова. – Москва : МАКС Пресс, 2017. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. – Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader. – 1186 Мб. – 9000 экз. – ISBN 978-5-317-05504-2.

60. Политические системы и политические культуры Востока / под редакцией А.Д. Воскресенского. – 2-е издание, переработанное и дополненное – Москва : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 829 с. – ISBN 5-478-00478-2.

61. Arab Human Development Report 2002 // United Nations Development Programme. Arab Fund for Economic and Social Development. – Текст : электронный. – URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/rbas_ahdr2002_en.pdf. (дата обращения: 14.03.2017).

62. Семедов, С.А. Ислам в политике: идеология и практика / С.А. Семедов. – Москва : Экон-Информ. – 2009. – С. 172. – ISBN 978-5-9506-0462-1.

63. Брега, А.В. Транснационализация политической элиты и влияние этого процесса на суверенитет государства / А.В. Брега, И.А. Копылов // Власть. – 2014. – № 11. – С. 79. – Текст : электронный. – URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=1649&l=&j=2 (дата обращения: 05.10.2020).

64. Gregorian, V. Islam. A mosaic, not a Monolith / V. Gregorian. – Washington, D.C. : Brooking Inst. Press. – 2004. – P. 78. – ISBN 978-0815732839.

65. Малашенко, А.В. Исламская альтернатива и исламский проект / А.В. Малашенко. – Москва : Весь мир, – 2006. – С. 67-72. – ISBN 5-7777-6329-1.

66. Почта, Ю.М. Ислам и политика: Учебное пособие / Ю.М. Почта. – Москва : РУДН. – 2008. – С. 78. – Текст : электронный. – URL: <https://repository.rudn.ru/ru/records/manual/record/38220/> (дата обращения: 05.10.2020).

67. Петрухина, А.А. Теория и практика исламизма / А.А. Петрухина // Вестник РУДН, серия Политология. – 2011. – № 2. – С. 105–108. – Текст : электронный. – URL: <http://journals.rudn.ru/political->

science/article/view/8874 (дата обращения: 05.10.2020).

68. Фатхи, Р. Ас-сахаф аль-амрикия: ар-рабиа аль-арабий фи миср абаад ад-дирасиин аль-ажаниб / Р. Фатхи // «Аль-Яум ас-Сабия». – 2012. – Текст : электронный. – URL: <https://www.youm7.com/> (дата обращения: 05.10.2017).

69. Ас-Саид, А.М. Сына ар-рабиа аль-арабий / А.М. Ас-Саид // «Ашарк Аль-Авсат» – 2012. – Текст : электронный. – URL: <http://www.aawsat.com> (дата обращения: 05.10.2017).

70. Арутюнов, Д. Истоки и будущее кризиса в регионе Ближнего Востока и Северной Африки / Д. Арутюнов. – Текст : электронный. – URL: <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/1428270.html> (дата обращения: 05.10.2017).

71. Нечитайло, Д.А. Об участии «Аль-Каиды» в событиях «арабской весны» / Д.А. Нечитайло. – Текст : электронный. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=12706> (дата обращения: 08.11.2017).

72. Дитрих, А. Ливийские племена одно за другим отворачиваются от Каддафи / А. Дитрих // Инопресса. – 2011 . – Текст : электронный. – URL: <http://www.inopressa.ru/article/24Feb2011/welt/gaddafi2.html> (дата обращения: 05.10.2020).

73. Берг, И.С. Роль племен в ливийских событиях: мнения экспертов / И.С. Берг // Институт Ближнего Востока. – Текст : электронный. – URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/02-09-11.htm> (дата обращения: 14.05.2016).

74. Ар-рабиа аль-арабий ам сумала аль-араб? / «Аль-Джарида». – Текст : электронный. – URL: <http://www.aljarida.com> (дата обращения: 16.06.2017).

75. Рамоне, И. Геополитика хаоса / И. Рамоне ; перевод с французского И.А. Егорова. – Москва : ТЕИС, 2001. – 128 с. – ISBN 5-7218-0342-8.

76. Кагарлицкий, Б.Ю. «Оранжевый мираж» или начало политики? / Б.Ю. Кагарлицкий // Журнал «Скепсис». – 2007. – Текст : электронный.

– URL: http://scepsis.net/library/id_1595.html (дата обращения 15.06.2017).

77. Сорокин, П.А. Социология революции / П.А. Сорокин. – Москва. – 2005. – 702 с. – ISBN 5-8243-0617-6.

78. Волков, Д. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты / Д. Волков. – Москва : Левада–Центр, 2012. – С. 5–7. – ISSN 2070-5107.

79. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – Москва : Аспект Пресс. – 1998. – С. 108–109. – ISBN 5-7567-0225-3.

80. Гарт, Р.Т. Почему люди бунтуют / Р.Т. Гарт. – Санкт-Петербург: Питер. – 2005. – 461 с. – ISBN 5-469-00134-2.

81. Голдстоун, Дж. К теории революции четвертого поколения / Дж. Голдстоун. – Текст : электронный. – URL: www.ruthenia.ru/logos/number/56/06.pdf (дата обращения 20.09.2017).

82. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – Москва : АСТ. – 2016 г. – 256 с. – ISBN 978-5-17-099395-6.

83. Шарп, Д. От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения / Д. Шарп. – Москва : Новое издательство, 2012. – 84 с. – ISBN 978-5-98379-159-6.

84. Шарп, Д. Теория ненасильственной борьбы / Д. Шарп. – Текст : электронный. – URL: <http://mioritix.tripod.com/civica/sharp1> (дата обращения: 05.10.2020).

85. Люттвак, Н.Э. Государственный переворот: Практическое пособие / Н.Э. Люттвак. – Москва : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – 326 с. – ISBN 978-5-91244-021-2.

86. Kumar, K. 1989: Revolutionary Ideas and Ideals / K. Kumar. – Minneapolis: University of Minnesota Press. – 2001. – 392 p. – ISBN: 978-0816634521.

87. Herd, G.P. Colourful Revolutions and the CIS: «Manufactured» versus «Managed» Democracy / G.P. Herd // Problems of Post-Communism. – 2005. – № 2. Volume 52. – P. 3–17. – DOI: 10.1080/10758216.2005.11052194.

88. D'Anieri, P. Explaining the Success and Failure of Post-Communist Revolutions / P. D'Anieri // *Communist and Post-Communist Studies*. – 2006. – № 3. Volume 39. – P. 331–350. – ISSN 0967-067X.
89. Beissinger, M.R. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions / M.R. Beissinger // *Perspectives on Politics*. – 2007. – № 2. Volume 5. – P. 259–276. – DOI: 10.1017/S1537592707070776.
90. Grodsky, B. Looking at Solidarnozc in Central Asia: The Role of Human Rights Organizations in Political Change / B. Grodsky // *Slavic Review*. – 2007. – № 3. Volume 66. – P. 442–465. – DOI: 10.2307/20060296.
91. Bunce, V.J. International diffusion and postcommunist electoral revolutions / V.J. Bunce, S.L. Wolchik // *Communist and Post-Communist Studies*. – 2006. – Volume 39. – P. 283–304. – ISSN 0967-067X.
92. Lincoln, A.M. *The Color Revolutions* / A.M. Lincoln. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. – ISBN: 978-0812244175.
93. Craig, C.C. *Shaping Colombia's Stability through Strategic Communication: Evaluating U.S. Effectiveness* / C.C. Craig. – Kansas : United States Army Command and General Staff College Fort Leavenworth, 2009. – ISBN: 978-1288315291.
94. Aslund, A. 2006. *Revolution in Orange. The Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough* / A. Aslund, M. McFall. – Washington DC : Carnegie Endowment. – P. 5–6. – ISBN: 978-0870032219.
95. Лэйн, Д. Оранжевая революция: «Народная революция» или Революционный переворот? / Д. Лэйн. – ПОЛИС. Политические исследования. 2010. – № 2. – С. 31–53. – DOI: 10.1111/j.1467-856X.2008.00343.x.
96. Skocpol, T. *States and Social Revolutions* / T. Skocpol. – New York: Cambridge University Press, 1979. – P. 4. – DOI: 10.1007/BF00158678.
97. Лейн, Д. «Цветная революция» как политический феномен / Д. Лейн // *Социология: теория, методы, маркетинг*, 2010. – № 1. – С. 16–38. – DOI: 10.1080/13523270902860295.

98. Хейл, Г. Демократия или автократия на марше / Г. Хейл // Прогнозис: Журнал о будущем, 2007. – № 2. – С. 267–294. – Текст : электронный. – URL: http://intelros.ru/pdf/prognosis2_07/Heyl.pdf (дата обращения: 05.10.2020).
99. Хейл, Г. Президентский режим, революция и демократия / Г. Хейл // Pro et Contra. – 2008. – № 1. – С. 6–21. – DOI отсутствует.
100. McGlinchey, E. Kyrgyz Democracy Gets Second Chance. End Note / E. McGlinchey. – RFE/ RL Newline. – 2005. – DOI отсутствует.
101. Filiu, J.-P. The Arab Revolution. Ten Lessons from the Democratic Uprising / J.-P. Filiu. – London : Hurst Publishers, 2011. – 195 p. – ISBN: 978-0199898299.
102. Wilson, J.L. Colour Revolutions: The View from Moscow and Beijing / J.L. Wilson // Journal of Communist Studies and Transition Politics. – 2009. – № 2. Volume 25. – P. 369–395. – DOI: 10.1080/13523270902861061.
103. Wilson, J.L. The Legacy of the Color Revolutions for Russian Politics and Foreign Policy / J.L. Wilson // Problems of Post-Communism. – 2010. – № 2. Volume 57. – P. 21–36. – DOI: 10.2753/PPC1075-8216570202.
104. Васильев, А.М. Цунами революций / А.М. Васильев // Азия и Африка сегодня, 2011. – № 3. – С. 2–18. – Текст : электронный. – URL: http://archive.asaf-today.ru/images/AA_nomers/2011/201103/Vasil'ev_Tsunami.pdf (дата обращения: 05.10.2020).
105. Кагарлицкий, Б.Ю. Политология революции / Б.Ю. Кагарлицкий – Москва : Алгоритм, 2007. – 576 с. – ISBN 978-5-9265-0401-6.
106. Звягельская, И.Д. События на Ближнем Востоке: российский взгляд / И.Д. Звягельская // Россия сегодня и завтра, 2011. – № 4. – С. 1–5. – Текст : электронный. – URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/08034.pdf> (дата обращения 14.06.2017).
107. Гельман, В. Украина: фрагментированное пространство / В. Гельман // СССР после распада ; под общей редакцией О.Л. Маргания – Санкт-Петербург : Экономическая школа. – 2007. – С. 75–140. – ISBN 5-902402-13-1.

108. Соловей, В.Д. «Цветные революции» и Россия. / В.Д. Соловей // Сравнительная политика. – 2011. – № 1 (3). Том 2. – С. 33–43. – DOI: 10.18611/2221-3279-2011-2-1(3)-33-43.

109. Печуров, С.Л. Арабский Восток: от «весны» к хаосу? / С.Л. Печуров. – Москва : Институт востоковедения РАН. – 2013. – 120 с. – ISBN 978-5-89282-558-0.

110. Пивоваров, Ю. Из выступления за круглым столом «Система русской власти: диссонансы или созвучия концептов?» / Ю. Пивоваров // Политическая концептология. – 2010. – № 2. – Текст : электронный. – URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2010.2/00.pdf> (дата обращения: 05.10.2020).

111. Лузянин, С.Г. «Цветные революции» в центральноазиатской проекции: Кыргызстан – Узбекистан – Казахстан / С.Г. Лузянин // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – № 5 (41). – С. 7–21. – ISSN 1403-7068.

112. Галкина, Е. Революция в Египте: от Арабской весны к весне «Братьев-мусульман»? / Е. Галкина // Левая политика. – 2012. – № 17–18. – С. 189. – Текст : электронный. – URL: http://www.intelros.ru/pdf/Left_politic/17_18/7.pdf (дата обращения: 05.10.2020).

113. Исаев, Б.А. Принцип домино и цепи революций: где, почему и как случаются «цветные революции» / Б.А. Исаев // Конфликтология. – 2014. – № 2. – С. 43–63. – Текст : электронный. – URL: <http://conflictology.ru/index.php/conflict/article/view/92/81> (дата обращения: 05.10.2020).

114. Манойло, А.В. Цветные революции и проблемы демонтажа политических режимов в меняющемся мире / А.В. Манойло // Электронный журнал «Вестник МГОУ». – № 2. – С. 1–14. – Текст : электронный. – URL: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/557> (дата обращения: 05.10.2020).

115. Наумова, А.Ю. «Цветные революции» на постсоветском пространстве / А.Ю. Наумова, В.Е. Авдеев, А.О. Наумов. – Санкт-Петербург : Алетей, 2013. – С. 178–179. – ISBN 978-5-91419-896-8.

116. Региональный мониторинг: анализ «Арабской весны»

// Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие
// IV Очередной Всероссийский социологический конгресс // Материалы
IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН
РБ, ИСПИИ. – Москва : РОС, 2012. – 1 CD ROM. – С. 8272–8312. – ISBN 978–5–
904804–06–0.

117. Кара-Мурза, С.Г. «Оранжевые» политические технологии /
С.Г. Кара-Мурза // Проблемы управления. – 2011. – № 1. – С. 159–168.
– ISSN 1819-3161.

118. Кара-Мурза, С.Г. Революции на экспорт / С.Г. Кара-Мурза,
С. Телегин, А. Александров, М. Мурашкин. – Текст : электронный. – URL:
<http://www.kara-murza.ru/books/export/Chapter002.htm> (дата обращения:
20.01.2017).

119. Кара-Мурза, С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... /
С.Г. Кара-Мурза. – Москва : Эксмо, 2005. – С. 3. – ISBN 5-9265-0197-0.

120. Фитуни, Л.Л. «Арабская весна»: трансформация политических
парадигм в контексте международных отношений / Л.Л. Фитуни // Мировая
экономика и международные отношения. – 2012. – № 1. – С. 3–14.
– ISSN 0131-2227.

121. Быстров, А. Первые уроки «арабских революций» / А. Быстров
// Институт Ближнего Востока. – Текст : электронный. – URL:
<http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/07-03-11a.htm> (дата обращения: 05.10.2020).

122. Манойло, А.В. Революция на Ближнем Востоке и в Северной
Африке: политический прагматизм и технологии управляемого хаоса
/ А.В. Манойло // Мир и политика. – 2011. – № 9. – С. 59–69. – ISSN отсутствует.

123. Фитуни, Л.Л. Ближний Восток: технологии управления протестным
потенциалом / Л.Л. Фитуни // Азия и Африка сегодня. – 2012. – Текст :
электронный. – URL: <http://www.asiaafrica.ru/files/201112.pdf> (дата обращения:
02.02.17).

124. Мухамеджанов, Б.Г. Технологии «арабской весны» власть и
оппозиция / Б.Г. Мухамеджанов, З.Т. Азизова. – Алматы: ОФ «Фонд Первого

Президента Республики Казахстан», 2011. – DOI отсутствует.

125. Соколов, С.С. Дипломная работа. Политическая ориентация ближневосточных СМИ в период «арабской весны» / С.С. Соколов. – Нижний Новгород : ННГУ им. Лобачевского, 2013. – С. 23. – DOI отсутствует.

126. Светлова, К. «Арабская весна» в арабских СМИ – какая она? / К. Светлова // Dailysmi. – Текст : электронный. – URL: <http://www.dailysmi.net/news/305416/> (дата обращения: 05.10.2020).

127. Подцероб, А.Б. Арабская смута: роль пропаганды и современных информационных технологий / А.Б. Подцероб // Центр Азия. – Текст : электронный. – URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1348518060> (дата обращения: 26.09.2017).

128. Юнггерр, А. Роль социальных сетей в организации «арабской весны» / А. Юнггерр // Memoid. – Текст : электронный. – URL: http://www.memoid.ru/node/Rol_socialnyh_setej_v_organisazii_arabskoj_vesny (дата обращения: 17.09.2017).

129. Баранов, Д.А. Новая социально-политическая реальность Ближнего Востока и Северной Африки в контексте кризисных последствий «Арабской весны» / Д.А. Баранов // Вопросы политологии. Научный журнал. – 2018. – № 6 (34). Том 8. – С. 99–109. – ISSN 2225-8922.

130. Асбаб фашаль ар рабиа аль-арабий фи Йемен // «BARAKISH.NET». – 2012. – Текст : электронный. – URL: <http://www.barakish.net>. (дата обращения: 05.10.2017).

131. Ат-Тураби, О.Б. Рабиа аль-интикам: АльЙемен Саид / О.Б. Ат-Тураби // «Аль-Мажалла». – 2012. – DOI отсутствует

132. Аш-Шаами, З. Тахдият ар-рабиа аль-арабий / З. Аш-Шаами // «Аль-Сахва» – Текст : электронный. – URL: <http://www.alsahwa-yemen.net> (дата обращения: 05.10.2017).

133. Ас-Сафти, А. Ар-рабиа аль-арабий... Маза яани? / А. Ас-Сафти // «Аль-Арабийя». – Текст : электронный. – URL: <http://www.alarabiya.net> (дата обращения: 05.10.2017).

134. Dearden, L. Saudi Arabia accuses Putin of hypocrisy over letter urging peace when Russia 'part of problem' / L. Dearden // The Independent. – 2015. – Текст : электронный. – URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/saudi-arabia-accuses-putin-of-hypocrisy-over-letter-urging-peace-when-russia-part-of-problem-10143131.html> (дата обращения: 05.10.2020).

135. Маргелов: операция в Мали должна проходить под флагами ООН и Афросоюза // РИА «Новости». – 2013. – Текст : электронный. – URL: <https://ria.ru/20130112/917853546.html> (дата обращения: 05.10.2020).

136. Баранов, Д.А. Трансформация политической системы Сирийской Арабской Республики в условиях вооруженного конфликта / Д.А. Баранов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2017. – № 1 (25). Том 7. – С. 80–85. – ISSN 2226-7867.

137. Глебова, Н.С. Арабо-мусульманский Ренессанс «справедливости» / Н.С. Глебова // Институт Ближнего Востока. – 2011. – Текст : электронный. – URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/21-09-11c.htm> (дата обращения: 05.10.2020).

138. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // «Российская Газета». – 2015. – Текст : электронный. – URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 05.10.2020).

139. Баранов, Д.А. Нестабильность на ближнем востоке и в Северной Африке как угроза национальной безопасности Российской Федерации / Д.А. Баранов // Теории и проблемы политических исследований. – 2019. – № 5А. Том 8. – С. 116–122. – ISSN 2222-9167. – DOI: 10.34670/AR.2019.44.5.013.

140. Бортников: террористы из Сирии и Ирака создают «спящие ячейки» в Европе и СНГ // Агентство «Интерфакс Россия». – 2019. – Текст : электронный. – URL: <http://www.interfax-russia.ru/Moscow/main.asp?id=1079452> (дата обращения: 05.10.2020).

141. Баранов, Д.А. Национальная безопасность Российской Федерации в

контексте социально-политических кризисов на Ближнем Востоке / Д.А. Баранов, Н.С. Дегтярев, А.А. Звездочкин [и др.] : материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2018»; под редакцией И.А. Алешковского, А.В. Андриянова, Е.А. Антипова. – Москва : МАКС Пресс, 2018. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. – Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader. – 1450 Мб. – 10000 экз. – ISBN 978-5-317-05800-5.

142. Игнатиус, Д., «The Washington Post (США): Америка слабеет и на Ближнем Востоке Россия с успехом использует «дипломатию падальщиков» / Д. Игнатиус // Интернет-проект ИноСМИ.RU. – 2020. – Текст : электронный. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20200511/247404302.html> (дата обращения: 05.10.2020).

143. Звягельская, И.Д. Доклад Международного дискуссионного клуба Валдай «Россия на Ближнем Востоке: гармония полифонии» / И.Д. Звягельская, В.А. Кузнецов, В.В. Наумкин. – 2018. – Текст : электронный. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/20411/> (дата обращения: 05.10.2020).

144. Hubbard, B. In Syria, Russia Is Pleased to Fill an American Void / B. Hubbard, A. Troianovski, C. Gal, P. Kingsley // The New York Times. – 2019. – Текст : электронный. – URL: <https://www.nytimes.com/2019/10/15/world/middleeast/kurds-syria-turkey.html> (дата обращения: 05.10.2020).

145. Хайри, А. «Тадждиду Димаа аль-Куа Адма» / А. Хайри // «Аль-Байан». – 2019. – DOI отсутствует.

146. Абдель Азиз, Х. Русия фи Шарк аль-Аусат / Х. Абдель Азиз // «Нидаа Сурия». – 2019. – DOI отсутствует.

147. Akulov, A. Russia's Arms Sales to Middle East Countries Spike to Record-High Levels / A. Akulov // Strategic Culture Foundation. – 2017. – Текст : электронный. – URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2017/11/18/russia-armssales-middle-east-countries-spike-record-high-levels.html> (дата обращения: 19 апреля 2018 г.).

148. Menon, R. Don't Believe the Hype. Russia Is Losing in the Middle East – and Around the World / R. Menon // Foreign Policy. – 2019. – Текст : электронный. – URL: <https://foreignpolicy.com/2019/11/18/vladimir-putin-russia-losing-power-middle-east-central-asia-africa-eastern-europe> (дата обращения: 12 декабря 2019 г.).

149. Стенографический отчет о встрече с участниками международного клуба «Валдай» 12 сентября 2008 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – Текст : электронный. – URL: <http://kremlin.ru/transcripts/1383> (дата обращения: 05.10.2020).

150. Указ Президента Российской Федерации от 26 июля 2015 г. об утверждении Морской доктрины Российской Федерации. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – Текст : электронный. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uAFi5nvux2twaqjftS5yrIZUVTJan77L.pdf> (дата обращения: 05.10.2020).

151. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. – 2015. – Текст : электронный. – URL: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 05.10.2020).

152. Лукьянов, Ф. Алавитский Израиль / Ф. Лукьянов // Россия в глобальной политике. – 2015. – Текст : электронный. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Alavitskii-Izrail-17674> (дата обращения: 05.10.2020).

153. Adamsky, D. How Russia Got Ahead in the Middle East / D. Adamsky // The Foreign Affairs. – 2015. – Текст : электронный. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2015-09-16/putins-damascus-steal> (дата обращения: 05.10.2020).